

Economics and Management

ЭКОНОМИКА и управление

РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ | RUSSIAN SCIENTIFIC JOURNAL

**ТЕМА
НОМЕРА**
Т. 30 № 10
2024

**ПРИВАТИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ТЭК
И СТАНОВЛЕНИЕ КОМПАНИИ
ПАО «НК «РОСНЕФТЬ»**

экономика и управление

Редакционная коллегия

Главный редактор
О. Г. СМЕШКО

д-р экон. наук, доцент

Заместитель главного редактора

В. А. КУНИН

д-р экон. наук, профессор

Научные редакторы

В. А. ПЛОТНИКОВ

д-р экон. наук,
профессор

Е. А. ТОРГУНАКОВ

д-р экон. наук,
профессор

С. А. БЕЛОЗЁРОВ

д-р экон. наук,
профессор

Выпускающие редакторы

В.В. САЛИНА, А.А. ЦВЕТИКОВА

Редактор-корректор

Е. С. ЧУЛКОВА

Перевод

при участии ООО «ЭКО-ВЕКТОР АЙ-ПИ»

<https://www.eco-vector.com>

Верстка

Е. О. ЗВЕРЕВА, М. Ю. ШМЕЛЁВ

Подписка и реализация

А. А. ЦВЕТИКОВА

Обформление обложки

Н. К. ШЕНБЕРГ

С использованием материалов

[freepik, nuraghies, Freepik AI] / freepik.com

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-67819 от 28 ноября 2016 г. выдано
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзором).

Учредитель и издатель

ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий

управления и экономики»

© Все права защищены

ISSN 1998-1627

Издается с 1995 г. Выпускается ежемесячно (12 номеров в год).
Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал

«Экономика и управление» обязательна.

Адрес редакции и издателя

Россия, 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а

Тел.: (812) 449-08-33

izdat-ime@yandex.ru

<https://emjume.elpub.ru/jour>

Типография

ООО «РАЙТ ПРИНТ ГРУПП».

198095, Санкт-Петербург, ул. Розенштейна, д. 21. Заказ № 177.

Формат 60×90/8.

Дата выхода в свет: 15.11.2024.

Тираж 114 экз. Свободная цена.

Журнал «Экономика и управление» получают по адресной рассылке:
министерства и ведомства РФ, главы администраций субъектов РФ,
Российская академия наук, научные институты, российские и зарубежные
вузы, предприятия, организации и учреждения отраслей народного
хозяйства, краевые, областные и районные библиотеки

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ПОД НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИМ РУКОВОДСТВОМ ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК РАН

Российский научный журнал (РНЖ) «Экономика и управление» включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией (ВАК) Министерства науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал рекомендован экспертными советами по экономическим наукам;
управлению, вычислительной технике и информатике

Редакционный совет

А. Г. АГАНБЕГЯН

заведующий кафедрой экономической теории и политики
РАНХиГС при Президенте РФ, д-р экон. наук, проф., академик РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

Л. А. АНОСОВА

начальник Отдела общественных наук РАН — заместитель
академика-секретаря Отделения общественных наук РАН
по научно-организационной работе, д-р экон. наук, проф., почетный
профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

В. БЕРГМАНН

член ученого совета Европейской академии наук и искусств,
д-р права, почетный профессор СПбУТУиЭ (Берлин, Германия)

Р. С. ГРИНБЕРГ

научный руководитель Института экономики РАН, д-р экон. наук,
проф., член-корреспондент РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

И. И. ЕЛИСЕЕВА

главный научный сотрудник Социологического института РАН —
филиала ФНИСЦ РАН, д-р экон. наук, проф., член-корреспондент РАН, засл. деят.
науки РФ, почетный профессор СПбУТУиЭ (Санкт-Петербург, Россия)

В. Л. КВИНТ

директор Центра стратегических исследований ИМИС МГУ
имени М. В. Ломоносова, заведующий кафедрой экономической и финансовой
стратегии МШЭ МГУ, д-р экон. наук, проф., иностранный член РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

А. А. КОКОШИН

заведующий кафедрой международной безопасности факультета
мировой политики МГУ имени М. В. Ломоносова,
д-р ист. наук, проф., академик РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

В. Л. МАКАРОВ

научный руководитель Центрального экономико-математического
института РАН, д-р ф.-м. наук, проф., академик РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

В. В. ОКРЕПИЛОВ

научный руководитель Института проблем региональной экономики РАН,
д-р экон. наук, проф., академик РАН, засл. деят. науки и техники РФ,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Санкт-Петербург, Россия)

Б. Н. ПОРФИРЬЕВ

научный руководитель Института народнохозяйственного
прогнозирования РАН, д-р экон. наук, проф., академик РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

А. Ю. РУМЯНЦЕВА

проректор по научной работе и международной деятельности
Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики,
канд. экон. наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

В. СТРИЛКОВСКИ

старший научный сотрудник Чешского университета
естественных наук (Прага, Чешская Республика)

В. А. ЦВЕТКОВ

директор Института проблем рынка РАН,
д-р экон. наук, проф., член-корреспондент РАН (Москва, Россия)

Р. М. ЮСУПОВ

руководитель научного направления Санкт-Петербургского
Федерального исследовательского центра РАН, д-р техн. наук, проф.,
член-корреспондент РАН, засл. деят. науки и техники РФ,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Санкт-Петербург, Россия)

В российский научный журнал «Экономика и управление»
принимаются на рассмотрение актуальные статьи
по следующим научным специальностям:

- 2.3.4. Управление в организационных системах (технические науки),
- 5.2.1. Экономическая теория (экономические науки),
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки),
- 5.2.4. Финансы (экономические науки),
- 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки),
- 5.2.6. Менеджмент (экономические науки).

Ekonomika i upravlenie (Economics and Management)

Editorial Office

Editor-in-Chief

Doctor of Economics, Assoc. Prof.
O. G. SMESHKO

Deputy Editor

Doctor of Economics, Prof.
V. A. KUNIN

Editor-in-Science

Prof. V. A. PLOTNIKOV, Prof. E. A. TORGUNAKOV,
Prof. S. A. BELOZEROV

Managing Editors

V. V. SALINA, A. A. TSVETIKOVA

Copy Editor

E. S. CHULKOVA

Translation

with the assistance of Eco-Vector Ltd
<http://eco-vector.com>

Mockup

E. O. ZVEREVA, M. Yu. SHMELEV

Subscription and sale of publications

A. A. TSVETIKOVA

Cover Design

N. K. SHENBERG

Photo by

[freepik, nuraghies, Freepik AI] / freepik.com

Russian scientific journal registered by the Federal Service
for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies
and Mass Communications (ROSCOMNADZOR).
Reg. ПИ No. ФС77-67819 28 Nov. 2016.

Founder and Publisher

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics
© all rights reserved
ISSN 1998-1627

Published since 1995. Publication Frequency: Monthly.
The point of view of the editorial office may not coincide
with the opinions of the authors of the articles.

When reprinting the link to the journal "Economics and Management"
is obligatory.

Official address of the Editorial Office and Publisher

44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia
Phone: (812) 449-08-33
E-mail: izdat-ime@yandex.ru
Official website: <https://emjume.elpub.ru/jour>

Printing office

LLC "RIGHT PRINT GROUP".
21 Rozenshteyna st., St. Petersburg 198095, Russia. Order No. 177.

Format 60×90/8.

Release date 15.11.2024.

Circulation 114 copies. Free-of-control price.

The regular readers of Economics and Management:

ministries and departments of the Russian Federation, heads of administration
of subjects of the Russian Federation, the Russian Academy of Sciences, scientific
institutes, Russian and foreign universities, enterprises, organizations
and institutions of the national economy, regional and district libraries

Editorial Council

PROF. A. G. AGANBEGYAN

Head of Department of Economic Theory and Politics
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Academician
of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

PROF. L. A. ANOSOVA

Head of Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Deputy Academician Secretary of Department of Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

PROF. W. BERGMANN

Member of the Academic Council of the European Academy of Sciences
and Arts Letters, Doctor of Law (Berlin, Germany)

PROF. R. S. GRINBERG

Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy
of Sciences, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

PROF. I. I. ELISEEVA

Chief researcher of the Sociological Institute
of the RAS (branch of the FCTAS RAS), Doctor of Economics, Professor,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Honored Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

PROF. V. L. KVINT

Director of the Center of Strategic Researches of M. V. Lomonosov Moscow
State University, Head of the Department
of Economic and Financial Strategy of MSU, Foreign member
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

PROF. A. A. KOKOSHIN

Head of the Department of M. V. Lomonosov Moscow State University,
Academician of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

PROF. V. L. MAKAROV

Scientific Director of Central Institute of Economics and Mathematics
of the Russian Academy of Sciences,
Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

PROF. V. V. OKREPILOV

Scientific Director of the Institute for Regional Economic Studies
Russian Academy of Sciences,
Academician of the Russian Academy of Sciences,
Honored Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

PROF. B. N. PORFIR'EV

Scientific Director of Economic Forecasting Institute
of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy
of Sciences (Moscow, Russia)

ASSOC. PROF. A. YU. RUMYANTSEVA

PhD in Economics, Vice-Rector for Research and International Affairs
of the St. Petersburg University of Management Technologies
and Economics (St. Petersburg, Russia)

PROF. W. STRIELKOWSKI

Senior Research Fellow at the Czech University of Life Sciences Prague, PhD
(Prague, Czech Republic)

PROF. V. A. TSVETKOV

Director of Market Economy Institute of the Russian Academy
of Sciences (MEI RAS), Correspondent Member of the Russian Academy
of Sciences (Moscow, Russia)

PROF. R. M. YUSUPOV

Head of the Scientific Direction
of the St. Petersburg Federal Research Center
of the Russian Academy of Sciences, Correspondent Member
of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist
of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

ECONOMICS AND MANAGEMENT IS PUBLISHED UNDER THE GUIDANCE OF DEPARTMENT OF SOCIAL SCIENCES,
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

The journal is indexed RSCI, listed in the list of HAC

Содержание

Актуальные проблемы развития экономики... 1164

Сечин И. И. Приватизация российского топливно-энергетического комплекса и становление
ПАО «Нефтяная компания «Роснефть» 1164

Экономическая теория 1178

Степанова Е. С., Яковлева П. Э. О развитии
теоретических подходов к анализу кластеров
как сетевых пространственно-экономических
образований 1178

Мировая экономика 1188

Опарин Э. В. Перспективы развития въездного
медицинского туризма России из стран
Центральной Азии 1188

Региональная и отраслевая экономика 1201

Евменов А. Д., Насибуллин И. У. Формирование
институтов развития креативных (творческих)
индустрий регионов при цифровой
трансформации хозяйственной деятельности 1201

Мисхожев Э. Р., Самотуга В. Н. Экономическая
устойчивость региона: понятие, структура
и факторы, ее определяющие 1213

Путинцева Н. А., Ушакова Е. В. Направления
совершенствования обращения с твердыми
отходами и вторичными ресурсами в регионах
современной России 1223

Финансово-кредитная сфера 1235

Львова О. А., Попов Н. Е. Состав и динамика
корпоративной проблемной задолженности:
основные тренды 1235

Векшина А. А. О проблеме формирования
оптимального соотношения собственных
и заемных средств компании в современных
экономических реалиях 1245

Научные исследования молодых ученых 1254

Ван Гуаньюй. Стратегическое управление
ревитализацией сельских районов Китая
в рамках концепции цифровой экономики:
прошлое, настоящее и будущее 1254

Кениз А. В. Государственная политика в сфере
цифровизации как инструмент стимулирования
экономического роста 1267

Умавов Ш. Ю. Основные тенденции и особенности
аудита нефинансовой информации
об устойчивом развитии как одного
из перспективных видов управленческого
аудита 1274

Шмидт Н. И. Востребованность компетенций
работников в условиях цифровизации услуг 1290

Основные условия и требования к оформлению
рукописей научных статей, представляемых
в РНЖ «Экономика и управление» 1299

Contents

Actual Problems Development of Economics ... 1164

Igor I. Sechin. Privatization of Russia's energy sector and establishment of Rosneft Oil Company .. 1164

Economic Theory 1178

Ekaterina S. Stepanova, Polina E. Iakovleva.
On the development of theoretical approaches to the analysis of clusters as network spatial-economic entities 1178

World Economy 1188

Eduard V. Oparin. Prospects for the development of inbound medical tourism in Russia from Central Asian countries 1188

Regional and Sectoral Economy 1201

Alexander D. Evmenov, Iskander U. Nasibullin.
Establishing regional institutions for creative industry development amid transformation of economic activity 1201

Eldar R. Miskhozhev, Vladimir N. Samotuga. Regional economic sustainability: Concept, structure and determining factors 1213

Natalia A. Putinceva, Elena V. Ushakova. Routes for improving the management of solid waste and secondary resources in the regions of modern Russia 1223

Finance and Credit 1235

Olga A. Lvova, Nikolay E. Popov. Composition and dynamics of corporate troubled debt: Main trends 1235

Anna A. Vekshina. The problem of forming the optimal ratio of equity and debt funds of the company in modern economic circumstances 1245

Scientific Research of Young Scientists..... 1254

Wang Guangyu. Strategic management of rural revitalization in China under the concept of the digital economy: Past, present, and future 1254

Andrey V. Kenig. State policy on digitalization as a tool for stimulating economic growth 1267

Shamil Yu. Umavov. Key trends and features of non-financial information audit on sustainable development as a promising form of management audit 1274

Natalya I. Shmidt. Demand for employee competencies in the context of digitalization of services 1290

Basic conditions and requirements for research articles submitted to the Russian scientific journal "Economics and Management" 1300

УДК 330.101

<http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-10-1164-1177>

Приватизация российского топливно-энергетического комплекса и становление ПАО «Нефтяная компания «Роснефть»

Игорь Иванович Сечин

ПАО «Нефтяная компания «Роснефть», Москва, Россия, postman@rosneft.ru,
<https://orcid.org/0009-0006-0204-5888>

Аннотация

Цель. Провести комплексный анализ процесса приватизации российского топливно-энергетического комплекса (ТЭК), а также выделить основные этапы становления ПАО «Нефтяная компания «Роснефть».

Задачи. Определение ключевых этапов и направлений приватизации российского ТЭК; выделение особенностей и факторов, оказавших влияние на ход приватизации российского ТЭК в различные периоды; анализ основных различий в подходе к приватизации нефтяных компаний России (сравнение «Роснефти» и других компаний отрасли); характеристика пути становления компании «Роснефть» в сравнении с остальными отечественными нефтяными компаниями; оценка политических и социально-экономических итогов приватизации российского ТЭК.

Методология. Исследование опирается на методы системного и экономического анализа, систему экспертных оценок, а также общенаучные методы изучения экономических явлений, включая анализ исторических источников, временных рядов, а также метод аналогий.

Результаты. Выделены особенности проведения приватизации в России, а также прослеживается ее влияние на развитие отечественной экономики. Приведена оценка результатов приватизации, показано отражение ее итогов в современной экономике страны. Обоснован вывод о нейтральности форм собственности, преимущественном влиянии институциональных и организационных факторов. Особое внимание уделено анализу процесса приватизации ТЭК. Исследованы этапы и особенность проведения этого процесса в ТЭК, которая состояла в том, что в нефтяной отрасли удалось реализовать особую форму приватизации в виде корпоративных объединений нескольких взаимосвязанных хозяйствующих субъектов. Отдельно рассмотрено значение государственной компании «Роснефть» в возвращении системообразующей роли государства в нефтяной отрасли. Освещены основные этапы развития компании, завершившиеся ее превращением в глобальную энергетическую компанию. Сделан акцент на важности диверсификации и технологического развития для будущего ПАО «НК «Роснефть».

Выводы. Процесс приватизации в 90-х гг. XX века в России в целом отличался отсутствием должного уровня предварительной подготовки и проработки программы реформ, непоследовательностью шагов и хаотичностью социально-экономических преобразований. В приватизации ТЭК России, в частности нефтяной отрасли, наблюдались такие же проблемы, что и в остальных секторах экономики: нарушение формальных процедур, колоссальное занижение реальной стоимости активов, вывод наиболее ликвидных активов из-под государственного контроля. Оценивая итоги проведенной приватизации отраслей народного хозяйства, включая ТЭК, можно заключить, что политическое руководство нашей страны этого периода допустило стратегический просчет. Результатом последнего стали резкое падение уровня жизни населения, технологическое отставание и ресурсно-сырьевая модель развития страны. В начале 2000-х гг. был скорректирован государственный курс в нефтяной отрасли: ТЭК стал рассматриваться в качестве важнейшей отрасли экономики, ключевого налогоплательщика и партнера в реализации социальных проектов Правительства РФ. Сохранение «Роснефти» в государственной собственности и дальнейшая консолидация нефтяных активов под ее управлением сыграли огромную роль в возвращении системообразующей роли государства

© Сечин И. И., 2024

в нефтяной отрасли. Продажа «Роснефти» означала бы окончательный уход государства из нефтяной отрасли. Следствием этого стали бы выход России из большой мировой энергетической игры и потеря политической субъектности.

Ключевые слова: приватизация, последствия приватизации, развитие экономики, инвестиции, роль государства в экономике, нефтяная отрасль, ТЭК, «Роснефть», диверсификация, глобальная энергетическая компания

Для цитирования: Сечин И. И. Приватизация российского топливно-энергетического комплекса и становление ПАО «Нефтяная компания «Роснефть» // *Экономика и управление*. 2024. Т. 30. № 10. С. 1164–1177. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-10-1164-1177>

Privatization of Russia's energy sector and establishment of Rosneft Oil Company

Igor I. Sechin

Rosneft Oil Company, Moscow, Russia, postman@rosneft.ru, <https://orcid.org/0009-0006-0204-5888>

Abstract

Aim. To make a comprehensive analysis of the process of privatization of the Russian energy sector, as well as to identify the main stages of establishment of Rosneft Oil Company.

Objectives. To identify the key stages and directions of privatization of the Russia's energy sector; to highlight the features and factors that influenced the course of privatization of the Russia's energy sector in different periods; to review the main differences in the approach to the privatization of oil companies in Russia (comparison of Rosneft and other companies in the industry); to characterize Rosneft's path of establishment in comparison with other domestic oil companies; to assess the political and socio-economic outcomes of the privatization of the Russian energy sector.

Methods. The study is based on the methods of systemic and economic analysis, the system of expert assessments, as well as general scientific methods of studying economic phenomena, including the analysis of historical sources, time series, as well as the analogy approach.

Results. The features of privatization in Russia are highlighted, as well as its impact on the development of the domestic economy. The evaluation of the results of privatization is given, and the reflection of its results in the country's modern economy is shown. The conclusion about the neutrality of ownership forms, the predominant influence of institutional and organizational factors is substantiated. Special attention is paid to reviewing the process of privatization of the energy sector. The stages and peculiarity of this process in the energy sector are studied, which consisted in the fact that the oil industry managed to implement a special format of privatization in the form of corporate associations of several interrelated economic entities. The importance of the state-owned company Rosneft in returning the system-forming role of the state in the oil industry is considered separately. The main stages of the company's development, which resulted in its transformation into a global energy company, are highlighted. Emphasis is placed on the importance of diversification and technological development for the future of Rosneft Oil Company.

Conclusions. The privatization process in the 90s of the XX century in Russia as a whole was characterized by the lack of an adequate level of preliminary preparation and elaboration of the reform program, inconsistency of steps and chaotic socio-economic transformations. The privatization of the Russian energy sector, in particular the oil industry, faced the same problems as in other sectors of the economy: violation of formal procedures, colossal understatement of the real value of assets, withdrawal of the most liquid assets from state control. Assessing the results of the privatization of sectors of the national economy, including the energy sector, we can conclude that our country's political leadership of that period made a strategic miscalculation. The latter resulted in a steep decline of the living standards of the population, technological inferiority and resource-based model of the country's development. In the early 2000s, the government's course in the oil industry was adjusted: the energy sector began to be regarded as the most important sector of the economy, a key taxpayer and a partner in the implementation of social projects of the Russian Government. Retaining Rosneft in state ownership and further consolidation of oil assets under its management played a huge role in returning the state's backbone role in the oil industry. The sale of Rosneft would have meant the final withdrawal of the state from the oil industry. The consequence of this would be Russia's withdrawal from the big global energy game and loss of political subjectivity.

Keywords: *privatization, consequences of privatization, economic development, investments, role of the state in the economy, oil industry, energy sector, Rosneft, diversification, global energy company*

For citation: Sechin I.I. Privatization of Russia's energy sector and establishment of Rosneft Oil Company. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2024;30(10):1164-1177. (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-10-1164-1177>

Введение

Подготовка к приватизации в Российской Федерации (РФ) началась еще в советский период. Обсуждение идей частной собственности, приватизации, а также разработка соответствующих первоначальных законодательных актов происходили в последние годы правления М. С. Горбачева. В частности, 1 июля 1991 г. постановлением Верховного Совета СССР введен в действие Закон «Об основных началах разгосударствления и приватизации предприятий» [1]. В качестве ключевых этапов приватизации уже российской экономической истории можно выделить первичную «ваучерную» приватизацию 1992–1994 гг., форсированную денежную приватизацию 1995–1999 гг., плановую денежную приватизацию 2000–2015 гг.

На начальном этапе приватизации осуществлялись целенаправленная политика создания новых институтов собственности и принудительная «денационализация» предприятий и средств производства. В этот же период положения принятых в 1991 г. нормативных актов, которые регулировали приватизационные процедуры, не принимались в расчет. Возглавляемый А. Чубайсом Государственный комитет РФ по управлению государственным имуществом действовал в соответствии с оперативно принятыми указами Президента РФ и постановлениями Правительства РФ.

Процесс «чековой приватизации», объявленный летом 1992 г., предусматривал приватизацию около половины производственных фондов РФ к концу 1994 г. [2]. Таким образом, курс на ускоренный переход государственной собственности в частную собственность де-факто был закреплен. По данным Госкомстата России, в середине 1992 г. в стране насчитывалось около 350 тыс. государственных и муниципальных предприятий. Всего в 1991–1992 гг. более 46 тыс. предприятий перешли в частную собственность, а в 1993–1994 гг. — около 71 тыс. предприятий.

Для второго этапа приватизации (1995–1999) характерны интенсификация процессов пе-

рераспределения прав собственности после первичного этапа приватизации, дальнейшее самоустранение государства и как субъекта собственности, и порой как регулятора экономических отношений. В начальный период реформ приверженцы ускоренных преобразований провозглашали, что передача права собственности на природные ресурсы, средства производства, землю и жилье от государства в частные руки является необходимой частью процессов «демократических преобразований» общества. Они утверждали, что результатами таких институциональных изменений станут «облегчение перехода к свободным ценам», «освобождение государства от бремени содержания наиболее неэффективных предприятий и объектов (убыточных предприятий, объектов незавершенного строительства)», «резкое повышение экономической эффективности деятельности предприятий на основе их передачи в руки более эффективных собственников», «увеличение бюджетных доходов» [3].

Более того, были заявления о том, что посредством приватизации можно решить и другие вопросы: успешно бороться с монополиями, привлекать международный инвестиционный капитал, выходить на международные рынки, создать многочисленную социальную группу мелких и средних собственников. Как известно, на начальном этапе реформирования и проведения приватизации в России социально-экономическая ситуация в стране резко ухудшилась. Между тем имеющийся анализ методологических направлений и экономических школ, помимо существующих в мире в этот исследуемый период разноплановых экономико-политических систем, говорит о том, что у страны в начале 90-х гг. XX в. мог быть иной выбор направления социально-экономического реформирования и развития. Однако дискуссия о характере перспективной экономической системы широкого экспертного и общественного развития не получила. Вместо этого стране был навязан путь построения капиталистического рынка на основе его классического теоретического представления.

Реформаторской командой по большому счету были проигнорированы негативные последствия и уроки зарубежного опыта приватизационных процессов в странах Восточной Европы и Западной Европы, в других развивающихся государствах. В итоге на практике возобладал ускоренный путь разгосударствления российской экономики на базе фактически директивных указаний уполномоченных органов. Формально это был выбор Президента РФ Б. Н. Ельцина. В 1991 г. он назначил Е. Гайдара вице-премьером Правительства РФ и одновременно министром экономики и финансов; А. Шохина — вице-премьером, министром труда и социальной защиты; А. Чубайса — председателем Государственного комитета РФ по управлению государственным имуществом. Активную и порой определяющую роль в формировании экономической повестки играли западные советники.

Предложенная группой реформаторов и советников Ельцина программа «шоковой терапии» была поддержана Международным валютным фондом и Гарвардским институтом международного развития. Гайдара и Чубайса консультировали действующие профессора Дж. Сакс и А. Шлейфер и бывшие профессора Гарварда Л. Саммерс и Д. Липтон. Стратегия ускоренной приватизации государственных активов привела к масштабному переделу государственной собственности. После первых мер по либерализации цен прочие реформы не были осуществлены или были проведены в крайне урезанном виде. За два года не удалось достичь успеха в продвижении заявленных инициатив, в том числе предложений об использовании зарубежной финансовой помощи для смягчения негативных последствий российских реформ.

Негативные в целом результаты реформ поставили под вопрос оправданность и целесообразность выбора денационализации как генерального направления экономических преобразований в России. И если сделанный в эти годы выбор до сих пор остается полем для дискуссий и размышлений, то отсутствие должного уровня предварительной подготовки и проработки программы реформ, непоследовательность шагов и ускоренный, фактически институционально неуправляемый хаотичный характер социально-экономических преобразований однозначно можно считать прямым следствием недоработок и упущений реформаторской команды.

На основании многих свидетельств и данных сегодня можно с высокой степенью уверенности утверждать, что фактическая цель приватизации 90-х гг. XX века в России была преимущественно политической. Говоря о действительной, а не декларируемой цели приватизации 90-х гг., нельзя не привести мнение А. Чубайса, одного из идеологов и действующих лиц этого процесса: «Приватизация в России до 1997 г. вообще не была экономическим процессом... Она решала главную задачу — остановить коммунизм. Эту задачу мы решили» [4].

Такова общая канва и логика происходивших в России процессов приватизации. В отдельных промышленных комплексах наблюдалась своя специфика, обусловленная технологическими особенностями, а также характером режима воспроизводства в отраслях в новых условиях.

После распада СССР значительные объемы советского нефтяного экспорта на короткое время «выпали» с рынка, но это не привело к существенным ценовым катаклизмам. Скачок цен был, хотя и заметным, но слишком кратковременным. Мировой рынок быстро справился с ситуацией, и цены на нефть вернулись на прежний, низкий уровень. Вместе с тем разрушение прежних экономических связей и производственной кооперации с бывшими советскими республиками вкупе с низкими мировыми ценами максимально декапитализировали нефтяную промышленность России. Растущая зависимость государственного бюджета от доходов в результате экспорта энергоносителей неизбежно вела к росту налогового бремени на отрасль, а возможности отрасли для инвестиций в наращивание производства снижались.

Под вывеской высоких политических рисков и в условиях отсутствия контроля иностранные инвесторы не торопились вкладывать средства в отрасль, рассчитывая либо получить более выгодные для них условия соглашений о разделе продукции, либо приобрести по демпинговой цене декапитализированные российские предприятия. В свою очередь, отечественные собственники нефтяных компаний стремились оставлять валютную выручку за рубежом. В итоге конкурентоспособность отечественного нефтяного сектора быстро снижалась. Разобщенные осколки некогда единого комплекса были не в состоянии на равных вести диалог с глобальными игроками, пользующимися

государственной поддержкой своих стран. Все эти обстоятельства во многом предопределили характер и особенности приватизации в нефтяной отрасли России.

Приватизация российского топливно-энергетического комплекса

Формальный старт приватизации в российской нефтяной отрасли дан 17 ноября 1992 г., с даты подписания Б. Н. Ельциным Указа «Об особенностях приватизации и преобразования в акционерные общества государственных предприятий, производственных и научно-производственных объединений нефтяной, нефтеперерабатывающей промышленности и нефтепродуктообеспечения» [5]. Из нефтяной отрасли были выделены ЮКОС, ЛУКОЙЛ, «Сургутнефтегаз» и «Роснефть». В действительности формирование первых трех из них путем присоединения наиболее привлекательных активов еще советской нефтяной отрасли началось уже в 1991 г. на стадии развала СССР.

Как и в целом по стране, для первого этапа приватизации в нефтяной отрасли также характерна легализация прежних неформальных прав собственности за крупными советскими функционерами и «красными директорами», существовавшими в указанный период в рамках отношений между государством и директорами предприятий. Так, компанию ЮКОС возглавил С. Муравленко, который с 1988 г. руководил Производственным Объединением «Юганскнефтегаз» — основным активом ЮКОСа. Генеральным директором «Сургутнефтегаза» стал В. Богданов, руководивший предприятием с 80-х гг. XX в.; главой ЛУКОЙЛа — В. Алекперов, первый заместитель министра нефтяной и газовой промышленности. На этом этапе государство, в том числе за счет находившихся в его собственности пакетов акций, еще сохраняло формальный контроль за предприятиями.

Принципиальное отличие от большинства других отраслей, в которых осуществлялась приватизация обособленных, автономных юридических лиц, состоит в том, что в нефтяной отрасли удалось реализовать особую форму приватизации. Взаимосвязанные хозяйствующие субъекты переходили в частную собственность в виде корпоративных объединений, благодаря этому была обеспечена непрерывность функционирования

отрасли и не были нарушены устоявшиеся производственные связи. В 1992 г. нефтегазовые активы, оставшиеся у государства после выделения ЮКОСа, ЛУКОЙЛа и «Сургутнефтегаза», были объединены в государственное предприятие «Роснефть».

После серии вычленений очередных наиболее ликвидных активов из периметра государственного предприятия «Роснефть» (на базе которых впоследствии были сформированы «ТНК» («Тюменская нефтяная компания»), «Сибнефть» и др.) остатки активов государственного предприятия акционированы 29 сентября 1995 г. на основании постановления Правительства РФ № 971 «О преобразовании государственного предприятия «Роснефть» в открытое акционерное общество «Нефтяная компания «Роснефть» [6]. Если на момент создания государственного предприятия «Роснефть» в 1992 г. в нее входило 259 предприятий отрасли, то через пять лет, после всех выделений активов указами Президента РФ, в структуре «Роснефти» остались 32 предприятия, из которых только семь — нефтедобывающие¹, преимущественно малоперспективные, с невысоким или падающим уровнем добычи. Объем добываемых «Роснефтью» жидких углеводородов в 1995 г. не достигал даже 13 млн т [7].

До окончательной приватизации нефтяной отрасли России оставался лишь один шаг — приватизация «Роснефти». После акционирования аукцион по продаже пакета 75 % плюс одна акция «Роснефти» был назначен на 29 мая 1998 г. «Роснефть» была оценена в \$ 2,1 млрд с дополнительным обязательством по объемам капитальных вложений в \$ 400 млн. В процессе приватизации «Роснефти» планировали принять участие зарубежные компании Shell («Шелл») и BP («Бритиш Петролеум»). О своем интересе к приобретению «Роснефти» заявлял и финансист Дж. Сорос. Этот аукцион мог стать первым в России, в котором, несмотря на политические риски, открыто участвовал бы иностранный капитал.

Продажа «Роснефти» означала бы окончательный уход государства из нефтяной отрасли, и следствием этого стали бы выход России из большой мировой энергетической игры и потеря политической субъектности. Однако торги относительно «Роснефти» не

¹ «Краснодарнефтегаз», «Ставропольнефтегаз», «Пурнефтегаз», «Сахалинморнефтегаз», «Дагнефть», «Архангельскгеолдобыча», «Термнефть».

состоялись. В апреле 1998 г., за месяц до аукциона, Московский арбитражный суд по иску кредиторов арестовал 51 % голосующих акций «Пурнефтегаза», самого эффективного нефтедобывающего предприятия «Роснефти». И только в ноябре 1998 г., благодаря усилиям Генеральной прокуратуры РФ и личному вмешательству нового главы Правительства России Е. Примакова, акции «Пурнефтегаза» были возвращены «Роснефти». Продажа последнего заметного государственного нефтяного актива России так и не состоялась.

Хотя государство и сохранило «Роснефть» в своей собственности, а позднее использовало ее для начала новой консолидации нефтяных активов, конкуренты из частного сектора в 90-х гг. существенно превосходили stagnирующую государственную компанию по объемам добычи нефти. Так, в 1998 г. добыча жидких углеводородов «Роснефтью» составила всего 12,6 млн т (–2,9 % по сравнению с 1997 г.), в то время как добыча ЛУКОЙЛа — 53,7 млн, «Сургутнефтегаза» — 35,2 млн т, ЮКОСа — 4,1 млн т, «Татнефти» — 23,1 млн т, СИДАНКО — 19,9 млн т, «ТНК» — 19,65 млн т, «Сибнефти» — 17,3 млн т, «Башнефти» — 12,9 млн т [8]. Тем не менее при поддержке Президента РФ В. В. Путина «Роснефть» получила шанс на существование, постепенно становилась стержневой компанией отечественной нефтяной отрасли и начала приобретать статус национальной государственной акционерной нефтяной компании. Прежде всего «Роснефть» на основании правительственного разрешения нарастила долю в дочерних компаниях до 75 %, что помогло навести порядок в корпоративной системе управления бизнесом. Рост добычи нефти Компанией в 2001 г. превысил в годовом выражении 10 % (до 14,9 млн т).

Главным механизмом второго этапа приватизации стали «залоговые аукционы». Государственные предприятия были переданы в частную собственность в обмен на финансирование государственных затрат. Номинально частные банки кредитовали государство, а акции ценных производственных активов при этом становились залогом. В действительности все участники понимали, что кредит не будет возвращен и акции перейдут в новые руки. Кроме того, сумма полученных государством кредитов была «эквивалентна сумме временно свободных валютных средств федерального

бюджета, размещенных в это время Минфином России на депозитных счетах коммерческих банков, ставших затем победителями в залоговых аукционах» [9]. Банки фактически «кредитовали» государство государственными же деньгами. По подобной схеме в 1994–1997 гг. была осуществлена приватизация ЛУКОЙЛа, в результате которой у государства осталось лишь 26,6 % акций предприятия; 40 % акций «Сургутнефтегаза» досталась негосударственному пенсионному фонду «Сургутнефтегаз», 80 % акций ЮКОСа — банку «Менатеп» М. Ходорковского.

Однако приватизацией трех крупнейших нефтяных активов процесс не завершен. Используя связи в Правительстве РФ, финансово-промышленные группы были намерены получить наиболее ликвидные активы, которые все еще оставались под государственным контролем. В итоге «Нижневартовскнефтегаз», «Тюменьнефтегаз», Рязанский нефтеперерабатывающий завод (НПЗ), выведенные из структуры «Роснефти», были объединены в корпорацию «Тюменская нефтяная компания» («ТНК») и переданы «Альфа-групп» посредством «залоговых аукционов». 29 сентября 1995 г. в соответствии с Указом Б. Н. Ельцина от 24 августа 1995 г. была создана «Сибнефть», которая получила под свой контроль следующие активы «Роснефти»: Омский НПЗ, «Омскнефтепродукт», «Ноябрьскгеофизика», «Ноябрьскнефтегаз». Позднее, в ходе «залоговых аукционов», «Сибнефть» перешла под контроль Б. Березовского и Р. Абрамовича (впоследствии единоличный контроль над «Сибнефтью» получил Абрамович).

Государство все больше теряло контроль над нефтяной отраслью. Вместе с тем новые собственники нефтяных активов в действительности проводили политику экспансионистского роста за счет выкупа все новых и новых активов у государства и минимизации социальных проектов. При этом инвестиции в обновление основных фондов практически не осуществлялись, а полученная прибыль выводилась за пределы страны. Привлеченные частные и иностранные инвестиции не шли на развитие предприятий, или их было недостаточно; предприятия не вкладывались в развитие инфраструктурных и социальных проектов в регионах России, областях нефтедобычи, да и в целом судьба регионов их не интересовала (например, в планах развития Ковыктинского газового

месторождения в момент принадлежности лицензии на разработку «ТНК-ВР» не было учтено обеспечение газом российских потребителей: по плану, жители Иркутской области должны были получать в год не более 4 млрд м³ добываемого на Ковыктинском месторождении газа, в то же время 30 млрд м³ предполагали направить на экспорт); широкий слой средних собственников в итоге не был сформирован. Фактически этот длительный процесс завершался, как правило, консолидацией активов в руках крупных олигархов, что не позволяло создать истинно конкурентную среду.

Кроме того, исследователи приватизации полагают, что приватизация изначально проводилась с нарушениями формальных процедур, а также с колоссальным занижением реальной стоимости активов. Вследствие этого государственный бюджет недополучал значительные средства. Так, в аналитической записке Счетной палаты РФ [9], опубликованной в 2004 г., указано, что при продаже «ТНК» «не была учтена стоимость извлекаемых запасов нефти и газа, находящихся на балансе организации, в результате цена продажи пакета акций была занижена минимум на 920 млн долл.». Согласно оценке Счетной палаты РФ, в 1996–1997 гг. от продажи 7,97 % уставного капитала «Славнефти» государство недополучило 309,3 млн долл.

Оценивая итоги проведенной в России в 90-х гг. XX в. приватизации отраслей народного хозяйства, включая ТЭК, можно сделать неутешительный вывод о том, что политическое руководство страны рассматриваемого периода допустило стратегический просчет, результатом которого стали резкое падение уровня жизни населения, технологическое отставание и ресурсно-сырьевая модель развития страны.

В начале 2000-х гг. государственный курс в нефтяной отрасли был скорректирован. Произошло частичное обновление политической элиты, несколько изменилась расстановка сил во взаимоотношениях крупного бизнеса (прежде всего с олигархами ельцинской эпохи) и властных структур, постепенно изменилось представление о том, каким образом должна развиваться нефтяная отрасль в пользу ее большей консолидации в руках государства. ТЭК стали рассматривать в качестве важнейшей отрасли экономики, ключевого налогоплательщика и партнера в реализации социальных проектов

Правительства РФ. Становится понятным, что при таком подходе государству необходим был больший контроль над отраслью, что неизбежно сталкивало его с интересами нефтяных магнатов. Одновременно возник вопрос об эффективности использования месторождений.

В частности, нефтяные компании «Сибнефть», «ТНК» и ЮКОС быстро переходили на новые территории нефтедобычи, прекращая разработку нерентабельных месторождений. На это указывает доля простаивающих скважин в 2002 г.: более 50 % — у «Сибнефти», 41 % — у «ТНК», 34 % — у ЮКОСа; у «Роснефти» для сравнения в этот же год — лишь 7,2 %. В общественном сознании все больше укреплялось мнение о том, что частные нефтяные компании наносят немалый ущерб экономике России, недоплачивая налоги в бюджет и применяя неэффективные способы добычи [10].

В изменившихся условиях владельцы нефтяных активов увидели единственную возможность защиты своей собственности в продаже акций иностранным инвесторам, полагая, что Правительство РФ не пойдет на национализацию иностранных активов. Первой компанией, успешно реализовавшей этот сценарий, стала «ТНК», объединившаяся с ВР в 2003 г. Несмотря на очевидные денежные плюсы привлечения иностранных инвесторов, нужно понимать, что западные компании рассматривали Россию прежде всего как территорию, на которой будет возможным быстрое извлечение больших прибылей, и, по сути, не планировали вкладываться в воспроизводство минерально-сырьевой базы страны.

Вторым на очереди вслед за «ТНК» должен был стать ЮКОС, ранее объявивший о слиянии с «Сибнефтью». Переговоры о продаже ЮКОСа зарубежным инвесторам активно вел М. Ходорковский. Основными претендентами на покупку нефтяной компании выступали американские Chevron и ExxonMobil, а также англо-голландская Shell. С учетом того, что после слияния с «ТНК» английская ВР уже получила контроль за огромной ресурсной базой в Сибири, сделка ЮКОСа с американскими компаниями могла бы поставить под контроль англосаксов большую часть углеводородного достояния России.

2 июля 2003 г. по делу о мошенничестве с акциями предприятия «Апатит» был арестован П. Лебедев, партнер М. Ходорковского.

В этот же день, когда задержали Лебедева, Ходорковский встречался с послом США в России А. Вершбоу и позднее вылетел в США для встречи с потенциальными покупателями своих активов. 25 октября 2003 г. по обвинению в хищении и неуплате налогов был арестован и М. Ходорковский. Налоговая служба России провела ряд проверок, по итогам которых составлен акт с фиксацией фактов систематического уклонения от уплаты налогов. ЮКОСу было выставлено требование об уплате недоплаченных налогов, включая пени и штрафы на общую сумму свыше 99 млрд руб., которые «самая прозрачная» нефтяная компания «забыла» внести в государственный бюджет страны только в 2000 г. Масштабные серые схемы ЮКОСа и ряда других нефтяных компаний по использованию трансфертного ценообразования и фирм-прокладок, созданных на территориях регионов с льготным налоговым режимом (Мордовии, Калмыкии, Эвенкии и др.), фактически выводили из-под налогообложения поставляемые на экспорт углеводороды.

Акции компании «ЮКОС» (44 %) были арестованы после задержания Ходорковского. «Дело ЮКОСа» имело широкий общественный резонанс. 27 октября 2003 г. Президент России В. В. Путин публично выступил по «делу ЮКОСа», обратив внимание на то, что оно всецело находится в компетенции правоохранительных органов и спекуляции на эту тему недопустимы. 19 декабря 2004 г. прошел аукцион по продаже 76,79 % уставного капитала «Юганскнефтегаза», основного актива ЮКОСа (60 % добычи), в счет погашения налогового долга. Стало очевидным, что продажа «Юганскнефтегаза» — первый шаг по возвращению регуляторной функции государства и усилению его присутствия в нефтяной отрасли, за которым последуют далее и другие шаги.

В рамках работы по консолидации отрасли в 2004 г. было даже принято решение о слиянии двух государственных корпораций в нефтегазовой сфере, в частности «Роснефти» и «Газпрома». Для этого в структуре «Газпрома» была создана «Газпромнефть», в которую и должны были войти нефтяные активы. Несмотря на то, что этот план не был реализован, курс на консолидацию продолжился. Второй шаг — выкуп в 2005 г. «Газпромом» контрольного пакета акций «Сибнефти» и полное ее поглощение.

Третьим шагом стала продажа на аукционах в течение 2007 г. имущества ЮКОСа, после его банкротства с целью покрытия его долгов. Значительная часть оставшихся активов ЮКОСа приобрела «Роснефть». В этом же году, по решению судебных органов, были возвращены в государственную собственность акции предприятий нефтегазового комплекса Башкирии. Следующим шагом на пути «стратегии возвращения» был переход под контроль государства нефтегазовых активов в Западной Сибири, которому способствовала покупка в 2013 г. «Роснефтью» группы «ТНК-ВР».

Несмотря на то, что на долю государственных предприятий («Роснефть», «Газпромнефть») сегодня приходится около половины добычи нефти, прошедшие в нулевые годы XXI в. и позднее процессы нельзя назвать полноценной «национализацией», а тем более деприватизацией. В отрасли по-прежнему существует несколько десятков мелких, средних и крупных независимых производителей.

Скорее всего, прошедшие процессы можно классифицировать как корректировку фактически полученного по итогам проведенной приватизации по второму типу результата «разгосударствления» отрасли в направлении приватизации по первому типу. Последующие события показывают, что ПАО «НК «Роснефть», начавшая консолидацию активов в 2003 г. и становясь крупнейшей российской публичной нефтяной компанией, на протяжении этих 20 лет работала в тесной связке с государством и видела своей первоочередной задачей не только максимизацию прибыли, но и реализацию масштабных проектов (таких как «Восток Ойл», нефтепровод «Восточная Сибирь — Тихий океан» (ВСТО), «Звезда»), имеющих стратегическое значение для экономической безопасности и индустриального развития РФ.

В отличие от остальных нефтегазовых компаний, «Роснефть» не участвовала в залоговых аукционах: все активы «Роснефти» были приобретены по рыночной цене в ходе конкурентных процедур. «Роснефть» обеспечила около 80 % всех приватизационных доходов государства со стороны нефтегазовой отрасли, что составляет около 32 млрд долл. С момента первичного размещения акций в 2006 г. «Роснефть» перечислила в бюджет страны более 25 млрд долл. дивидендов. Несмотря на санкции, с 2014 по 2019 г. «Роснефть» привлекла 24 млрд долл.

прямых иностранных инвестиций (ПИИ), что составляет более 25 % в целом общего объема ПИИ в страну.

Ключевым итогом российского опыта приватизации стало понимание того, что сам по себе этот процесс в условиях переходной или развивающейся экономики не приводит автоматически к появлению эффективных, коммерчески жизнеспособных организаций. Более того, выбранный экономико-правовой тип приватизации напрямую влияет на конкурентоспособность мелких, средних частных предприятий отрасли, особенно в их противостоянии с крупными зарубежными транснациональными компаниями. Далеко не столько характер собственности, сколько уровень развития институциональной среды, общей зрелости рыночного сообщества, оперативности и гибкости организации работы предприятия, наконец, прозорливость конкретных руководителей и успешность их команд определяют в итоге экономическую эффективность деятельности предприятия. Иными словами, «экономическая эффективность гораздо больше зависит от конкуренции, чем просто от природы собственности» [11].

Успешность или результативность приватизации в полной мере определена наличием или отсутствием соответствующих институциональных изменений и экономической среды. Но не наоборот. Широкая приватизация не служит необходимым и достаточным механизмом для трансформации плановой или переходной экономики в рыночную.

Более того, целью осуществлявшейся в России приватизации, как указано ранее в статье, было не столько повышение экономической эффективности, сколько создание класса собственников, которое сделало бы невозможным возвращение к прежней, коммунистической модели. Однако обратной стороной такого разворота России в начале 90-х гг. XX в. стала экономическая катастрофа, о масштабах которой говорят следующие цифры. Российская экономика рухнула до значения 57 % от уровня 1989 г., то есть на 43 %. Сравним, например, с экономикой США, которая в период Великой депрессии 30-х гг. XX в. упала до значения 70 % от прежнего уровня, то есть снизилась на 30 %. Средняя продолжительность жизни в России за этот период сократилась примерно на четыре года. Бедность и безысходность стали нормой. В жертву

также была принесена связность экономики. В результате раздробления экономического пространства фактически на два десятилетия было прекращено осуществление общенациональных проектов.

Собственники многих предприятий, как правило, концентрировались на собственном бизнесе и были слабо заинтересованы во вложениях в общенациональные или инфраструктурные проекты, полагая, что это является сферой ответственности исключительно государства. Однако любой успешный бизнес не может существовать в отрыве от остальной экономики. Ухудшение общеэкономической ситуации и рост нестабильности приводили к отказу от долгосрочных целей развития производства. Приоритетом становилось получение максимально быстрой отдачи от вложенных средств и полученных в ходе приватизации активов. Несмотря на высокую норму прибыли, составлявшую в конце 90-х гг. XX в. около 40 % валовой добавленной стоимости, доля инвестиций в основной капитал снизилась до 14–16 %. Большую часть средств предприятий не вкладывалось в отечественную экономику, а размещалось в непроизводственных активах или выводилось за рубеж.

Фактически неэкономический характер осуществлявшейся в России приватизации привел к тому, что собственники были в большей мере заинтересованы в приобретении государственной собственности по заведомо низкой цене, нежели в создании новых производственных мощностей и инфраструктуры.

Еще одним результатом приватизации, негативно сказавшимся на отечественной экономике, стали разрушение технологических цепочек и разрыв связей между производствами, конструкторскими бюро и вузами, занимающимися развитием науки и внедрением новых технологий на внутреннем рынке.

Ключевые вехи в истории развития «Роснефти» [7]

В 2003 г. «Роснефтью» приобретен контрольный пакет акций нефтяной компании ОАО «Северная нефть», основным активом которой были лицензии на разработку пятнадцати нефтяных месторождений в Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции. Также через контроль над «Англо-Сибирской нефтяной компанией» «Роснефть»

получила лицензии на разработку Ванкорского и Северо-Ванкорского месторождений Восточной Сибири.

Важнейшим направлением деятельности «Роснефти» стало возвращение в национальную юрисдикцию контроля над крупнейшими нефтяными активами России. Первым был «Юганскнефтегаз», главное нефтедобывающее предприятие ЮКОСа, пакет акций которого продан в 2004 г. в счет погашения налоговой недоимки и акции которого впоследствии приобрела «Роснефть».

Уже в 2005 г. вследствие консолидации нефтедобывающих активов, а также повышения эффективности корпоративного управления «Роснефть» заняла одну из лидирующих позиций среди нефтяных компаний России. С 1998 по 2005 г. добыча нефти возросла с 12,5 до 74,6 млн т (в шесть раз), добыча газа — с 4,8 до 13,1 млрд м³ (в 2,7 раза). На двух НПЗ Компании в 2005 г. переработано в три раза больше нефти, чем в 1998 г. (10,5 млн т, или 5 % от общероссийской нефтепереработки).

В 2007 г. «Роснефтью» в ходе нескольких аукционов осуществлен выкуп некоторой части остального имущества ЮКОСа после его банкротства. Но ранее, в июле 2006 г., «Роснефть» провела первичное размещение акций (IPO) на бирже. В рамках IPO размещено 1,411 млрд акций на общую сумму \$ 10,7 млрд. Это стало самым крупным IPO в России и пятым по величине за историю мирового фондового рынка. Акционерами Компании в результате размещения стали свыше 150 тыс. граждан РФ. Среди крупнейших инвесторов в «Роснефть» оказались также британская BP, малазийская Petronas и китайская CNPC. «Роснефть» превратилась в крупнейшую публичную нефтяную компанию России, обойдя ЛУКОЙЛ.

Следующим шагом на пути новой стратегии компании стала покупка группы «ТНК-ВР» в 2013 г. В результате этой сделки «Роснефть» не только полностью выкупила российские активы в Западной Сибири, которые на 50 % принадлежали «Бритиш Петролеум», но и вошла в стратегический альянс с английской компанией. «Роснефть» приобрела 5 % акций «Бритиш Петролеум» в обмен на 9,5 % своих акций. В январе 2013 г. после подписания окончательных соглашений о покупке «ТНК-ВР» рыночная капитализация «Роснефти» достигла максимального значения (98,2 млрд долл.), увеличившись за восемь

лет в 12–18 раз¹. Между тем капитализация ЛУКОЙЛа в этот период возросла в два раза (с 25,8 млрд долл. в декабре 2004 г. до 56,0 млрд долл. в январе 2013 г.).

Начав путь со статуса временного управляющего оставшимися от дележа российскими нефтяными активами, «Роснефть» за 20 лет вышла на лидирующие позиции в отечественной нефтяной отрасли по объемам производства. В 2023 г. добыча жидких углеводородов «Роснефтью» в России составила 193,0 млн т (36,4 % добычи в России). Предприятия группы ПАО «НК «Роснефть» в 2023 г. также обеспечили 32 % в целом первичной переработки нефти в стране, в частности 88 млн т.

Сегодня «Роснефть» выступает не только лидером в добыче и переработке среди российских нефтегазовых компаний, но и крупнейшим налогоплательщиком страны. Объем налогов и выплат в бюджет РФ за последние 25 лет возрос в 500 раз: с 8 млрд руб. в 1999 г. до 4 трлн руб. в 2022 г. В 2022 г. каждый шестой рубль в бюджет России поступил от «Роснефти». В течение последних десяти лет «Роснефть» перечислила в бюджет более 30 трлн руб. налоговых выплат, обеспечив 36 % от совокупных налогов нефтегазовой отрасли.

Зона влияния «Роснефти» как надежного и ответственного поставщика энергоресурсов не только расширилась до масштабов страны, но и вышла за ее пределы. В 2013 г. «Роснефть» подписала беспрецедентный для мирового энергетического рынка договор с китайской CNPC об увеличении объема поставок нефти. Прежний контракт предусматривал поставку 300 млн т нефти в течение 20 лет (15 млн т ежегодно). Согласно новому 25-летнему контракту, объем поставок возрос на 360 млн т, что увеличило ежегодный объем продаваемой в Китае нефти с 15 до 30 млн т.

27 сентября 2014 г. скважина «Университетская-1», пробуренная «Роснефтью» совместно с «ЭксонМобил» на шельфе Карского моря, дала первую арктическую нефть. «Университетская» позволила поставить на баланс компании суммарные извлекаемые запасы в 130 млн т нефти и 396 млрд м³ газа. Летом 2015 г. в Уфе, в рамках саммита БРИКС, между «Роснефтью» и индийской компанией «Эссар» подписан десятилетний

¹ В декабре 2004 г., по оценкам Morgan Stanley и Dresdner Kleinwort Wasserstein, рыночная стоимость «Роснефти» равна 5,5–8,5 млрд долл.

контракт о поставках 100 млн т нефти на крупнейший в Индии нефтеперерабатывающий комплекс города Вадиар. В 2016 г. «Роснефть» успешно завершила интегральную сделку по приобретению контрольного пакета акций «Башнефти» с последующей приватизацией швейцарским нефтетрейдером Glencore и суверенным фондом Катара 19,5 % акций компании «Роснефть» из доли владения государством.

По поручению Президента России В. В. Путина «Роснефть» реализует масштабный проект по созданию судостроительного кластера на Дальнем Востоке. Ядром проекта выступает судостроительный комплекс (ССК) «Звезда», находящийся в городе Большой Камень Приморского края. ССК «Звезда» имеет стратегическое значение для развития производственной инфраструктуры и экономики РФ [12].

В 2020 г. «Роснефть» начала бурение первой поисково-оценочной скважины на Западно-Иркинском месторождении, расположенном на Таймыре, входящем в масштабный проект Компании «Восток Ойл». Проект включает в себя освоение месторождений Ванкорского кластера (Ванкорского, Сузунского, Лодочного, Тагульского, Ичеминского), Пайяхское и Западно-Иркинское месторождения, а также месторождения Восточно-Таймырского кластера. Ресурсная база проекта оценена в 6,5 млрд т малосернистой нефти. Благодаря низкому углеродному следу «Восток Ойл» является одним из самых «зеленых» проектов разработки нефтяных месторождений в мире. Сегодня активно развивается транспортная инфраструктура проекта, строят речные причалы.

Логика внутреннего развития и глубокое понимание процессов, происходящих в мире, способствовали постепенной переориентации бизнеса «Роснефти» на Восток. Следствием этого стал тот факт, что, несмотря на беспрецедентные экономические санкции и давление на российский ТЭК со стороны США и их сателлитов, «Роснефть» не утратила ведущего положения на мировом энергетическом рынке, а ее партнерство со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) только укрепляется.

Сегодня ПАО «НК «Роснефть» — лидер нефтеперерабатывающей отрасли России. На долю Компании приходится более 35 % переработки нефти в РФ. В состав нефтеперерабатывающего и нефтехимического блока Компании входят 13 НПЗ, три нефте-

химических завода («Новокуйбышевская нефтехимическая компания», «Ангарский завод полимеров» и ПАО «Уфаоргсинтез»), четыре газоперерабатывающих завода, три предприятия по производству катализаторов. В рамках активного развития нефтехимии ПАО «НК «Роснефть» довела суммарную переработку углеводородного сырья в 2020 г. на нефтехимических мощностях до более 2,3 млн т, выработку товарной нефтехимической продукции — более 2,0 млн т.

В структуру «Роснефти» также входят нефтесервисные предприятия ООО «РН-Бурение», ООО «РН-ГРП», ООО «РН-Сервис», ООО «РН-Транспорт» (доставляет услуги спецтехники, грузопассажирских и вахтовых перевозок, легкового транспорта, производит работы дорожно-строительного сервиса). «Роснефть» полностью удовлетворяет растущий спрос на высококачественное моторное топливо на внутреннем рынке: в 2022 г. объем реализации нефтепродуктов на внутреннем рынке достиг рекордного уровня — 42,1 млн т, что на 6,0 % больше, чем в предыдущем году. Розничная сеть «НК «Роснефть» является крупнейшей в России по географическому охвату (61 регион РФ) и количеству автозаправочных станций (АЗС). Их насчитывается около 3 000 в России, Белоруссии, Киргизии и Абхазии [13].

Технологическое развитие ПАО «НК «Роснефть»

В «Роснефти» сформирован самый крупный в Европе Научно-проектный комплекс, который обладает масштабной инфраструктурой и выдающимся научно-исследовательским потенциалом: в него вошли 30 институтов, в которых работают 18,5 тыс. высококвалифицированных специалистов.

Научно-проектный комплекс и предприятия «Роснефти» с 2015 г. реализуют программу локализации и импортозамещения техники и технологий для обеспечения устойчивости своей производственной деятельности и выполнения задач Правительства РФ в области локализации и импортозамещения, а также поддержания технологического суверенитета России. В части цифровизации производственных процессов в ходе ускоренной проработки и тестирования цифровых решений разработан широкий портфель цифровых платформ («Цифровое месторождение», «Цифровой завод», «Цифровая АЗС», «Цифровая цепочка по-

ставок»). Принято решение о разработке единой Цифровой платформы, которая будет выстраиваться путем эффективного взаимодействия между всеми цифровыми платформами и сервисами.

Стратегия «Роснефть — 2030: надежная энергия и глобальный энергетический переход» [14] в качестве одного из ключевых ориентиров провозглашает операционную углеродную нейтральность к 2050 г. Для достижения целей Стратегии реализуются инвестиционная газовая программа, ориентированная на повышение уровня рационального использования попутного нефтяного газа (ПНГ), а также программа энергосбережения, направленная на внедрение энергосберегающих технологий и рациональное использование топливно-энергетических ресурсов.

«Роснефть» в течение нескольких лет занимается разработкой опытно-промышленной установки процесса Gas to Liquid (GTL). Работы начались в исследовательском центре — ООО «РН-ЦИР» («Объединенный центр исследований и разработок»). Технология позволит монетизировать попутный нефтяной газ на удаленных месторождениях, у которых отсутствуют собственные потребители газа и возможность подключения к магистральным газопроводам.

В настоящее время осуществляется этап опытно-промышленных испытаний технологии GTL: корпоративным проектным институтом ОАО «ВНИПИнефть» ведется проектирование опытно-промышленной установки GTL мощностью 300 т/год синтетической нефти на площадке Восточно-Уренгойского лицензионного участка АО «Роспан Интернешнл»; продолжаются работы с целью получения из синтетической нефти максимально возможного объема зимнего и арктического дизельного топлива; разработаны рецептуры получения дизельных топлив из синтетической нефти, соответствующих требованиям ГОСТов.

Обеспечение надежности поставок качественных катализаторов — стратегический вопрос технологической устойчивости работы «Роснефти» (к началу 2022 г. зависимость от импорта отдельных видов катализаторов в нефтяной отрасли России составляла 70–80 %). В настоящее время «Роснефть» — один из лидеров отечественного рынка катализаторов. В Компании разработано более 25 собственных катализаторов нефтепереработки и нефтехимии,

включая катализаторы для такого крупнотоннажного процесса НПЗ, как гидроочистка дизельных фракций, и получения в итоге топлива класса «Евро-5».

Научные центры мира усиленно работают над проблемой недостатка кормового белка. Необходимость развития технологии связана с нарастающим дефицитом кормовых белковых добавок, прежде всего сои и рыбной муки. Важным источником получения микробного белка служит природный газ. Основная составляющая часть его — это CH_4 (метан), который может быть использован для производства необходимого хозяйству кормового белка. В этих целях применяют метанотрофные аэробные бактерии, в результате жизнедеятельности которых на выходе получают биопротеин гапсин. В ПАО «НК «Роснефть» исследован технологический процесс переработки газа в белковый концентрат, получены образцы биопротеина с высокими товарными свойствами, разработана технологическая схема для опытно-промышленной установки, а также запатентована конструкция ферментационного аппарата, позволяющего существенно повысить производительность биотехнологических процессов.

Актуальной и практически значимой задачей является извлечение сопутствующих полезных ископаемых при добыче нефти. В мае 2024 г. успешно завершены опытно-промышленные испытания технологии получения карбоната лития сорбционным методом из попутно добываемых вод Юрубчено-Тохомского месторождения. За два месяца работы на опытной мобильной установке получено более 300 кг карбоната лития батарейного сорта. Дальнейшее развитие проекта направлено на проектирование промышленной установки получения карбоната лития. Совместно с компанией «Иннопрактика» выполняют научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) по созданию новой собственной технологии извлечения лития методом емкостной экстракции, которая потенциально может стать существенно более эффективным способом получения лития, чем применяемая в настоящее время сорбционная технология.

Еще один важный проект направлен на создание эффективной и безопасной технологии, обеспечивающей высокую степень утилизации углеводородных загрязнений в условиях морской среды и холодного климата. В рамках этого проекта в 2018 г. создан

промышленный образец инновационного микробного препарата, который успешно прошел лабораторные испытания [15]. Препарат показал высокую эффективность в лабораторных условиях в ходе экспериментов при низких, даже отрицательных температурах. Продемонстрированные результаты позволили продолжить работу по разработке технологии промышленного получения препарата. Завершение проекта ожидается в четвертом квартале 2025 г.

Для улучшения экологических качеств моторного топлива производители используют самые последние достижения в области химии и нефтехимии, дополняя на разных стадиях переработки сырья специальные присадки, повышающие экологические и экономические характеристики дизеля и бен-

зина. В ПАО «НК «Роснефть» реализуется системная работа по импортозамещению и развитию производства современных присадок для автомобильных топлив и присадок для моторных, индустриальных и трансмиссионных масел, основанных на собственных разработках Компании. «Роснефть» продолжает последовательно и неуклонно разрабатывать новые технологии в геологоразведке и разработке месторождений, нефтехимии и нефтепереработке, газовых проектах, в контексте вопросов промышленной безопасности и охраны окружающей среды, внедряя их в производственный процесс. Наличие собственных разработок в сфере ТЭК видится важной составляющей технологической безопасности России в условиях беспрецедентного экономического давления и санкций.

Список источников

1. Об основных началах разгосударствления и приватизации предприятий: закон СССР от 1 июля 1991 г. № 2278-I // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/189663/> (дата обращения: 25.06.2024).
2. Программа углубления экономических реформ в России. М.: Республика, 1992. 62 с.
3. Экономическая политика Правительства России. Документы. Комментарий. М.: Республика, 1992. 78 с.
4. Анатолий Чубайс: автор программы приватизации, реформатор и глава «Роснано» // ТАСС. 2015. 16 июня. URL: <https://tass.ru/politika/2042091> (дата обращения: 25.06.2024).
5. Об особенностях приватизации и преобразования в акционерные общества государственных предприятий, производственных и научно-производственных объединений нефтяной, нефтеперерабатывающей промышленности и нефти: указ Президента РФ от 17 ноября 1992 г. № 1403 // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/100297/> (дата обращения: 25.06.2024).
6. О преобразовании государственного предприятия «Роснефть» в открытое акционерное общество «Нефтяная компания «Роснефть»: постановление Правительства РФ от 29 сентября 1995 г. № 971 // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/1518407/> (дата обращения: 25.06.2024).
7. История компании // ПАО «НК «Роснефть». URL: <https://www.rosneft.ru/about/history/> (дата обращения: 25.06.2024).
8. Добыча нефти российскими предприятиями в 1998 году // Коммерсантъ. 1999. 16 февраля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/213037?ysclid=m28uc175mk655442985> (дата обращения: 25.06.2024).
9. Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы: экспертно-аналитическое мероприятие / рук. рабочей группы — Председатель Счетной палаты России С. В. Степашин. М.: Олита, 2004. 186 с. URL: <https://www.susu.ru/sites/default/files/dissertation/analiz-processov-privatizatsii.pdf> (дата обращения: 25.06.2024).
10. Юкос – история бренда. Главный враг российской власти: история Михаила Ходорковского // Gigafox.ru. URL: <https://gigafox.ru/childrens-health/yukos---istoriya-brenda-glavnyi-vrag-rossiiskoi-vlasti-istoriya/> (дата обращения: 25.06.2024).
11. Пивоваров С. Э. Постприватизационное развитие предприятий, комплексов, отраслей. СПб.: Питер, 2004. 382 с.
12. Сечин И. И. Судостроительный комплекс «Звезда»: глобальный контекст и народнохозяйственные результаты проекта // Вестник МГИМО-Университета. 2024. Т. 17. № 2. С. 7–30. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-2-95-7-30
13. Розничная сеть // ПАО «НК «Роснефть». URL: https://www.rosneft.ru/business/Downstream/petroleum_product_sales/servicestations/ (дата обращения: 16.09.2024).
14. Стратегия «Роснефть – 2030: надежная энергия и глобальный энергетический переход // ПАО «НК «Роснефть». URL: <https://www.rosneft.ru/about/strategy/?ysclid=lxuelb1pd5300207657> (дата обращения: 25.06.2024).
15. Новости // ПАО «НК «Роснефть». URL: <https://www.rosneft.ru/> (дата обращения: 25.06.2024).

References

1. On the basic principles of denationalization and privatization of enterprises. USSR law of July 1, 1991 No. 2278-I. Garant. ru. URL: <https://base.garant.ru/189663/> (accessed on 25.06.2024). (In Russ.).
2. A program for deepening economic reforms in Russia. Moscow: Respublika; 1992. 62 p. (In Russ.).
3. Economic policy of the Government of Russia. Documents. Commentary. Moscow: Respublika; 1992. 78 p. (In Russ.).
4. Anatoly Chubais: Author of the privatization program, reformer and head of Rusnano. TASS News Agency. Jun. 16, 2015. URL: <https://tass.ru/politika/2042091> (accessed on 25.06.2024). (In Russ.).
5. On the specifics of privatization and transformation into joint-stock companies of state enterprises, production and scientific-production associations of the oil, oil refining industry and oil. Decree of the President of the Russian Federation of November 17, 1992 No. 1403. Garant.ru. URL: <https://base.garant.ru/100297/> (accessed on 25.06.2024). (In Russ.).
6. On the transformation of the state enterprise Rosneft into the open joint-stock company Rosneft Oil Company. RF Government Resolution of September 29, 1995 No. 971. Garant. ru. URL: <https://base.garant.ru/1518407/> (accessed on 25.06.2024). (In Russ.).
7. Company history. Rosneft. URL: <https://www.rosneft.ru/about/history/> (accessed on 25.06.2024). (In Russ.).
8. Oil production by Russian enterprises in 1998. Kommersant. Feb. 16, 1999. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/213037?ysclid=m28uc175mk655442985> (accessed on 25.06.2024). (In Russ.).
9. Analysis of the processes of privatization of state property in the Russian Federation for the period 1993-2003: Expert-analytical event. Moscow: Olita; 2004. 186 p. URL: <https://www.susu.ru/sites/default/files/dissertation/analiz-processov-privatizatsii.pdf> (accessed on 25.06.2024). (In Russ.).
10. Yukos – history of the brand. The main enemy of the Russian government: The story of Mikhail Khodorkovsky. Gigafox.ru. URL: <https://gigafox.ru/childrens-health/yukos--istoriya-brenda-glavnyi-vrag-rossiiskoi-vlasti-istoriya/> (accessed on 25.06.2024). (In Russ.).
11. Pivovarov S.E. Post-privatization development of enterprises, complexes, industries. St. Petersburg: Piter; 2004. 382 p. (In Russ.).
12. Sechin I.I. Zvezda shipyard project: Global implications and its influence on the Russian economy. *Vestnik MGIMO-Universiteta = MGIMO Review of International Relations*. 2024;17(2):7-30. (In Russ.). DOI: 10.24833/2071-8160-2024-2-95-7-30
13. Retail network. Rosneft. URL: https://www.rosneft.ru/business/Downstream/petroleum_product_sales/servicestations/ (accessed on 16.09.2024). (In Russ.).
14. Strategy “Rosneft-2030: Reliable energy and global energy transition”. Rosneft. URL: <https://www.rosneft.ru/about/strategy/?ysclid=lxuelb1pd5300207657> (accessed on 25.06.2024). (In Russ.).
15. News. Rosneft. URL: <https://www.rosneft.ru/> (accessed on 25.06.2024). (In Russ.).

Сведения об авторе

Игорь Иванович Сечин

кандидат экономических наук,
главный исполнительный директор
ПАО «Нефтяная компания «Роснефть»
117997, Москва, Софийская наб., д. 26/1

Поступила в редакцию 07.10.2024
Прошла рецензирование 23.10.2024
Подписана в печать 05.11.2024

Information about the author

Igor I. Sechin

PhD in Economics, chief executive officer

Rosneft Oil Company
26/1 Sofiyskaya emb., Moscow 117997, Russia

Received 07.10.2024
Revised 23.10.2024
Accepted 05.11.2024

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

УДК 330.34

<http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-10-1178-1187>

О развитии теоретических подходов к анализу кластеров как сетевых пространственно-экономических образований

Екатерина Сергеевна Степанова¹, Полина Эдуардовна Яковлева²✉

^{1, 2} Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербургский филиал), Санкт-Петербург, Россия

¹ esstepanova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1203-3857>

² pyakovleva@hse.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-7259-8687>

Аннотация

Цель. Сформулировать теоретические положения для анализа кластеров как сетевых пространственно-экономических систем.

Задачи. Выявить ключевые признаки кластеров как систем; изучить взаимосвязи между участниками; определить роль кластеров в региональном развитии.

Методология. На основе системного подхода и анализа литературы выявлены ключевые признаки кластеров, исследованы взаимосвязи между участниками. Оценено влияние внешней среды, а также определена роль кластеров в региональном развитии.

Результаты. Установлено, что кластеры выступают как динамичные сети взаимосвязанных организаций, обеспечивающие конкурентные преимущества и инновационное развитие на разных уровнях. Кластеры обладают признаками систем (целостности, структурированности, связности, эмерджентности и др.), что позволяет им адаптироваться к изменениям в экономической среде. По результатам анализа дана расширенная теоретическая интерпретация кластеров и сопряженных категорий исследования.

Выводы. Кластеры представляют собой динамичные сетевые системы, способствующие инновационному развитию и созданию конкурентных преимуществ через интеграцию и взаимодействие участников. Адаптивные характеристики кластеров позволяют им эффективно реагировать на изменения в экономической среде. Для реализации потенциала кластеров необходимы в дальнейшем теоретическое осмысление их роли в пространственно-экономическом развитии, а также более активное использование кластерного подхода в государственной и региональной экономической политике с учетом перехода к цифровой экономике.

Ключевые слова: кластер, кластерное взаимодействие, сетевое взаимодействие, устойчивое развитие, региональная экономика, системный подход

Для цитирования: Степанова Е. С., Яковлева П. Э. О развитии теоретических подходов к анализу кластеров как сетевых пространственно-экономических образований // *Экономика и управление*. 2024. Т. 30. № 10. С. 1178–1187. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-10-1178-1187>

Благодарность: статья подготовлена в ходе исследования в рамках проекта Российского научного фонда № 24-28-01360 «Стратегическое управление развитием кластеров в условиях перехода к цифровой экономике».

© Степанова Е. С., Яковлева П. Э., 2024

On the development of theoretical approaches to the analysis of clusters as network spatial-economic entities

Ekaterina S. Stepanova¹, Polina E. Iakovleva²✉

^{1, 2} National Research University "Higher School of Economics" (St. Petersburg branch), St. Petersburg, Russia

¹ esstepanova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1203-3857>

² pyakovleva@hse.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-7259-8687>

Abstract

Aim. This study aims to develop theoretical provisions for analyzing clusters as networked spatial-economic systems.

Objectives. The research identifies the key features of clusters as systems, explores the relationships between participants, and determines the role of clusters in regional development.

Methods. Using a systems approach and literature analysis, the study identifies the key features of clusters and examines the interactions among participants. It also assesses the impact of the external environment and evaluates the role of clusters in fostering regional development.

Results. The findings show that clusters function as dynamic networks of interconnected organizations that provide competitive advantages and innovative development at different levels. Clusters have the characteristics of systems (integrity, structuredness, connectivity, emergentness, etc.), which allows them to adapt to changes in the economic environment. Based on the analysis results, an expanded theoretical interpretation of clusters and related research categories was given.

Conclusions. Clusters represent dynamic network systems that promote innovative development and the creation of competitive advantages through the integration and interaction of participants. The adaptive characteristics of clusters allow them to respond effectively to changes in the economic environment. In order to implement the potential of clusters, it is necessary to understand further theoretically their role in spatial and economic development, as well as use more actively the cluster approach in state and regional economic policy, taking into account the transition to a digital economy.

Keywords: cluster, cluster interaction, network interaction, sustainable development, regional economy, systems approach

For citation: Stepanova E.S., Iakovleva P.E. On the development of theoretical approaches to the analysis of clusters as network spatial-economic entities. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2024;30(10):1178-1187. (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-10-1178-1187>

Acknowledgments: The article was prepared during the research within the Russian Science Foundation project No. 24-28-01360 "Strategic management of cluster development in the context of the transition to digital economy".

Введение

Проблематика кластерного развития прочно заняла одно из центральных мест в теории и методологии региональной экономики. Особую актуальность этому направлению исследований придало утверждение Правительством России Стратегии пространственного развития Российской Федерации (РФ) [1], поскольку кластеры, как сетевые пространственно-экономические образования, могут сыграть важную роль в интеграции приоритетов социально-экономического и пространственного развития регионов и макрорегионов России.

В промышленно развитых странах «за последние два десятилетия кластеры превратились в основной инструмент роста экономики, развития инноваций, формирования национального богатства» [2, с. 193]. В нашей стране мощный импульс кластерному развитию придало постановление Правительства РФ от 31 июля 2015 г. № 779 «О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров» [3]. По состоянию на 25 сентября 2024 г. в реестре Минпромторга РФ насчитывается 71 кластерное образование [4].

Актуальность проблематики кластерного развития экономики обусловила появление,

особенно в последние несколько лет, большого числа работ отечественных исследователей, рассматривающих различные аспекты организации и функционирования кластеров, в том числе стратегический подход к развитию кластеров [5] и изучение этих объектов с позиций системного анализа [6; 7]. Хотя в российской литературе кластеры ранее рассматривали как экономические сетевые системы [8], масштабного теоретического анализа с позиций системного подхода кластера как сетевой системы до настоящего времени, с нашей точки зрения, не сделано. Следовательно, целесообразным видится обратиться к истокам этого феномена.

Кластеризация как процесс в междисциплинарном дискурсе

Феномен кластеризации представляет собой междисциплинарное явление, выходящее за рамки традиционного экономического анализа. Кластерные эффекты, помимо экономики, исследуют еще в ряде научных дисциплин: физике, биологии, медицине, астрономии, нейрофизиологии, информатике и др. В качестве метода группировки объектов на основе их свойств кластерный анализ появился в статистике и математике в середине XX в. Этот алгоритм классификации разработан для анализа больших массивов данных и выявления скрытых закономерностей. Кластеры в физике могут обозначать группы атомов, молекул или даже частиц, которые взаимодействуют между собой и образуют определенные структуры. В биологии и медицине понятие кластеризации используют для описания группировки генов, клеток или организмов на основе их характеристик или поведения.

Несмотря на то, что объекты, участвующие в кластеризации в различных областях науки, демонстрируют очевидную гетерогенность и несопоставимость, их объединяет общая природа процесса, подразумевающего формирование новых или выделение существующих специфических концентраций объектов в пространстве (физическом или виртуальном). Эта совокупность обладает уникальными характеристиками и позволяет выявить структурные и функциональные особенности сетевых систем различной природы, способствуя их более глубокому исследованию.

Термин «кластер» и кластерный подход к развитию экономики обрели широкую

популярность в России в последние двадцать лет. Кластерный подход применяют в разных отраслях и на разных территориях: например, как инструмент наращивания инфраструктуры в особых экономических зонах в рамках государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика» или при реализации государственной программы по развитию туризма в процессе формирования новых туристско-рекреационных зон на территории Северо-Кавказского федерального округа [9].

Термин «кластер», как пишут исследователи, впервые сформулирован в 90-е гг. прошлого века М. Портером в его работе о международной конкуренции [10]. Портер исследовал факторы «национального процветания» влиятельных на мировом рынке стран, в частности Италии, Германии, Японии, Дании, Кореи, Сингапура, Швеции, Швейцарии, США, Великобритании. Итогом его масштабного исследования стали важнейшие положения кластерной теории, в которой основной акцент с традиционных постулатов экономической теории, таких как рабочая сила, покупательная способность валюты, рыночный спрос, смещен на понятие конкурентоспособности, а именно способности фирм адаптироваться к изменяющимся условиям за счет модернизации, и в области управленческих процессов, и в области промышленного производства.

Отчасти эта концепция стала продолжением работ Р. Солоу, Ф. Перру и А. Маршалла. Неоклассическая модель роста Солоу подразумевала переход от макропоказателей (совокупного спроса и предложения) к учету микроуровня (отдельного потребителя и фирмы) [11]. В рамках теории полюсов роста Перру выявил, что промышленное производство в отраслях неоднородно, существуют точки роста, или «полюса роста», в которых представлены плотно размещенные отрасли промышленности с большим потенциалом развития. Среди них — основная новая отрасль, рост показателей которой приводит к значительному развитию территории (города или региона) [12]. А. Маршалл изучал «промышленные районы», которые способствовали активному развитию производства за счет экономии на масштабе, близком расположении производств, и локальной атмосфере, то есть четкой специализации производства. Данное понятие видится близким к категории кластера, однако отличается большим территориальным охватом.

Новый виток развития концепции «промышленных округов» пришелся на 80-е гг. прошлого века в Италии. В этой стране наблюдался значительный экономический рост, получивший название «итальянское экономическое чудо». Дж. Бекаттини переосмыслил теорию «промышленных округов», углубившись в изучение социальных отношений между фирмами и каналов передачи информации между компаниями, а не их промышленными связями, как было изначально в работах Маршалла о «промышленных округах» [13]. Выделенные Бекаттини особенности формирования «промышленных округов» учитывали наличие «семейного бизнеса» (нескольких фирм, тесно связанных между собой горизонтальными связями), а также область специализации фирмы.

Теория кластеров М. Портера аккумулирует постулаты указанных выше подходов, но не имеет жесткой привязки к отрасли, определенной территории или ее особенностям. Портер подразумевает под кластером «географически близкую группу взаимосвязанных компаний, и ассоциативных предприятий, действующих в схожих сферах, дополняющих друг друга и обладающих общими чертами» [14]. Для оценки конкурентных преимуществ территории Портер выделяет четыре основные характеристики: факторные условия, состояние спроса, родственные и поддерживающие отрасли; устойчивую стратегию, структуру и соперничество [10]. С нашей точки зрения, сформулированные Портером положения носят общий, характер, неслучайно они подвергнуты критике со стороны других исследователей [15; 16]. Однако из его определения можно выделить ключевые признаки кластера, уже представляющие его отчасти как сетевую систему.

Первый из них — «географически близкая группа» — территориальная близость группы компаний, которая усиливает специализацию района в определенной сфере. Вторым признаком кластера — «взаимосвязанные компании». Участники кластера могут быть связаны товарно-денежными отношениями, формируя кластер путем дополнения в него компаний, участвующих в цепочке по созданию добавленной стоимости. Однако среди связей внутри кластера можно увидеть менее формальные отношения, такие как переход кадров между компаниями (распространение новых знаний и опыта).

Третий признак — «компании и ассоциативные предприятия». Портер пишет о том, что не только производственные предприятия могут входить в кластер. Тем самым он расширяет спектр типов организаций, которые могут стать участниками кластера [17, с. 176]. Например, в кластер могут входить научно-исследовательские организации, вузы, торговые представители, а порой и институты власти.

Четвертый признак — «взаимодополнение друг друга» — характеризует кластерное взаимодействие и отношения между компаниями кластера. Активное взаимодействие компаний кластера между собой не только усиливает конкурентное преимущество за счет работы с проверенными поставщиками и контрагентами, задействованными в едином производственном процессе, но и порождает взаимообусловленность функционирования компаний.

При этом кластерное взаимодействие может принимать разные формы: не только товарно-денежных отношений между поставщиками и заказчиками, но и работу компаний в рамках общих проектов, реализуемых в кластере или через мероприятия, форумы и круглые столы, посвященные обмену идеями, опытом и информацией между участниками. С течением времени участники кластера, обладающие более плотными связями между собой и отличающиеся высоким уровнем взаимодействия, формируют ядро кластера, которое определяет основной путь развития данного объединения.

Кластер как сетевая система

Рассматривая кластер с позиций системного подхода, можно выделить следующие основные признаки кластера как системы:

1. Целостность как внутреннее единство, самодостаточность и относительная автономность кластера (системы) от других возможных кластеров (систем). Кластер, как правило, обладает достаточными ресурсами и уровнем компетенций его участников для выполнения своих задач без постоянной внешней поддержки. Внутри кластера существуют необходимые элементы, взаимодействующие друг с другом и обеспечивающие его функционирование как единого целого, самостоятельно регулируют взаимодействие во внутренней и внешней среде.

2. Структурированность как наличие относительно самостоятельных элементов

(участников кластера), образующих в совокупности единое целое. Данное свойство кластера выражено в наличии дифференцированных и относительно автономных элементов, таких как производственно-промышленные предприятия, сервисные организации, научно-исследовательские институты, образовательные учреждения и органы государственной власти. Каждый из этих компонентов выполняет специализированные функции самостоятельно и вместе с тем вносит вклад в совокупную деятельность кластера, образуя сложную сетевую структуру взаимосвязей.

3. Связность, предполагающая не только взаимодействие элементов, но и их взаимообусловленность существования и функционирования (участие в общем производственном процессе, производстве однотипной продукции или услуг и т. д.). Данная характеристика обеспечивает устойчивость и синергетический эффект, поскольку элементы кластера взаимно дополняют друг друга, создавая целостную систему. При этом устойчивость и гибкость системы обусловлена сохраняющейся в кластере независимостью элементов.

4. Эмерджентность, констатирующая несводимость свойств системы к сумме свойств составляющих ее элементов. Кластер обладает новыми системными качествами, такими как повышенная инновационная открытость и конкурентоспособность, которые возникают вследствие интеграции и взаимодействия его участников.

5. Ограниченность предполагает пространственную или виртуальную локализацию кластера, что подразумевает наличие четких границ, отделяющих его от других систем. В большинстве случаев кластеры формируются в рамках тех или иных географических регионов, макрорегионов, индустриальных районов, особых экономических зон и др., что позволяет концентрировать ресурсы и усилия для достижения конкурентных преимуществ в данной локации. Виртуальная локализация кластеров, характерная в основном для кластеров в сфере информационно-коммуникационных технологий, предполагает, что их участники и элементы могут быть распределены по различным географическим регионам, но при этом функционируют как единая система благодаря использованию цифровых технологий и виртуальных коммуникационных каналов.

6. Интерфейсность означает наличие точек контакта кластера с внешней средой, через которые осуществляется обмен ресурсами, информацией и технологиями. Она предполагает синхронизацию и взаимную обусловленность развития кластера и других акторов. Кластер взаимодействует с другими экономическими системами, его цели учитывают цели пространственного и социально-экономического развития региона, результаты работы кластера находят отражение на уровне экономического развития региона его локализации. Взаимодействие с внешней средой позволяет кластеру адаптироваться к изменениям и способствовать устойчивому развитию региона.

7. Многомерность и субординированность целеполагания как одновременное сочетание общей стратегической цели системы с целями элементов, составляющих эту систему. Цели существования кластера как системы более высокого уровня и отдельных его участников согласованы и сонаправлены. Вместе с тем по отношению к экономической системе региона кластер является нижестоящей системой (подсистемой), также согласующей цели своего развития с региональными. Подобная многоуровневость и иерархичность структуры целеполагания характеризуются необходимостью гармонизации стратегических целей кластера с целями его элементов и вышестоящих систем, таких как регион или национальная экономическая система.

Рассмотренные выше признаки позволяют исследовать экономический кластер как сложную и динамичную систему, в которой элементы (участники кластера) взаимодействуют и влияют друг на друга, образуя целостное объединение с уникальными характеристиками и эффектами. Такие структуры способны адаптироваться к внешним изменениям, достигать высоких показателей устойчивого развития и демонстрировать гибкость и адаптивность при условии согласования своих стратегических целей с целями ниже- и вышестоящих систем.

Экономические кластеры, представляющие собой сконцентрированные группы взаимосвязанных предприятий, образовательных и исследовательских учреждений, иных организаций в одной географической местности или виртуальном пространстве, обладают значительным потенциалом для стимулирования экономического роста и инновационного развития. В этом контексте

кластеры можно рассматривать не просто как совокупность отдельных участников, но как интегрированную систему, в которой взаимодействие элементов создает новые возможности и синергетические эффекты. В связи с этим оценивать кластерные эффекты целесообразно с точки зрения системного подхода, рассматривая кластерные объединения как системы в контексте их взаимодействия с окружающей средой и остальными системами.

Кластер как подвижная сетевая система

Общая теория систем Л. фон Берталанфи [18], изначально разработанная для изучения биологических систем, заложила концептуальные основы для понимания современных экономических кластеров как адаптивных сетевых систем. Берталанфи описывал биологические системы как целостные структуры, в которых взаимодействие между элементами создает сложные функции, процессы, и их нельзя полностью объяснить через свойства отдельных компонентов. Эта концепция целостности и взаимосвязанности в биологии находит прямое применение в отношении экономических кластеров.

Современное видение кластеров как адаптивных сетевых систем расширяет изложенные идеи, рассматривая кластеры как динамичные и эволюционирующие сети взаимосвязанных участников, включающие в себя компании, научные учреждения, государственные органы и другие организации.

Как и в биологических системах, в кластерах происходит постоянное взаимодействие и обмен ресурсами, информацией и технологиями. Это способствует их адаптивности и устойчивости в условиях изменяющейся внешней среды. Адаптивность проявляется в способности системы к изменениям, инновациям и оптимизации взаимодействий, что обеспечивает ее конкурентоспособность и устойчивость.

Сетевая структура кластера позволяет его участникам не только быстрее адаптироваться к изменениям, но и дает ряд иных преимуществ, заключающихся, в частности, в установлении контактов между фирмами, которые могут быть формально не связаны с друг другом. Наличие взаимодействия в кластерной сети способствует быстрому распространению информации, инноваций и в дальнейшем выстраиванию отношений

между компаниями, укрепляющих доверие и партнерские связи между ними. Наличие развитой сети взаимодействия между компаниями способствует их дополнительной защищенности от неблагоприятной конъюнктуры, более устойчивому доступу к ресурсам, снижению информационной асимметрии. Различные типы взаимодействия внутри кластера вызывают появление разных эффектов, влияющих на результаты его деятельности [19].

Формально сетевую систему кластера можно представить на рисунке 1 в виде графа, в котором компании будут являться узлами (точками), а отношения между ними визуализируются в виде ребер, соединяющих эти компании.

Параметры сетевого взаимодействия можно описать с помощью таких характеристик, как плотность сети, наличие центральных узлов, географическая распространенность объектов сети, размерность сети. Плотность распределения объектов и связей в сети отражает отношение прямых связей к общему возможному количеству связей.

Наличие центральных узлов помогает оценить значимость объекта для сети и его влияние на сеть. Центральные узлы определяются максимальным количеством связей с другими компаниями кластера. Географическая распространенность компаний кластера позволяет определить локализацию размещения предприятий и удаленность компаний кластера друг от друга. Размерность сети показывает, насколько сильным является взаимодействие внутри кластера, и позволяет оценить потенциал для развития кластера, то есть возможное расширение списка участников кластера.

Основные положения анализа производственных кластеров с позиций системного подхода

Результаты проведенного анализа кластера как системы позволяют сформулировать ряд положений для исследования производственных кластеров с позиций системного подхода.

Принципы анализа производственных кластеров:

1. Рассмотрение кластера как системы. Исследование кластеров как интегративных единиц, при котором взаимодействие всех участников (предприятий, научных учреждений, государственных органов)

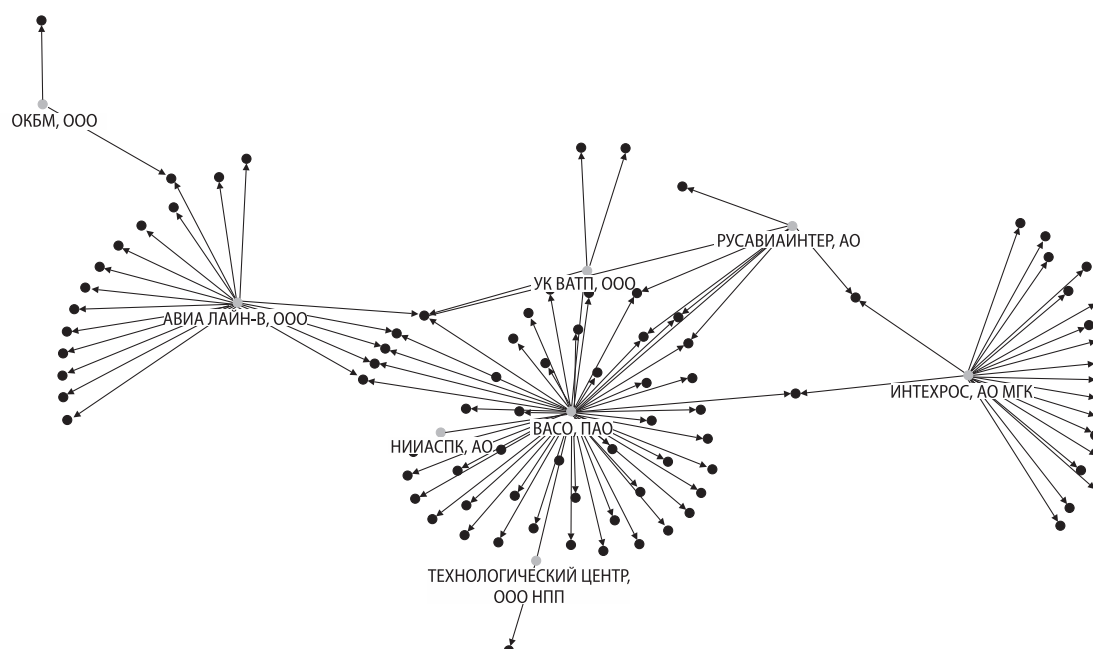

Рис. 1. Граф связей участников кластера авиастроения Воронежской области
Fig. 1. Graph of connections of participants in the aircraft manufacturing cluster of the Voronezh Region

Источник: составлено авторами по данным [20].

предопределяет появление уникальных свойств и эффектов.

2. Анализ взаимосвязанности элементов. Изучение взаимосвязей между участниками кластера позволяет понять, каким образом кооперация и обмен ресурсами, информацией и технологиями влияют на производительность и конкурентоспособность.

3. Анализ иерархической структуры кластера. Изучение кластера на различных уровнях, от общего уровня до уровня отдельных участников. Изучение сетевых свойств и характеристик кластера.

4. Анализ кластеров в динамике. Оценка процессов адаптации и структурной оптимизации в кластерах, изучение стратегий реагирования на изменения во внешней среде, устойчивости и конкурентоспособности.

5. Анализ системных синергетических эффектов и изучение того, каким образом взаимодействие между участниками кластера приводит к результатам, которые превышают суммарные эффекты от индивидуальной деятельности.

6. Изучение возможностей структурной оптимизации системы взаимодействий внутри кластера для достижения максимальной эффективности.

7. Учет факторов внешней среды (экономических условий, технологических трендов и регуляторных изменений).

Алгоритм анализа производственных кластеров.

Первый этап — анализ проблемы, на решение которой направлено создание кластера. Предметом анализа на данном этапе является оценка исходной проблемной ситуации в регионе, послужившей основанием для формирования кластера как одного из инструментов ее преодоления.

На втором этапе осуществляются комплексный анализ проблемной ситуации, систематизация проблем, определение их взаимосвязи и субординации, выявление факторов, способствовавших возникновению этих проблем. Третий этап должен быть посвящен анализу генезиса кластера как системы, включая идентификацию инициаторов его зарождения, процедур формирования состава участников как элементов будущей системы, способов коммуникации между участниками кластера, анализ содержания и структуры интересов участников кластера и роли институтов регионального управления в процессе создания кластера.

На четвертом этапе осуществляется анализ кластера как системы, в ходе которого определяют его структуру, идентифицируют ядро кластера (базовую организацию), его узлы (организации-участники), мосты (единичные связи организаций-участников) и сети коммуникации, показатели сетевого

взаимодействия (плотность сети, направленность и содержание коммуникационных потоков и т. д.).

На пятом этапе кластер анализируют в более широком аспекте как подсистему крупной системы, в качестве которой выступает регион размещения кластера. Регион рассматривают как сложную социо-эколого-экономическую систему, локализованную в определенных территориальных границах и обладающую относительно замкнутым воспроизводственным циклом. Шестой этап — идентификация стратегической и оперативных целей кластера в структуре целеполагания социально-экономического и пространственного развития региона размещения кластера, в ходе которой оценивают релевантность целей кластера в контексте приоритетов развития региона размещения кластера.

На седьмом этапе проводится анализ главных направлений и механизмов реализации целей кластера, ресурсного обеспечения достижения целей, процессов взаимодействия участников внутри кластерного образования и их коммуникации с внешней средой, детерминированных целями кластера. Восьмой этап должен быть посвящен оценке текущей результативности функционирования кластера, влияния этих результатов на экономику, социальное развитие региона, а также на укрепление целостности, связности, функциональности регионального экономического пространства. На девятом этапе разрабатывают прогноз развития кластера в системе регионального стратегического управления, определяют его место и роль в социально-экономическом и пространственном развитии региона как самодостаточной территориально-хозяйственной единицы и субъекта реализации стратегии социально-экономического развития региона.

Выводы

Развивая подходы к теоретической интерпретации кластеров, можно предложить сле-

дующие дефиниции ряда базовых терминов, акцентируя внимание на свойствах кластеров как системы, в том числе на аспекте сетевого взаимодействия их участников, что особенно становится важным в условиях перехода к цифровой экономике.

Кластер — динамическая сеть взаимосвязанных организаций, объединенных общей отраслевой направленностью и функционирующих как интегрированная сетевая система, способствующая созданию конкурентных преимуществ и инновационному развитию на макро- и микроуровне.

Кластерное взаимодействие — процесс взаимной кооперации и обмена знаниями, ресурсами и технологиями между участниками кластера, направленный на совместное решение задач, повышение конкурентоспособности и стимулирование инновационного развития, который может проявляться как в физическом, так и виртуальном пространстве.

Сетевое взаимодействие участников кластера — это система взаимосвязей и коммуникаций между участниками кластера, которая обеспечивает эффективный обмен знаниями, ресурсами и технологиями, а также координацию действий для достижения общих целей.

Стратегическое управление кластерами — процесс разработки и реализации долгосрочных планов и программ, направленных на оптимизацию взаимодействия участников кластера, повышение их конкурентоспособности с учетом приоритетов социально-экономического и пространственного развития территории размещения кластера, а также динамики внешней среды.

В заключение укажем, что кластерный подход сегодня все активнее используют при формировании государственной и региональной экономической политики, и в теоретическом аспекте, безусловно, он нуждается в дальнейшем развитии, в том числе в связи с принятым нашей страной курсом на переход к цифровой экономике.

Список источников

1. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.: утв. распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р // Правительство России: офиц. сайт. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 25.09.2024).
2. Иванов С. А. Проблемы научного обеспечения формирования и развития производственных кластеров // Журнал правовых и экономических исследований. 2024. № 2. С. 192–197. DOI: 10.26163/GIEF.2024.59.55.027
3. О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров: постановление Правительства РФ от 31 июля 2015 г. № 779 // Правительство

- России: офиц. сайт. URL: <http://government.ru/docs/all/102941/> (дата обращения: 07.09.2024).
4. Реестр кластеров // Министерство промышленности и торговли РФ. URL: https://gisip.gov.ru/gisip/reg_clusters (дата обращения: 25.09.2024).
 5. Тарасенко В. В. Стратегии развития территориальных кластеров // Экономические стратегии. 2011. Т. 13. № 11. С. 82–94.
 6. Зобов А. М. Инновационные кластеры: системный подход // Маркетинг. 2011. № 3. С. 14–21.
 7. Анисова Н. А. К вопросу развития теории кластеров: типовая модель и возможности применения // Экономика и управление. 2009. № 9. С. 61–66.
 8. Тютюшев А. П., Гасанов М. А., Васечко Д. Ю. Кластеры как инновационные экономические структуры сетевого типа // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 12. С. 121–127.
 9. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие туризма»: постановление Правительства РФ от 24 декабря 2021 г. № 2439 (с учетом изменений от 27 мая 2024 г.) // Министерство экономического развития РФ. URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/postanovlenie_pravительства_rossiyskoy_federacii_ot_24_dekabrya_2021_g_2439.html (дата обращения: 15.07.2024).
 10. Портер М. Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран / пер. с англ. М.: Альпина ПРО, 2022. 947 с.
 11. Муллахмедова С. С., Шахпазова Р. Д., Саралинова Д. С., Омаров З. З. Модель экономического роста Р. Солоу: генезис теории и методологии // Региональные проблемы преобразования экономики. 2019. № 12. С. 7–15. DOI: 10.26726/1812-7096-2019-12-7-15
 12. Наумов И. В., Седельников В. М. Межрегиональные взаимосвязи на рынке молочной продукции России: пространственные полюса роста // Journal of New Economy. 2021. Т. 22. № 3. С. 103–124. DOI: 10.29141/2658-5081-2021-22-3-6
 13. Гринёва Н. А. Основные идеи итальянской школы региональной конкурентоспособности // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2010. № 2. С. 57–61.
 14. Porter M. E. Clusters and the New Economics of Competition // Harvard Business Review. 1998. Vol. 76. No. 6. P. 77–90.
 15. Martin R., Sunley P. Deconstructing clusters: Chaotic concept or policy panacea? // Journal of Economic Geography. 2003. Vol. 3. No. 1. P. 5–35. DOI: 10.1093/jeg/3.1.5
 16. Whitford J., Potter C. Regional economies, open networks and the spatial fragmentation of production // Socio-Economic Review. 2007. Vol. 5. No. 3. P. 497–526. DOI: 10.1093/ser/mwm004
 17. Портер М. Конкуренция / пер. с англ. М.: Вильямс, 2005. 608 с.
 18. Von Bertalanffy L. The history and status of general systems theory // Academy of Management Journal. 1972. Vol. 15. No. 4. P. 407–426. DOI: 10.2307/255139
 19. Giuliani E., Morrison A., Rabellotti R., Pietrobelli C. Who are the researchers that are collaborating with industry? An analysis of the wine sectors in Chile, South Africa and Italy // Research Policy. 2010. Vol. 39. No. 6. P. 748–761. DOI: 10.1016/j.respol.2010.03.007
 20. Воронежский авиастроительный кластер // Карта кластеров России. URL: <https://map.cluster.hse.ru/cluster/58> (дата обращения: 15.07.2024).

References

1. Strategy for spatial development of the Russian Federation for the period up to 2025. Approved by the order of the Government of the Russian Federation of February 13, 2019 No. 207-r. Official website of the Government of Russia. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAUqUtt08o60RktoOXl22JjAe7irNxc.pdf> (accessed on 25.09.2024). (In Russ.).
2. Ivanov S.A. Problems of scientific support of formation and development of production clusters. *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy = Journal of Legal and Economic Studies*. 2024;(2):192-197. (In Russ.). DOI: 10.26163/GIEF.2024.59.55.027
3. On industrial clusters and specialized organizations of industrial clusters. Resolution of the Government of the Russian Federation of July 31, 2015 No. 779. Official website of the Government of Russia. URL: <http://government.ru/docs/all/102941/> (accessed on 07.09.2024). (In Russ.).
4. Register of clusters. Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation. URL: https://gisip.gov.ru/gisip/reg_clusters (accessed on 25.09.2024). (In Russ.).
5. Tarasenko V.V. Strategies for the development of territorial clusters. *Ekonomicheskie strategii = Economic Strategies*. 2011;13(11):82-94. (In Russ.).
6. Zobov A.M. Innovative clusters: A systematic approach. *Marketing*. 2011;(3):14-21. (In Russ.).
7. Anisova N.A. To the issues of cluster theory development: Typical model and implementation opportunities. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2009;(9):61-66. (In Russ.).
8. Tyutyushev A.P., Gasanov M.A., Vasechko D.Yu. Clusters as innovative economic structure of the network type. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2011;(12):121-127. (In Russ.).

9. On approval of the state program of the Russian Federation “Tourism development”. Resolution of the Government of the Russian Federation of December 24, 2021 No. 2439 (as amended on May 27, 2024). Ministry of Economic Development of the Russian Federation. URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/postanovlenie_pravitelstva_rossiyskoy_federacii_ot_24_dekabrya_2021_g_2439.html (accessed on 15.07.2024). (In Russ.).

10. Porter M.E. The competitive advantage of nations. New York, NY: The Free Press; 1990. 896 p. (Russ. ed.: Porter M. Mezhdunarodnaya konkurentsia. Konkurentnye preimushchestva stran. Moscow: Alpina PRO; 2022. 947 p.).

11. Mullahmedova S.S., Shakhpazova R.D., Saralinova D.S., Omarov Z.Z. Solow’s economic growth model: Genesis of theory and methodology. *Regional’nye problemy preobrazovaniya ekonomiki = Regional Problems of Economic Transformation*. 2019;(12):7-15. (In Russ.). DOI: 10.26726/1812-7096-2019-12-7-15

12. Naumov I.V., Sedelnikov V.M. Interregional relationships in the Russian dairy market: Spatial growth poles. *Journal of New Economy*. 2021;22(3):103-124. (In Russ.). DOI: 10.29141/2658-5081-2021-22-3-6

13. Grineva N.A. The main ideas of the Italian school of regional competitiveness. *Strategiya ustoychivogo razvitiya regionov Rossii*. 2010;(2):57-61. (In Russ.).

14. Porter M.E. Clusters and the new economics of competition. *Harvard Business Review*. 1998;76(6):77-90.

15. Martin R., Sunley P. Deconstructing clusters: Chaotic concept or policy panacea? *Journal of Economic Geography*. 2003;3(1):5-35. DOI: 10.1093/jeg/3.1.5

16. Whitford J., Potter C. Regional economies, open networks and the spatial fragmentation of production. *Socio-Economic Review*. 2007;5(3):497-526. DOI: 10.1093/ser/mwm004

17. Porter M.E. On competition. Boston, MA: Harvard Business School Press; 1998. 485 p. (Russ. ed.: Porter M. Konkurentsia. Moscow: Williams; 2005. 608 p.).

18. Von Bertalanffy L. The history and status of general systems theory. *Academy of Management Journal*. 1972;15(4):407-426. DOI: 10.2307/255139

19. Giuliani E., Morrison A., Rabellotti R., Pietrobelli C. Who are the researchers that are collaborating with industry? An analysis of the wine sectors in Chile, South Africa and Italy. *Research Policy*. 2010;39(6):748-761. DOI: 10.1016/j.respol.2010.03.007

20. Voronezh Aircraft Manufacturing Cluster. Map of Russian Clusters. URL: <https://map.cluster.hse.ru/cluster/58> (accessed on 15.07.2024). (In Russ.).

Сведения об авторах

Екатерина Сергеевна Степанова

аспирант, старший преподаватель департамента государственного администрирования

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербургский филиал)

190121, Санкт-Петербург, Союза Печатников ул., д. 16

Полина Эдуардовна Яковлева

старший преподаватель департамента государственного администрирования

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербургский филиал)

190121, Санкт-Петербург, Союза Печатников ул., д. 16

Поступила в редакцию 30.09.2024
Прошла рецензирование 18.10.2024
Подписана в печать 05.11.2024

Information about the authors

Ekaterina S. Stepanova

postgraduate student, senior lecturer at the Department of Public Administration

National Research University “Higher School of Economics” (St. Petersburg branch)

16 Soyuz Pechatnikov st., St. Petersburg 190121, Russia

Polina E. Iakovleva

senior lecturer at the Department of Public Administration

National Research University “Higher School of Economics” (St. Petersburg branch)

16 Soyuz Pechatnikov, St. Petersburg 190121, Russia

Received 30.09.2024
Revised 18.10.2024
Accepted 05.11.2024

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

УДК 338.48

<http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-10-1188-1200>

Перспективы развития въездного медицинского туризма России из стран Центральной Азии

Эдуард Валерьевич Опарин*ООО «ММЦ ВТ», с.п. Южковское, Всеволожский район, Ленинградская область, Россия*

Аннотация

Цель. Определить и проанализировать перспективы развития въездного медицинского туризма из стран Центральной Азии.

Задачи. Исследовать возможности и барьеры российского здравоохранения на рынке медицинского туризма; выявить спрос на получение медицинских услуг за рубежом в странах Центральной Азии и оценить перспективы развития въездного медицинского туризма из стран Центральной Азии в Россию.

Методология. Автором использованы общенаучные методы, в том числе монографический, анализа и синтеза, индукции и дедукции, описания, а также прикладные методы структурного, системного и сравнительного экономического анализа.

Результаты. Анализ здравоохранения в странах Центральной Азии позволил выделить основные проблемы, влияющие на работу здравоохранения этих стран и предопределяющие движущие мотивы медицинского туризма и направления медицинской помощи. Среди факторов, которые ограничивают спрос на медицинский туризм, ключевым является низкий уровень доходов и высокий уровень бедности. Фактором, осложняющим развитие медицинского туризма в центральноазиатском регионе, служит конкуренция со стороны Южной Кореи, Турции, Израиля, Германии и других государств, которые активно работают на рынке туристических медицинских услуг стран Центральной Азии. Кроме того, негативное влияние на спрос населения на услуги российского здравоохранения оказывает многовекторная политика этих стран, вплоть до предпочтительного сотрудничества на уровне правительства с другими государствами.

Выводы. В условиях резкого обострения геополитической ситуации и жестких антироссийских санкций со стороны стран Запада российским клиникам сложно развивать данное направление деятельности и привлекать медицинских туристов даже из дружественных стран. Тем не менее это направление является перспективным для развития медицинского туризма, поскольку Россия, как принимающая страна для медицинских туристов из Центральной Азии, обладает рядом конкурентных преимуществ, таких как сравнительно низкие цены при высоком качестве медицинских услуг, высокий уровень профессионализма врачей и медицинского персонала, наличие новейших медицинских технологий, отсутствие визового режима, прямое авиасообщение, отсутствие языкового барьера и другие.

Ключевые слова: медицинские услуги, экспорт медицинских услуг, въездной медицинский туризм, страны Центральной Азии, здравоохранение, лечение за рубежом, высокотехнологичная медицинская помощь, Россия, рынок медицинского туризма

Для цитирования: Опарин Э. В. Перспективы развития въездного медицинского туризма России из стран Центральной Азии // *Экономика и управление*. 2024. Т. 30. № 10. С. 1188–1200. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-10-1188-1200>

© Опарин Э. В., 2024

Prospects for the development of inbound medical tourism in Russia from Central Asian countries

Eduard V. Oparin

LLC "MMC HT", Yukki urban settlement, Vsevolozhsk District, Leningrad Region, Russia

Abstract

Aim. The study aims to determine and analyze the prospects for the development of inbound medical tourism from Central Asian countries.

Objectives. The work seeks to study the opportunities and barriers of Russian healthcare in the medical tourism market. It assesses the demand for medical services abroad within Central Asian countries and evaluates the potential for attracting inbound medical tourists from the region to Russia.

Methods. The study employs general scientific methods, including monographic method, along with analysis and synthesis, induction and deduction, description, and applied methods of structural, systemic and comparative economic analysis.

Results. The analysis of healthcare in Central Asian countries reveals key issues that shape healthcare performance and influence the motivations for medical tourism and the types of medical care. The key factor limiting the demand for medical tourism is the low income and high poverty levels in the region. The factor complicating the development of medical tourism in the region under consideration is competition from South Korea, Turkey, Israel, Germany and other countries that actively operate in the Central Asian medical tourism market. The multi-vector policies of these countries, including preferential cooperation with other nations, further hinder demand for Russian healthcare services.

Conclusions. Amid geopolitical tensions and stringent anti-Russian sanctions from Western countries, Russian clinics face challenges in developing medical tourism and attracting tourists, even from friendly countries. However, inbound medical tourism remains a promising field since Russia offers several competitive advantages as a medical tourism destination, including affordable yet high-quality medical care, skilled doctors and medical personnel, advanced medical technologies, visa-free travel, direct flights, and the absence of language barriers with Central Asian tourists.

Keywords: *medical services, export of medical services, inbound medical tourism, Central Asian countries, healthcare, medical treatment abroad, high-tech medical care, Russia, medical tourism market*

For citation: Oparin E.V. Prospects for the development of inbound medical tourism in Russia from Central Asian countries. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2024;30(10):1188-1200. (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-10-1188-1200>

Введение

Медицинский туризм является одной из стремительно развивающихся отраслей в мире. По данным Market.us Media, индустрия медицинского туризма переживает бум с ежегодным ростом на 15–25 %, и к 2032 г. объем мирового рынка медицинского туризма достигнет 35,9 млрд долл. по сравнению с 11,7 млрд долл. в 2022 г. [1].

Ранее медицинский туризм в России был связан преимущественно с выездом российских граждан для лечения за рубеж, в Израиль, Германию и другие страны. Вместе с тем у отечественной системы здравоохранения существует целый ряд существенных преимуществ для развития въездного медицинского туризма: наличие классиче-

ской школы российской медицины, широко признаваемой за рубежом; высокий уровень оказания высокотехнологичной медицинской помощи; сравнительно низкая стоимость медицинских услуг; низкая стоимость сопутствующих услуг; транспортная доступность; небольшие сроки ожидания медицинской помощи.

Импульс для развития въездного медицинского туризма в конце 2018 г. — начале 2019 г. придал федеральный проект «Развитие экспорта медицинских услуг» на период до 2024 г., реализуемый в рамках национального проекта «Здравоохранение», в соответствии с которым медицинский туризм стали рассматривать в качестве одного из приоритетных направлений развития туризма [2; 3; 4]. Однако сначала

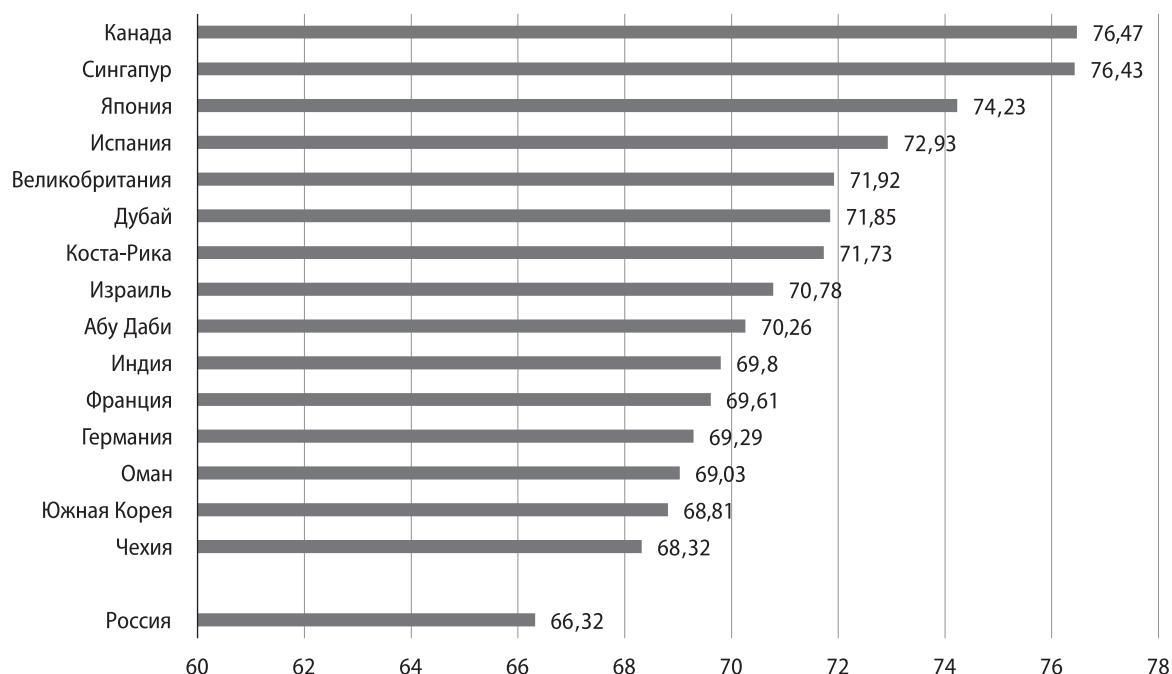

Рис. 1. Россия в рейтинге Международной ассоциации медицинского туризма
 Fig. 1. Russia in the ranking of the International Association of Medical Tourism

Источник: составлено по данным [6].

ограничения, вызванные пандемией коронавируса COVID-19, а позднее жесткие анти-российские санкции со стороны стран Запада существенно тормозят развитие этого направления.

При наличии высокого потенциала развития въездного медицинского туризма в 2022 г. только 5 % иностранных граждан из 12 млн, получивших медицинскую помощь в России, являются медицинскими туристами, посетившими нашу страну с целью лечения [5]. Остальные иностранные граждане, обратившиеся за медицинской помощью, проживают в России постоянно. В связи с резким обострением геополитической ситуации в последние два года у российских клиник возникают сложности с привлечением медицинских туристов даже из дружественных стран.

Россия на мировом рынке медицинского туризма

В рейтинге Международной ассоциации медицинского туризма Россия занимает 41-е место из 46 направлений медицинского туризма с индексом (MTI) 60,17 [6], как видно на рисунке 1. Основными оцениваемыми параметрами рейтинга являются качество медицинских организаций и медицинских услуг, включая репутацию

врачей и/или медицинской организации; индустрия медицинского туризма и туристическая привлекательность страны (наличие культурно-исторических и природных объектов, стоимость проживания, стоимость транспортных услуг, расходы на медицинский туризм); окружающая среда (природно-климатические факторы, уровень социально-экономического развития страны, стабильность национальной валюты, уровень безопасности, уровень коррупции, язык и т. д.

Россия, хотя и не является первым направлением медицинского туризма, но, благодаря значительным инвестициям в инфраструктуру здравоохранения и медицинские исследования, уверенно набирает обороты в сфере предоставления медицинских услуг гражданам других стран. Россия имеет репутацию страны, предлагающей самые современные методы лечения по более низким ценам, чем в Западной Европе или Северной Америке.

Россия известна и своей давней историей медицинских исследований, инноваций, и современными достижениями в области кардиологии и неврологии, новаторской работой в таких областях, как радиология, трансплантация органов и аэрокосмическая медицина. Государственные и частные организации здравоохранения предоставляют

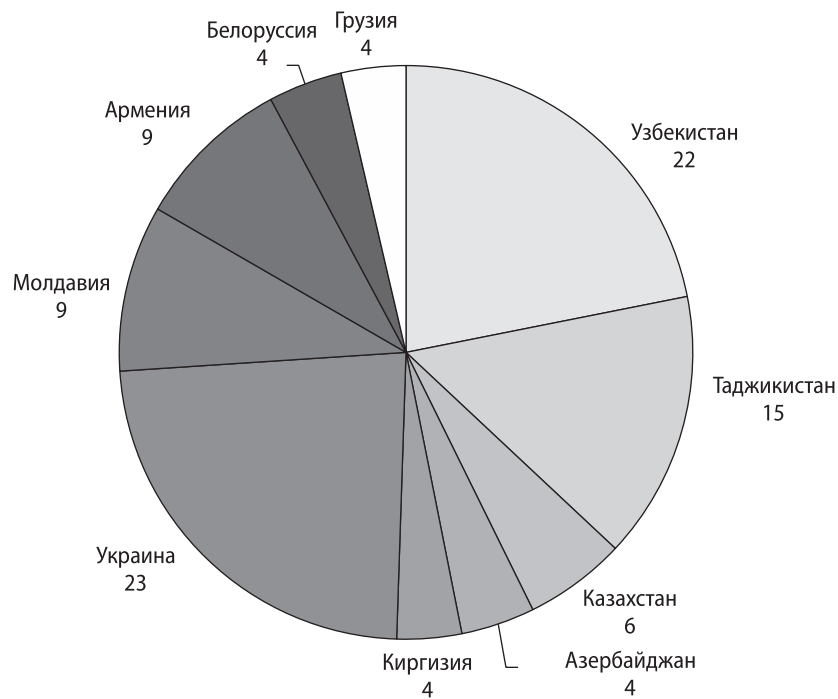

Рис. 2. Структура пролеченных в России иностранных граждан из стран постсоветского пространства в 2019 г., %
Fig. 2. Structure of foreign citizens from post-Soviet countries treated in Russia in 2019, %

Источник: составлено автором на основе [8].

широкий спектр услуг, от общей медицины до специализированных высокотехнологичных операций, соответствующих мировым стандартам. Тем не менее въездной медицинский туризм в России развит слабо. Даже до начала специальной военной операции (СВО) около 80 % потока медицинских туристов составляли русскоязычные граждане стран СНГ [7], из которых около 50 % — жители стран Центральной Азии, что отражено на рисунке 2, и русскоязычные граждане западных стран.

В настоящее время, кроме сложной политической обстановки и резкого обострения отношений со многими западными странами, в развитии въездного медицинского туризма прослеживаются и внутренние проблемы, тормозящие его развитие. В их числе — вопросы въезда иностранных граждан в Россию с целью лечения из визовых стран, меры поддержки экспортеров медицинских услуг, недостаточная развитость инфраструктуры во многих регионах страны, отсутствие качественного современного медицинского оборудования и узкопрофильных специалистов, низкая информированность иностранных туристов о возможностях медицинского туризма в России, отсутствие информации о медицинских центрах, специализации лечебных заведений, недостаток

медицинского персонала, владеющего иностранными языками. В связи с этим основной поток иностранных туристов едет в Москву и Санкт-Петербург.

Существенным препятствием для въездного медицинского туризма является отсутствие у многих российских клиник международной аккредитации, которой зарубежные пациенты придают большое значение [2; 9].

Анализ спроса на получение медицинских услуг за рубежом в странах Центральной Азии

Здравоохранение стран Центральной Азии

Страны Центральной Азии унаследовали от Советского Союза разветвленную инфраструктуру здравоохранения с преобладанием государственного сектора, централизованным финансированием и централизованной системой распределения ресурсов. Сегодня, по индексу здравоохранения стран Центральной Азии, Казахстан занимает 78-е место из 110 стран, Узбекистан — 64-е, Туркменистан — 95-е, как следует из таблицы 1.

Проблемы, влияющие на работу здравоохранения в странах Центральной Азии, многочисленны и взаимосвязаны. К числу

Индекс здравоохранения (Health Care Index) стран мира в 2023 г.

Table 1. Health Care Index of countries of the world in 2023

Место	Страна	Медицинская инфраструктура и специалисты	Доступность и стоимость лекарств	Готовность правительства	Индекс здравоохранения (в целом) ¹
1	Тайвань	87,16	83,59	82,3	78,72
2	Южная Корея	79,05	78,39	78,99	77,7
3	Австралия	90,75	82,59	92,06	74,11
4	Канада	86,18	78,99	88,23	71,32
5	Швеция	78,77	74,88	74,18	70,73
6	Ирландия	92,58	96,22	67,51	67,99
7	Нидерланды	77,86	71,82	55,1	65,38
8	Германия	86,28	75,81	83,82	64,66
9	Норвегия	72,48	68,68	64,78	64,63
10	Израиль	88,63	75,61	90,25	61,73
42	Россия	88,12	72,84	91,25	42,31
46	Китай	69,67	55,99	65,36	41,4
60	Турция	70,83	54,54	73,01	37,16
64	Узбекистан	64,57	50,87	59,31	36,26
78	Казахстан	73,69	54,62	59,64	34,28
95	Туркменистан	69,8	50,88	50,95	27,3

Источник: составлено автором на основе [10].

ключевых проблем можно отнести низкие расходы на здравоохранение, устаревшую инфраструктуру, низкую обеспеченность медицинским оборудованием, низкие заработные платы медицинских работников и неравный доступ населения к медицинским услугам.

Доля совокупных расходов Казахстана на здравоохранение составляет 3,3 % от валового внутреннего продукта (ВВП) страны, что в два раза меньше от рекомендуемых Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), в частности 6 % от ВВП; Казахстан планирует довести долю расходов на медицину до 5 % ВВП к 2027 г. [11] В рейтинге стран мира по уровню расходов на медицину Казахстан находится на 174-м месте из 189, Узбекистан — на 93-м (с 6,4 %) [12], что видится недостаточным для лечения хронических заболеваний, таких как сердечно-сосудистые заболевания, рак, диабет, являющихся основными причинами смертности в этих странах [13; 14]. Недостаточное государственное финансирование здравоохранения [15; 16; 17] вынуждает население

тратить личные средства на медицинские услуги [18].

По данным Всемирного банка, самая густонаселенная страна Центральной Азии — Узбекистан, население которого составляет более 35,6 млн человек (40 % от общей численности населения Центральной Азии). Казахстан — вторая по численности населения страна, в которой проживают 19,6 млн человек [19]. В сельской местности проживают более половины населения Таджикистана (72,03 %), Кыргызстана (62,5 %) и почти половина населения Узбекистана (49,5 %), Туркменистана (46,51 %), Казахстана (42,01 %), как показано в таблице 2. Это обуславливает неравный доступ к медицинской помощи в этих странах [20; 21] из-за неразвитой транспортной инфраструктуры, низкой плотности населения в сельской местности и неравномерного распределения медицинского персонала [22; 23; 24; 25].

При высокой обеспеченности медицинским персоналом в Казахстане наблюдается дисбаланс обеспечения медицинскими кадрами в сельской (дефицит) местности

¹ Индекс здравоохранения включает в себя оценку инфраструктуры здравоохранения; компетенции медицинских работников (врачей, младшего медицинского персонала и других медицинских работников); стоимость медицинских услуг на душу населения; доступность качественных лекарств и готовность правительства.

Ключевые демографические показатели и показатели системы здравоохранения стран Центральной Азии и России в 2022 г.

Table 2. Key demographic indicators and indicators of the healthcare system of Central Asian countries and Russia in 2022

	Казахстан	Кыргызстан	Таджикистан	Узбекистан	Туркменистан	Россия
Население всего, млн чел.	19, 621	6,974	9,953	35,648	6,431	144,236
Сельское население, %	42,01	62,54	72,03	49,5	46,51	24,87
ВВП на душу населения по ППС, тыс. долл.	30,82	5,98	4,89	9,54	15,62	36,31
Продолжительность жизни (лет)						
мужчин	66,3	67,9	69,6	68,3	65,9	64
женщин	74	76,1	73,7	73,4	72,7	75
Расходы на здравоохранение на душу населения по ППС, долл.	275,28	123,69	203,95	283, 0	698,30	632,47
Наличные расходы населения, % от текущих расходов на здравоохранение	27	45	65	53	76	27
Обеспеченность врачами на 1 000 чел.	4,028	2,168	1,708	2,147	2,373	3,827

Источник: составлено автором на основе [19].

и городской (профицит), между первичным звеном (дефицит) и больницами (профицит) [26]. В других государствах Центральной Азии средняя по стране обеспеченность врачами находится на низком уровне. Еще одним фактором, ухудшающим качество медицинской помощи и состояние системы здравоохранения, исследователи признают низкие заработные платы медицинского персонала. Средняя заработная плата врачей в Казахстане ниже средней заработной платы служащих, а в Узбекистане врач — одна из самых низкооплачиваемых профессий наряду с учителями [27].

В настоящее время правительство Казахстана продвигает Государственную программу развития здравоохранения на 2020–2025 гг., целью которой служит обеспечение доступности качественной медицинской помощи, а целевыми показателями на 2025 г. — рост продолжительности жизни до 75 лет и снижение уровня риска преждевременной смертности от сердечно-сосудистых, онкологических, хронических респираторных заболеваний и диабета, снижение материнской и младенческой смертности. В Казахстане применяют и меры по повышению заработной платы медицинского персонала для предотвращения их оттока за границу, активно внедряют услуги телемедицины.

Реформа здравоохранения в Узбекистане активно продвигается с 2017 г. Сегодня в Узбекистане с привлечением международных организаций, в том числе специалистов Южной Кореи, разрабатывают национальную стратегию «Здоровье населения — 2030» [28].

Развитие выездного медицинского туризма в странах Центральной Азии

В отличие от жителей развитых государств, главным движущим мотивом медицинского туризма которых является экономия денежных средств [29] (так называемый ценовой разрыв), жители развивающихся стран едут в другие страны для получения медицинской помощи вследствие более высокого в них уровня качества оказываемой медицинской помощи, наличия современных медицинских технологий и оборудования, более высокого профессионализма медицинского персонала (технологический разрыв), по причине отсутствия некоторых видов медицинских услуг, вплоть до запрета на оказание отдельного вида медицинских услуг, длительных сроков ожидания (институциональный разрыв) [30].

В странах Центральной Азии к главным причинам смерти можно отнести онкозаболевания. Например, в Кыргызстане рак ежедневно выявляют у 15–20 жителей, а в действительности показатели намного больше, поскольку жители отдаленных районов не могут своевременно пройти обследование. В Таджикистане в 2023 г. зарегистрировано 18,34 тыс. онкобольных, ежегодный прирост составляет около 4,5 тыс. человек, а показатель смертности от рака, по разным данным, достигает от 2 до 3 тыс. чел. [31]. Кроме оказания медицинской помощи при онкологии, спросом на внешних рынках у пациентов из Центральной Азии пользуются и иные направления высокотехнологичной

медицинской помощи, в том числе нейрохирургия, кардиохирургия, травматология, ортопедия, офтальмология.

В Казахстане при наличии показаний для получения высокотехнологичной медицинской помощи или заболеваний, которые невозможно вылечить на местном уровне, граждан направляют на лечение за рубеж за счет Фонда социального медицинского страхования. Пациентов направляли на лечение по двенадцати профилям заболеваний, таким, например, как онкология, онкогематология, врожденные пороки, кардиология, пульмонология, желудочно-кишечные заболевания. Однако количество квот на бесплатное лечение за рубежом ограничено: например, за десять месяцев 2023 г. насчитывается 84 случая. Перечень зарубежных медицинских организаций для направления граждан Казахстана на лечение за рубеж за счет бюджетных средств утверждается решением специальной комиссии Министерства здравоохранения Казахстана. В 2019–2023 гг. пациентов направляли на лечение в клиники Турции, России, Индии, Беларуси, Германии, Южной Кореи, Испании и Украины [32].

За счет собственных средств жители Казахстана предпочитают лечиться в Турции (15 тыс. чел. ежегодно), лидирующей за счет стоимости, сервиса и индустрии гостеприимства; Южной Кореи (12,5 тыс. чел.) — по причине государственной политики продвижения этого направления; Израиле (7 тыс. чел.), который выступает одним из признанных мировых лидеров в сфере высококачественных медицинских услуг, но не всем доступным по цене. Кроме того, ежегодно 2,8 тыс. чел. отправляют на лечение в Германию, которая из-за высоких цен недоступна большинству населения Казахстана [33]. Наименее обеспеченные жители Казахстана в качестве направления для получения медицинской помощи выбирают Узбекистан (9,9 тыс. чел. за 11 месяцев 2023 г.) [34]. Турция через филиалы и представительства турецких медицинских клиник на территории Казахстана (сеть клиник Acibadem, клинику Orhun Medical, клинику ASIA KOZ [35; 36; 37] и др.) направляет пациентов из Казахстана на лечение в головные клиники, расположенные на территории Турции.

Среди жителей Кыргызстана популярными направлениями медицинского туризма являются Германия и Израиль. Однако ввиду очень высоких цен на медицинские

услуги рядовые жители Кыргызстана отправляются в эти страны в основном по благотворительной линии. Среди азиатских стран, в которые жители Кыргызстана едут для получения высокотехнологичной помощи, лидируют Индия, Турция, Китай и Пакистан. В Россию жители Кыргызстана отправляются за хирургической помощью и для лечения заболеваний сердечно-сосудистой системы [38].

Жители Таджикистана в качестве направления медицинского туризма выбирают Узбекистан (139,6 тыс. чел. в 2023 г.) [39] и Иран в случаях сердечно-сосудистой и глазной хирургии, операций на суставах и позвоночнике. В 2010 г. в Душанбе начала работу совместная клиника Ибн Сино, в которой вместе с таджикскими работают иранские врачи, а также иранские врачи приезжают для проведения сложных операций. Кроме того, в Таджикистан из Ирана поступает значительная часть фармацевтической продукции [40]. Таджикистан расширяет и укрепляет сотрудничество в сфере здравоохранения с Турцией [41].

Жители Узбекистана отправляются на лечение в Южную Корею [13], Турцию [42], а наиболее обеспеченные — в Израиль. Вопрос развития медицины в стране рассматривают в Узбекистане на высшем уровне. При этом страна полагается на привлечение инвестиций из зарубежных стран, и для повышения доступности медицинских услуг для местного населения Президентом Узбекистана предложено открывать представительства ведущих медицинских клиник, в том числе российских. Тем более что врачи из России и других государств-партнеров периодически приезжают в Узбекистан для показательных операций и обмена опытом. В целях развития частного сектора здравоохранения в Узбекистане с 2019 г. отдельные лечебно-профилактические учреждения передают в доверительное управление инвесторам. В настоящее время в Узбекистане работают более 100 медицинских клиник из США, России, Германии, Индии, Турции [43], а также Южной Кореи [13].

Конкурентными преимуществами России, как направления медицинского туризма, кроме ценового фактора при высоком уровне качества, служат транспортное сообщение, в том числе прямое авиасообщение; отсутствие визового режима; отсутствие языкового барьера; присутствие в России крупных национальных диаспор рассмотренных

стран, которые могут оказать организационную поддержку приезжающим на лечение, а также сохранившаяся со времен СССР схожесть систем здравоохранения.

Ключевым фактором, препятствующим более активному развитию медицинского туризма в странах Центральной Азии, считают низкий уровень доходов населения и высокий уровень бедности. В 2022 г. уровень бедности в Казахстане составил 12,4 %, в 2021 г. в Кыргызстане — 33,3 %, Узбекистане — 11 %, Таджикистане — 25,9 % [44]. Цены российских частных клиник, хотя и значительно ниже, чем на аналогичные услуги в западных странах, для большинства населения стран Центральной Азии слишком высоки.

Еще одним фактором, не способствующим притоку медицинских туристов из стран Центральной Азии, являются проводимая в них политика диверсификации миграционных потоков и дистанцирование их от России. В условиях военного противостояния России странам НАТО на территории Украины в 2022–2023 гг., а также в русле политического курса этих государств на «многовекторность» при поддержке «внешних» сил в Таджикистане, Узбекистане и Кыргызстане прослеживается тренд на формирование альтернативных миграционных векторов. Так, Узбекистан заключил соглашения о трудовой миграции с Южной Кореей, Саудовской Аравией, Великобританией, Израилем, готовится соглашение с Японией. Кыргызстан направляет своих граждан на работу в Южную Корею, Турцию, Германию, страны Персидского залива. В 2022 г. правительство Кыргызстана подписало соглашение с международной

рекрутинговой компанией AGRI-HR о направлении кыргызских граждан на сельскохозяйственные работы в Великобританию.

Выводы

Анализ состояния здравоохранения стран Центральной Азии и потребностей населения показал наличие спроса среди местных жителей на получение высокотехнологичных медицинских услуг за рубежом. Факторами, ограничивающими спрос населения на платные медицинские услуги, являются низкий уровень доходов населения, высокий уровень бедности. Дополнительно негативное влияние на спрос населения на услуги российского здравоохранения оказывает многовекторная политика этих стран, вплоть до предпочтительного сотрудничества на уровне правительства с Южной Кореей.

Кроме того, интерес к рынку медицинских услуг и медицинского туризма Центральной Азии со стороны Южной Кореи, Турции, Израиля, Германии и других стран сформировал конкурентную среду, что осложняет развитие медицинского туризма в регионе для российских клиник. Тем не менее Россия, как принимающая страна для медицинских туристов из Центральной Азии, обладает рядом конкурентных преимуществ. Среди них — сравнительно низкие цены при высоком качестве медицинских услуг, высокий уровень профессионализма врачей и медицинского персонала, наличие новейших медицинских технологий, отсутствие визового режима, прямое авиасообщение, отсутствие языкового барьера, присутствие в России многочисленных диаспор стран Центральной Азии.

Список источников

1. *Deb T.* Medical tourism statistics 2024: By landscape, healthcare, treatments // Market.us Media. April 10. 2023. URL: <https://media.market.us/medical-tourism-statistics/> (дата обращения: 16.02.2024).
2. *Кочкурова Е. А., Васильева О. Л., Носкова В. А., Кочкуров А. С.* Региональные проблемы организации экспорта медицинских услуг и развития медицинского туризма // Человек. Спорт. Медицина. 2023. Т. 23. № S1. С. 188–194. DOI: 10.14529/hsm23s125
3. *Аксенова Е. И., Петрова Г. Д., Чернышев Е. В., Юдина Н. Н.* Рекреационный потенциал медицинского туризма России // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. Т. 28. № S2. С. 1180–1185. DOI: 10.32687/0869-866X-2020-28-s2-1180-1185
4. *Ананченкова П. И.* Некоторые аспекты законодательной поддержки развития медицинского туризма в Российской Федерации // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2022. Т. 30. № S. С. 956–960. DOI: 10.32687/0869-866X-2022-30-s1-956-960
5. РСТ: доля медицинских туристов не превышает 5 % от числа обращающихся в клиники иностранцев // Интерфакс. 2023. 19 июня. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/99090/> (дата обращения: 17.02.2024).

6. Overall MTI ranking // Global Healthcare Resources & International Healthcare Resource Center. URL: https://assets.website-files.com/5d8aac42c851d2d6528d50d4/5f0df13e57906e9f895e3767_2020-2021%20Medical%20Tourism%20Index%20Overall%20Ranking.pdf (дата обращения: 14.03.2024).
7. Дворяшина М. М., Тарасенко Е. А. Въездной медицинский туризм или экспорт медицинских услуг: какой рынок нам нужен? // Псковский регионологический журнал. 2021. Т. 17. № 3. С. 18–33. (На англ.). DOI: 10.37490/S221979310015230-6
8. Маркетинговое исследование российского экспорта медицинских услуг // Центральный НИИ организации и информации здравоохранения. URL: https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/053/035/original/Маркетинговое_исследование_российского_экспорта_медицинских_услуг.pdf?1606730049 (дата обращения: 14.03.2024).
9. Alshamsi A. I. A review of the United Arab Emirates healthcare systems on medical tourism and accreditation // *Frontiers in Health Services*. 2024. Vol. 4. Article 1329252. DOI: 10.3389/frhs.2024.1329252
10. Wilson D. Countries with the best health care systems, 2024 // *CeoWorld Magazine*. April 2. 2024. URL: <https://ceoworld.biz/2023/08/25/revealed-countries-with-the-best-health-care-systems-2023/> (дата обращения: 14.03.2024).
11. Итоги года: повышение качества здравоохранения и строительство новых медучреждений // Офиц. информационный ресурс Премьер-министра Республики Казахстан. 2023. 20 декабря. URL: <https://primeminister.kz/ru/news/itogi-goda-povyshenie-kachestva-zdravookhraneniya-i-stroitelstvo-novykh-meduchrezhdeniy-26732> (дата обращения: 15.02.2024).
12. В рейтинге стран мира по уровню расходов на медицину Казахстан находится на 174 месте из 189 // Казахстанский фармацевтический вестник. 2023. 11 мая. URL: https://pharmnews.kz.com/ru/news/v-reytinge-stran-mira-po-urovnyu-rashodov-na-medicinu-kazahstan-nahoditsya-na-174-meste-iz-189_21156 (дата обращения: 14.02.2024).
13. Jung S. Current situation and tasks for public health and medical cooperation between South Korea and Central Asia: Focusing on Kazakhstan and Uzbekistan // *Journal of Eurasian Studies*. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 212–221. DOI: 10.1177/18793665221123596
14. Cho M. J., Haverkort E. Out-of-pocket health care expenditures in Uzbekistan: Progress and reform priorities // Rusangwa C., ed. *Rural health – investment, research and implications*. London: IntechOpen, 2023. P. 1–22. DOI: 10.5772/intechopen.110022
15. Yessimzhanova S. Health capital in Kazakhstan and factors of its development // *Eurasian Journal of Economic and Business Studies*. 2022. Vol. 66. No. 4. P. 43–54. DOI: 10.47703/ejeb.v4i66.93
16. Doskeyeva G. Zh., Rakhimbekova A. E., Zhamkeyeva M. K., Saudambekova I. D., Bekova R. Zh. Health care financing system in the Republic of Kazakhstan // *European Research Studies Journal*. 2018. Vol. 21. No. 2. P. 282–288. DOI: 10.35808/ersj/1002
17. Панченко Д. В., Тургамбаева А. К., Хисметова З. А. Казахская модель финансирования здравоохранения по принципу общественного здравоохранения: опыт и перспективы // *Наука и здравоохранение*. 2022. Т. 24. № 1. С. 79–89. (На англ.). DOI: 10.34689/SH.2022.24.1.010
18. Bukatov Y., Gimranova G. Government measures to address out-of-pocket health expense in Kazakhstan // *Cogent Economics & Finance*. 2023. Vol. 11. No. 1. Article 2164409. DOI: 10.1080/23322039.2022.2164409
19. Population, total // World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?view=chart> (дата обращения: 24.02.2024).
20. Bernd R., Sydykova A., Moldoisaeva S., et al. Primary care reforms in Central Asia – on the path to universal health coverage? // *Health Policy OPEN*. 2023. Vol. 5. Article 100110. DOI: 10.1016/j.hopen.2023.100110
21. Eriksen A., Litvinova Y., Rechel B. Health systems in action: Kazakhstan. Copenhagen: World Health Organization, European Region, 2022. 25 p. URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/362324/9789289059145-eng.pdf?sequence=1> (дата обращения: 24.02.2024).
22. Adambekov S., Kaiyrykyzy A., Igissinov N., Linkov F. Health challenges in Kazakhstan and Central Asia // *Journal of Epidemiology and Community Health*. 2016. Vol. 70. No. 1. P. 104–108. DOI: 10.1136/jech-2015-206251
23. Gulis G., Aringazina A., Sangilbayeva Z., et al. Population health status of the Republic of Kazakhstan: Trends and implications for public health policy // *International journal of Environmental Research and Public Health*. 2021. Vol. 18. No. 22. Article 12235. DOI: 10.3390/ijerph182212235
24. Turgambayeva A., Ibrayev S., Yeaskendirov O. Kazakhstan healthcare system within independence: Main stages and the perspectives of the development // *Journal of Health Development*. 2021. Vol. 4. No. 44. P. 16–23. DOI: 10.32921/2225-9929-2021-4-44-4-23

25. Omir A., Satybaldin A., Ruzanov R., Khajiyeva G. Measuring healthcare efficiency in Kazakhstan: An application of data envelopment analysis // Journal of Eastern European and Central Asian Research (JEECAR). 2024. Vol. 11. No. 1. P. 1–15. DOI: 10.15549/jeecar.v11i1.1428
26. Turgambayeva A., Imanova Z., Tulegenova A. Rural healthcare in Kazakhstan: Problems and trends (literature review) // Journal of Health Development. 2021. Vol. 3. No. 43. P. 13–18. DOI: 10.32921/2225-9929-2021-3-43-13-18
27. Средняя зарплата медиков в Узбекистане превысила \$170 // Регнум. 2021. 27 января. URL: <https://regnum.ru/news/3174808> (дата обращения: 04.03.2024).
28. Стратегию «Здоровье населения – 2030» примут в Узбекистане // Газета.uz. 2023. 7 сентября. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2023/09/07/healthy-lifestyle/> (дата обращения: 01.03.2024).
29. Singh L. Medical tourism motivations: The driving force // Journal of multidisciplinary academic tourism. 2019. Vol. 4. No. 2. P. 77–86. DOI: 10.31822/jomat.621874
30. Петрова Г. Д., Чернышев Е. В., Дьячек Е. С. Инструменты развития региональных программ медицинского туризма: международный опыт // Здоровье мегаполиса. 2023. Т. 4. № 2. С. 89–100. DOI: 10.47619/2713-2617.zm.2023.v.4i2;89-100
31. Больные онкологией в Таджикистане просят власти о помощи // Cabar Asia. 2023. 27 июня. URL: <https://cabar.asia/ru/bolnye-onkologiej-v-tadzhikistane-prosyat-vlasti-o-romoshhi> (дата обращения: 03.03.2024).
32. Квота на бесплатное лечение за рубежом: кому полагается и как ее получить // Казахстанский фармацевтический вестник. 2023. 14 ноября. URL: https://pharmnewskz.com/ru/news/kvota-na-besplatnoe-lechenie-za-rubezhom-komu-polagaetsya-i-kak-ee-poluchit_21991 (дата обращения: 02.03.2024).
33. Касымова А. Более 15 тысяч казахстанцев ежегодно уезжают на лечение в Турцию // Казинформ. 2023. 24 октября. URL: <https://www.inform.kz/ru/bole-15-tisyach-kazahstantsev-ezhegodno-uezzhayut-na-lechenie-v-turtsiyu-58e9d8> (дата обращения: 12.03.2024).
34. Ротенко У. Казахстанцы все чаще выбирают для лечения Узбекистан // Press.kz. 2023. 16 декабря. URL: <https://press.kz/novosti/kazahstancy-vse-chashhe-vybirayut-dlya-lecheniya-uzbekistan> (дата обращения: 13.03.2024).
35. Известная международная сеть клиник Acibadem открыла официальное представительство в Республике Казахстан // Acibadem. URL: <https://acibadem.com.ru/news/new-office/> (дата обращения: 10.03.2024).
36. Диагностический центр “Orhun Medical” // Idoctor. URL: <https://idoctor.kz/almaty/medcenter/328-diagnosticheskiy-tsentr-orhun-medical#:~:text=Клиника%20Orhun%20Medical%22%20%2D%20это,из%20пациентов%20на%20высочайшем%20уровне> (дата обращения: 10.03.2024).
37. Турецкая глазная клиника “ASIA KOZ” // Asiakoz. URL: <https://asiakoz.kz/1/asia-koz-clinic> (дата обращения: 11.03.2024).
38. Katalova A. Медицинский туризм в Кыргызской Республике: возможности и перспективы // International conference on Eurasian economies (2–4 September 2020, Baku). Istanbul: Eurasian Economists Association, 2020. P. 225–229. DOI: 10.36880/C12.02366
39. Караев С. Граждане Таджикистана чаще стали ездить в Узбекистан для лечения // ASIA-plus. 2023. 17 февраля. URL: <https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20230217/grazhdane-tadzhikistana-chatshe-stali-ezdit-v-uzbekistan-dlya-lecheniya> (дата обращения: 01.03.2024).
40. Джумъа М. Бизнес, лечение, учеба: зачем таджики летают в Иран? // ASIA-plus. 2023. 19 декабря. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20231219/biznes-lechenie-ucheba-zachem-tadzhiki-letayut-v-iran> (дата обращения: 02.03.2024).
41. Таджикистан и Турция расширяют сотрудничество в области здравоохранения // Moh.Tj. 2022. 5 декабря. URL: <https://old.moh.tj/ru/tadzhikistan-i-turtsiya-rasshiryayut-sotrudnichestvo-v-oblasti-zdravooxraneniya/> (дата обращения: 02.03.2024).
42. Узбекистанцы вновь могут отправиться на лечение за рубеж // Газета.uz. 2020. 22 июля. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2020/07/22/anadolu/> (дата обращения: 03.03.2024).
43. Хужаназаров А. З., Алламуратов Ш. А. Система здравоохранения в Узбекистане: проблемы и реформы // Бюллетень науки и практики. 2021. Т. 7. № 2. С. 405–410. DOI: 10.33619/2414-2948/63/46
44. Крицкий Д., Аржаев Ф., Андрюхин В., Котик А. Причины и следствия системной бедности в Центральной Азии: взгляд из 2022 // Российский совет по международным делам (РСМД). 2022. 24 октября. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/prichiny-i-sledstviya-sistemnoy-bednosti-v-tsentralnoy-azii-vzglyad-iz-2022/> (дата обращения: 14.03.2024).

References

1. Deb T. Medical tourism statistics 2024: By landscape, healthcare, treatments. Market.us Media. Apr. 10, 2023. URL: <https://media.market.us/medical-tourism-statistics/> (accessed on 16.02.2024).
2. Kochkurova E.A., Vasileva O.L., Noskova V.A., Kochkurov A.S. Regional problems of medical tourism and the export of medical services. *Chelovek. Sport. Meditsina = Human. Sport. Medicine*. 2023;23(S1):188-194. (In Russ.). DOI: 10.14529/hsm23s125
3. Aksenova E.I., Petrova G.D., Chernyshev E.V., Yudina N.N. Recreational potential of medical tourism of Russia. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny = Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*. 2020;28(S2):1180-1185. (In Russ.). DOI: 10.32687/0869-866X-2020-28-s2-1180-1185
4. Ananchenkova P.I. Some aspects of legislative support for the development of medical tourism in the Russian Federation. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny = Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*. 2022;30(S):956-960. (In Russ.). DOI: 10.32687/0869-866X-2022-30-s1-956-960
5. Russian Union of Tourist Industry: The share of medical tourists does not exceed 5% of the number of foreign visitors to the clinic. Interfax. Jun. 19, 2023. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/99090/> (accessed on 17.02.2024). (In Russ.).
6. Overall MTI ranking. Global Healthcare Resources & International Healthcare Resource Center. URL: https://assets.website-files.com/5d8aac42c851d2d6528d50d4/5f0df13e57906e9f895e3767_2020-2021%20Medical%20Tourism%20Index%20Overall%20Ranking.pdf (accessed on 14.03.2024).
7. Dvoryashina M., Tarasenko E. Inbound medical tourism in Russia: First results of export of medical services and development prospects. *Pskovskii regionologicheskii zhurnal = Pskov Journal of Regional Studies*. 2021;17(3):18-33. DOI: 10.37490/S221979310015230-6
8. Marketing research of Russian export of medical services. Central Research Institute for the Organization and Information of Health Care. URL: https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/053/035/original/Маркетинговое_исследование_российского_экспорта_медицинских_услуг.pdf?1606730049 (accessed on 14.03.2024). (In Russ.).
9. Alshamsi A.I. A review of the United Arab Emirates healthcare systems on medical tourism and accreditation. *Frontiers in Health Services*. 2024;4:1329252. DOI: 10.3389/frhs.2024.1329252
10. Wilson D. Countries with the best health care systems, 2024. *CeoWorld Magazine*. Apr. 02, 2024. URL: <https://ceoworld.biz/2023/08/25/revealed-countries-with-the-best-health-care-systems-2023/> (accessed on 14.03.2024).
11. Results of the year: Improvement of health care quality and construction of new medical institutions. Official information resource of the Prime Minister of the Republic of Kazakhstan. Dec. 20, 2023. URL: <https://primeminister.kz/ru/news/itogi-goda-povyshenie-kachestva-zdravookhraneniya-i-stroitelstvo-novykh-meduchrezhdeniy-26732> (accessed on 15.02.2024). (In Russ.).
12. In the ranking of countries in the world by level of expenditure on medicine, Kazakhstan is in 174th place out of 189. *Kazakhstan Pharmaceutical Herald*. May 11, 2023. URL: https://pharmnewskz.com/ru/news/v-reytinge-stran-mira-po-urovnyu-rashodov-na-medicinu-kazahstan-nahoditsya-na-174-meste-iz-189_21156 (accessed on 14.02.2024). (In Russ.).
13. Jung S. Current situation and tasks for public health and medical cooperation between South Korea and Central Asia: Focusing on Kazakhstan and Uzbekistan. *Journal of Eurasian Studies*. 2022;13(2):212-221. DOI: 10.1177/18793665221123596
14. Cho M.J., Haverkort E. Out-of-pocket health care expenditures in Uzbekistan: Progress and reform priorities. In: Rusangwa C., ed. *Rural health – investment, research and implications*. London: IntechOpen; 2023:1-22. DOI: 10.5772/intechopen.110022
15. Yessimzhanova S. Health capital in Kazakhstan and factors of its development. *Eurasian Journal of Economic and Business Studies*. 2022;66(4):43-54. DOI: 10.47703/ejeb.v4i66.93
16. Doskeyeva G.Zh., Rakhimbekova A.E., Zhamkeyeva M.K., Saudambekova I.D., Bekova R.Zh. Health care financing system in the Republic of Kazakhstan. *European Research Studies Journal*. 2018;21(2):282-288. DOI: 10.35808/ersj/1002
17. Panchenko D.V., Turgambaeva A.K., Khismetova Z.A. Kazakhstan model of healthcare financing through public health principle: Experience and prospects. *Nauka i zdravookhranenie = Science & Healthcare*. 2022;24(1):79-88. DOI: 10.34689/SH.2022.24.1.010
18. Bukatov Y., Gimranova G. Government measures to address out-of-pocket health expense in Kazakhstan. *Cogent Economics & Finance*. 2023;11(1):2164409. DOI: 10.1080/23322039.2022.2164409

19. Population, total. World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?view=chart> (accessed on 24.02.2024).
20. Bernd R., Sydykova A., Moldoisaeva S., et al. Primary care reforms in Central Asia – on the path to universal health coverage? *Health Policy OPEN*. 2023;5:100110. DOI: 10.1016/j.hpopen.2023.100110
21. Eriksen A., Litvinova Y., Rechel B. Health systems in action: Kazakhstan. Copenhagen: World Health Organization, European Region; 2022. 25 p. URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/362324/9789289059145-eng.pdf?sequence=1> (accessed on 24.02.2024).
22. Adambekov S., Kaiyrlykzy A., Igissinov N., Linkov F. Health challenges in Kazakhstan and Central Asia. *Journal of Epidemiology and Community Health*. 2016;70(1):104-108. DOI: 10.1136/jech-2015-206251
23. Gulis G., Aringazina A., Sangilbayeva Z., et al. Population health status of the Republic of Kazakhstan: Trends and implications for public health policy. *International journal of Environmental Research and Public Health*. 2021;18(22):12235. DOI: 10.3390/ijer-ph182212235
24. Turgambayeva A., Ibrayev S., Yeaskendirov O. Kazakhstan healthcare system within independence: Main stages and the perspectives of the development. *Journal of Health Development*. 2021;4(44):16-23. DOI: 10.32921/2225-9929-2021-4-44-4-23
25. Omir A., Satybaldin A., Ruzanov R., Khajiyeva G. Measuring healthcare efficiency in Kazakhstan: An application of data envelopment analysis. *Journal of Eastern European and Central Asian Research (JEECAR)*. 2024;11(1):1-15. DOI: 10.15549/jeecar.v11i1.1428
26. Turgambayeva A., Imanova Z., Tulegenova A. Rural healthcare in Kazakhstan: Problems and trends (literature review). *Journal of Health Development*. 2021;3(43):13-18. DOI: 10.32921/2225-9929-2021-3-43-13-18
27. The average salary of doctors in Uzbekistan exceeded \$170. Regnum. Jan. 27, 2021. URL: <https://regnum.ru/news/3174808> (accessed on 04.03.2024). (In Russ.).
28. The strategy “Population health-2030” will be adopted in Uzbekistan. Gazeta.uz. Sep. 07, 2023. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2023/09/07/healthy-lifestyle/> (accessed on 01.03.2024). (In Russ.).
29. Singh L. Medical tourism motivations: The driving force. *Journal of Multidisciplinary Academic Tourism*. 2019;4(2):77-86. DOI: 10.31822/jomat.621874
30. Petrova G.D., Chernyshev E.V., Diyachek E.S. Tools for the development of regional medical tourism programs: International experience. *Zdorov'e megapolisa = City Healthcare*. 2023;4(2):89-100. (In Russ.). DOI: 10.47619/2713-2617.zm.2023.v.4i2:89-100
31. Cancer patients in Tajikistan ask authorities for help. Cabar Asia. Jun. 27, 2023. URL: <https://cabar.asia/ru/bolnye-onkologiej-v-tadzhikistane-prosyat-vlasti-o-pomoshhi> (accessed on 03.03.2024). (In Russ.).
32. Quota for free medical treatment abroad: who is eligible and how to get it. Kazakhstan Pharmaceutical Herald. Nov. 14, 2023. URL: https://pharmnewskz.com/ru/news/kvota-na-besplatnoe-lechenie-za-rubezhom-komu-polagaetsya-i-kak-ee-poluchit_21991 (accessed on 02.03.2024). (In Russ.).
33. Kasymova A. More than 15 thousand Kazakhstanis go to Turkey for treatment every year. Kazinform. Oct. 24, 2023. URL: <https://www.inform.kz/ru/bole-15-tisyach-kazahstantsev-ezhedogno-uezzhayut-na-lechenie-v-turtsiyu-58e9d8> (accessed on 12.03.2024). (In Russ.).
34. Rotenko U. Kazakhstanis increasingly choose Uzbekistan for treatment. Press.kz. Dec. 16, 2023. URL: <https://press.kz/novosti/kazahstancy-vse-chashhe-vybirayut-dlya-lecheniya-uzbekistan> (accessed on 13.03.2024). (In Russ.).
35. The well-known international network of clinics Acibadem opened an official representative office in the Republic of Kazakhstan. Acibadem. URL: <https://acibadem.com.ru/news/new-office/> (accessed on 10.03.2024). (In Russ.).
36. Diagnostic center “Orhun Medical”. Idoctor. URL: <https://idoctor.kz/almaty/medcenter/328-diagnosticheskiy-tsentr-orhun-medical#:~:text=Клиника%20%22Orhun%20Medical%22%20%2D%20это,из%20пациентов%20на%20высочайшем%20уровне> (accessed on 10.03.2024). (In Russ.).
37. Turkish eye clinic “ASIA KOZ”. Asiakoz. URL: <https://asiakoz.kz/1/asia-koz-clinic> (accessed on 11.03.2024). (In Russ.).
38. Kamalova A. Medical tourism in the Kyrgyz Republic: Opportunities and prospective. In: International conference on Eurasian economies (Baku, September 2-4, 2020). Istanbul: Eurasian Economists Association; 2020:225-229. DOI: 10.36880/C12.02366
39. Karaev S. Citizens of Tajikistan have begun to travel to Uzbekistan for treatment more often. ASIA-plus. Feb. 17, 2023. URL: <https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20230217/grazhdane-tadzhikistana-chatshe-stali-ezdit-v-uzbekistan-dlya-lecheniya> (accessed on 01.03.2024). (In Russ.).

40. Dzhum"а M. Business, treatment, education: Why do Tajiks fly to Iran? ASIA-plus. Dec. 19, 2023. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20231219/biznes-lechenie-ucheba-zachem-tadzhiki-letayut-v-iran> (accessed on 02.03.2024). (In Russ.).

41. Tajikistan and Türkiye expand cooperation in healthcare. Moh.Tj. Dec. 05, 2022. URL: <https://old.moh.tj/ru/tadzhikistan-i-turtsiya-rasshiryayut-sotrudnichestvo-v-oblasti-zdra-voohraneniya/> (accessed on 02.03.2024). (In Russ.).

42. Uzbeks can again travel abroad for treatment. Gazeta.uz. Jul. 22, 2020. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2020/07/22/anadolu/> (accessed on 03.03.2024). (In Russ.).

43. Khujanazarov A.Z., Allamuratov Sh.A. Healthcare system in Uzbekistan: Problems and reforms. *Byulleten' nauki i praktiki = Bulletin of Science and Practice*. 2021;7(2): 405-410. (In Russ.). DOI: 10.33619/2414-2948/63/46

44. Kritskii D., Arzhaev F., Andryukhin V., Kotik A. Causes and consequences of systemic poverty in Central Asia: A view from 2022. Russian International Affairs Council (RIAC). Oct. 24, 2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/prichiny-i-sledstviya-sistemnoy-bednosti-v-tsentralnoy-azii-vzglyad-iz-2022/> (accessed on 14.03.2024). (In Russ.).

Сведения об авторе

Эдуард Валерьевич Опарин
кандидат экономических наук, генеральный директор
ООО «ММЦ ВТ»
188651, Ленинградская обл., м. р-н Всеволожский, с.п. Юкковское, тер. «Клиника Белоостров», зд. 1 корп. 1

Поступила в редакцию 30.09.2024
Прошла рецензирование 18.10.2024
Подписана в печать 05.11.2024

Information about the author

Eduard V. Oparin
PhD in Economics, general manager
LLC “MMC HT”
1-1, territory “Clinic Beloostrov”, Yukki urban settlement, Vsevolozhsk District, Leningrad Region, 188651, Russia

Received 30.09.2024
Revised 18.10.2024
Accepted 05.11.2024

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.
Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

УДК 332.14

<http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-10-1201-1212>

Формирование институтов развития креативных (творческих) индустрий регионов при цифровой трансформации хозяйственной деятельности

Александр Дмитриевич Евменов¹✉, Искандер Уралович Насибуллин^{1, 2}

^{1, 2} Институт проблем региональной экономики Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

¹ evmenov@gmail.com ✉, <https://orcid.org/0000-0002-1887-8589>

² iskander4231@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-4375-8620>

Аннотация

Цель. Выявить изменения институциональных элементов развития среды креативных (творческих) индустрий регионов, обусловленных цифровой трансформацией хозяйственной деятельности в современной экономике.

Задачи. Обосновать важность и своевременность институциональных изменений в креативных индустриях в результате обобщения зарубежного и отечественного опыта по решению проблемы влияния цифровых технологий на процесс внедрения инноваций креативных (творческих) индустрий при цифровой трансформации хозяйственной деятельности; раскрыть особенности формирования институтов развития креативных (творческих) индустрий регионов; определить различия между институциональными элементами развития среды формирования институтов развития креативных (творческих) индустрий на основе традиционных площадок общего назначения и единой цифровой платформы; сформулировать приоритетное направление их развития в условиях цифровой трансформации хозяйственной деятельности.

Методология. Теоретическую базу исследования составили общенаучные методы (анализ, синтез, систематизация), а также институциональный и сравнительный подходы.

Результаты. Сформулированы приоритетные направления развития институциональной среды креативных индустрий в условиях цифровой трансформации хозяйственной деятельности. В результате обобщения зарубежного и отечественного опыта по решению проблемы влияния цифровых технологий на процесс внедрения инноваций креативных (творческих) индустрий при цифровой трансформации хозяйственной деятельности подтверждена важность и своевременность институциональных изменений в креативных (творческих) индустриях. Определены особенности формирования институтов развития креативных (творческих) индустрий на примере регионов Северо-Западного федерального округа (СЗФО). Показана специфика различий между институциональными элементами развития среды креативных (творческих) индустрий на основе традиционных площадок общего назначения и единой цифровой платформы. Охарактеризовано приоритетное направление их развития в условиях цифровой трансформации хозяйственной деятельности: формирование институциональных элементов развития среды креативных (творческих) индустрий на базе единой цифровой платформы.

Выводы. Ввиду цифровой трансформации хозяйственной деятельности необходима единая цифровая платформа креативных (творческих) индустрий регионов, предлагающая инновационные технологические решения и возможности в онлайн-среде, обеспечивающая пространственное развитие инфраструктуры творческих (креативных) индустрий в регионах при создании условий для повышения результативности деятельности. Это позволит получать ряд преимуществ хозяйствующим субъектам регионов за счет обеспечения в режиме онлайн консультационной, правовой, экспертной поддержки относительно вопросов создания креативного продукта и управления предприятиями в сфере креативного сектора экономики.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровая платформа, региональная экономика, креативные (творческие) индустрии, институты развития

Для цитирования: Евменов А. Д., Насибуллин И. У. Формирование институтов развития креативных (творческих) индустрий регионов при цифровой трансформации хозяйственной деятельности // *Экономика и управление*. 2024. Т. 30. № 10. С. 1201–1212. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-10-1201-1212>

Благодарности: статья подготовлена в соответствии с государственным заданием Института проблем региональной экономики РАН по теме «Новые условия и факторы социально-экологического развития регионов России в условиях цифровой трансформации экономики и общества» FMGS-2024-0002 № 124012000100-7.

Establishing regional institutions for creative industry development amid transformation of economic activity

Alexander D. Evmenov¹✉, Iskander U. Nasibullin^{1, 2}

^{1, 2} *Institute for Problems of Regional Economics of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia*

² *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia*

¹ evmenov@gmail.com ✉, <https://orcid.org/0000-0002-1887-8589>

² iskander4231@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-4375-8620>

Abstract

Aim. The work aims to identify changes in institutional elements that foster the development of creative industries in regions, driven by the digital transformation of modern economic activity.

Objectives. The research substantiates the importance and timeliness of institutional changes in creative industries, drawing on both international and Russian experiences address how digital technologies impact innovation implementation in creative industries amid the digital transformation of economic activity. It seeks to reveal the characteristics of establishing institutions for creative industries development in regions, differentiate the institutional elements of establishing the environment for creative industries development based on traditional general-purpose platforms and a unified digital platform, and formulate the priority direction for their development amid the digital transformation of economic activity.

Methods. The theoretical basis of the study includes general scientific methods (analysis, synthesis, systematization) alongside institutional and comparative approaches.

Results. The research formulates the priority areas for developing the institutional environment of creative industries in the context of digital transformation of economic activity. Synthesizing the international and Russian experience in dealing the digital technologies' impact on implementing innovations in creative industries during the digital transformation of economic activity confirms the importance and timeliness of institutional changes in creative industries. Using the Northwestern Federal District (NWFD) regions as examples, the research determines the aspects of establishing institutions for creative industry development. The work highlights the distinctions between the institutional elements of developing the creative industries environment based on traditional general-purpose platforms and a unified digital platform. The priority direction of their development amid digital transformation of economic activity is characterized as the establishment of institutional elements for creative industries environment based on a unified digital platform.

Conclusions. In view of the digital transformation of economic activity, a unified digital platform of regional creative industries is essential, offering innovative technological solutions and opportunities in the online environment. The platform would ensure the spatial development for creative industries' infrastructure in the regions while enhancing operational performance. Regional economic entities will benefit from online consulting, legal and expert support regarding the generating creative products and managing enterprises in the creative economy sector.

Keywords: digital transformation, digital platform, regional economy, creative industries, development institutions

Acknowledgments: The article is part of the state assignment of the Institute for Regional Economic Studies of the Russian Academy of Sciences on the topic “New conditions and factors of social and ecological development of Russian regions in the context of digital transformation of the economy and society” FMGS-2024-0002 No. 124012000100-7.

Введение

Цифровая трансформация экономики может быть рассмотрена как движущая сила регионального развития, а формирование институтов развития креативных (творческих) индустрий регионов при цифровой трансформации хозяйственной деятельности становится, по нашему мнению, первостепенной задачей. В настоящее время необходимость формирования институтов развития признана и предприятиями промышленных отраслей, и организациями креативных (творческих) индустрий для поддержания конкурентоспособности. Поскольку цифровая экономика в значительной степени способствует развитию креативных индустрий, а инновации играют роль частичного посредника между цифровой экономикой и развитием креативных индустрий, то цифровая экономика может способствовать развитию креативных индустрий за счет повышения эффективности региональных инноваций при благоприятных условиях формирования инновационной среды креативных (творческих) индустрий регионов.

Значимыми документами, определяющими развитие креативных (творческих) индустрий регионов, являются [1; 2] Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» [1], распоряжение Правительства Российской Федерации (РФ) от 20 сентября 2021 г. № 2613-р «О Концепции развития креативных (творческих) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки до 2030 года» [2]. По-прежнему остаются не до конца изученными институциональные элементы развития среды креативных (творческих) индустрий регионов, обусловленных цифровой трансформацией хозяйственной деятельности в современной экономике [3]. Не систематизированы типы институтов развития, не показана важность решения

институциональных вопросов и вопросов координации. Все вышеизложенное определило цель настоящего исследования.

Освещение проблем влияния цифровых технологий на процесс внедрения инноваций креативных (творческих) индустрий при цифровой трансформации хозяйственной деятельности, рассмотрение важности институциональных изменений в креативных индустриях в зарубежной литературе представлено в ряде исследований [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12]. Так, в работе Ли Фэна [4] описано влияние цифровых технологий на процесс внедрения инноваций в бизнес-моделях в креативных индустриях. Благодаря цифровым технологиям, в креативных индустриях могут быть использованы разные бизнес-модели для обслуживания различных сегментов рынка. По мнению Ли Фэна, цифровые технологии способствуют внедрению нескольких бизнес-моделей в рамках портфеля компании, для обслуживания различных сегментов рынка, продажи различных продуктов, взаимодействия на рынках. Они могут служить когнитивным инструментом для понимания бизнес-моделей, стать инструментом планирования инноваций в креативных индустриях. Портфельный подход позволяет повысить финансовую устойчивость компании, снижает ее зависимость от одного источника дохода, уменьшая риски, если традиционный рынок креативных индустрий стагнирует, а характер бизнеса изменяется.

Чжао Сяоди, Шэнь Лэй и Цзян Чжэнъюнь исследовали то, каким образом цифровая экономика влияет на развитие креативных индустрий в Китайской Народной Республике (КНР) и влияет ли эффективность инноваций на эту взаимосвязь. Они пришли к выводу о том, что цифровая экономика в значительной степени способствует развитию креативных индустрий, а эффективность инноваций играет роль частичного посредника между цифровой экономикой и развитием креативных индустрий [5].

В работе Е. Мартинайте и Р. Крегздайте, посвященной изучению факторов развития креативных индустрий Литовской Республики в условиях цифровой трансформации экономики и общества, особое внимание уделено индексу креативности и уровню частных расходов на культуру [6]. В результате факторного анализа, проведенного исследователями, наиболее весомыми факторами, имеющими наиболее высокий коэффициент корреляции в контексте важности данного сектора для экономики в целом, являются частные расходы на культуру и индекс креативности. К факторам со средним влиянием относятся государственные расходы на культуру, количество патентов, уровень занятости в сфере научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) и индекс толерантности; к факторам с низким весом — занятость в креативных индустриях, экспорт продукции сектора креативных индустрий, государственные расходы на НИОКР и доля населения с высоким уровнем образования.

Й. Свенссон, К. Томсон, Е. Риндзевичайте в работе, посвященной институциональному развитию креативных индустрий, даны рекомендации о необходимости проведения институциональных преобразований культурной политики Литовской Республики [7]. А. Хайме, М. Моника [8] указывают на важность и своевременность институциональных изменений в креативных индустриях Республики Колумбия. К. Моргнер, Т. Петерс [9], которые провели анализ культурных и креативных индустрий Сантьяго-де-Чили за последние три десятилетия, установили, что западные практики развития креативных индустрий практически неприменимы, необходим новый подход через институционализацию с учетом специфики политического и культурного развития стран Латинской Америки.

И. З. Фахми, Е. Крисмиянингсх, С. А. Х. Сагала, С. Рустиади [10] в работе о механизмах устойчивости развития креативных индустрий в Индонезии пишут, что креативные индустрии, основанные на искусстве и культуре, обладают возможностями, которые не зависят от стихийных бедствий, а также способностью удерживать свои сегменты рынка в сложных экономических условиях. Тем не менее особенно значимым становится формирование институтов развития, позволяющих находить новые знания и выявлять новые

возможности в секторах, основанных на цифровых технологиях, для развития бизнеса креативных индустрий таким образом, чтобы он мог противостоять любым новым вызовам [10].

А. Йозеф, А. Самар, Е. Могайи, Е. Аmani, К. Д. Йогеш [11] исследовали влияние последствий внедрения искусственного интеллекта на развитие креативных индустрий и сделали вывод о том, что успешное внедрение искусственного интеллекта в сфере креативных индустрий заключается в нахождении баланса между сохранением интеллектуальной деятельности человека и получением выгод от технологических инноваций. В отличие от остальных видов экономической деятельности, у которых искусственный интеллект используется для автоматизации рутинных операций, в сфере креативных индустрий необходимо применять технологии искусственного интеллекта в качестве инструмента для совместной работы, чтобы открыть новые возможности для творчества, оптимизировать рабочие процессы и ускорить творческий процесс с сохранением вклада интеллектуальной деятельности человека [11].

М. Блащик, Д. Крысински изучили значение статуса культурной столицы Европы (г. Вроцлав, 2016) на развитие ее креативных индустрий [12]. Результаты исследования показали, что большинство респондентов, участвовавших в нем, считали, что статус культурной столицы Европы положительно повлиял на развитие креативных индустрий города, возрос спрос на товары и услуги культурного назначения при увеличении расходов на культуру и создание комфортной городской среды, создав новые возможности для индустрии развлечений.

Отечественными авторами тоже уделено большое внимание проблемам формирования институтов развития креативных индустрий в условиях цифровой трансформации [13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23]. Так, решение проблемы концептуализации управления креативным сектором в промышленных городах, способствующее их оживлению и превращению в зоны роста за счет формирования креативных кластеров в старых промышленных городах второго эшелона Урала и Сибири, предложено И. Тургель, В. Дербеновой, И. Баскаковой, И. С. Антоновой с учетом перспектив их креативной реиндустриализации. Авторами обоснована первостепенная важность реше-

ния институциональных вопросов и вопросов координации [13; 14]. Утверждается, что «ключевыми инструментами эффективной реализации политики являются преобразование городских пространств, создание креативных кластеров, предоставление грантов для поддержки малого бизнеса и стимулирование экспортной деятельности» [13, р. 367].

А. О. Кореньков, рассматривая инфраструктурные факторы развития креативных индустрий [15], обращает внимание на необходимость создания отдельного института «в форме Межминистерского руководящего комитета по креативной экономике, играющего ключевую роль в формировании государственной политики и вовлекающий государственных чиновников от всех соответствующих министерств» для выстраивания «диалога с ключевыми профессиональными ассоциациями и учреждениями креативного сектора» [15, с. 185].

Развитию креативных индустрий в регионах РФ и раскрытию их инвестиционно-инновационного потенциала посвящены работы И. А. Крюкова, Н. В. Сопиной, О. С. Москвиной, И. В. Неспановой, А. С. Трухановой, Т. В. Абанкиной, К. Г. Григоряна, Н. А. Кавериной, А. И. Гретченко, А. А. Гретченко и ряда других исследователей [16; 17; 18; 19; 20; 21; 22]. Цифровая трансформация формирует технологические предпосылки для изменения механизмов институционального развития таким способом, как цифровые экосистемы, ядром которых служат цифровые платформы [23].

Для развития креативного (творческого) предпринимательства в рамках Концепции развития креативных (творческих) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки до 2030 г. [1] в регионах РФ необходимы не только транспортная, энергетическая, социальная, цифровая инфраструктура, специализированная (профессиональная) инфраструктура, но и институты развития, которые остаются малоисследованными [4]. Несмотря на принятие Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации», остаются нерешенными вопросы, связанные с анализом и систематизацией условий и факторов формирования институтов развития креативных (творческих) индустрий регионов при цифровой трансформации хозяйственной деятельности.

Методология

Исследование базируется на использовании следующих допущений [16]: формирование институтов развития креативных (творческих) индустрий регионов при цифровой трансформации хозяйственной деятельности невозможно без выстраивания цифровой инфраструктуры креативных (творческих) индустрий с использованием «цифровых платформ, образующих технологическое ядро цифровых экосистем, представляющие собой онлайн-среду инфраструктурного типа» [23, с. 1053]; необходимо создание единой цифровой платформы развития креативных (творческих) индустрий [16] для аккумуляции и всесторонней поддержки инновационных технологических решений от этапа создания до внедрения и защиты в режиме единого окна в онлайн-среде [3; 16].

Результаты и их обсуждение

Согласно Концепции развития креативных (творческих) индустрий, к институтам развития креативных индустрий относят организации, которые поддерживают и продвигают креативный бизнес в регионе, включая федеральные структуры [1; 24]. Анализ распределения по федеральным округам институтов развития, предоставляющих различные виды поддержки организациям креативных (творческих) индустрий, по данным на октябрь 2024 г., как видно на рисунке 1, показал их высокую концентрацию в Центральном федеральном округе (26 %) в сравнении с остальными федеральными округами, а также присутствие организаций федерального значения (48 %), готовых оказывать поддержку всем организациям креативных (творческих) индустрий в любом из регионов РФ.

К федеральным организациям, оказывающим комплексную поддержку, относятся 22 организации (по состоянию на октябрь 2024 г.) [24]:

- ДОМ.рф (информационная поддержка, финансирование) — разработка и внедрение новых федеральных стандартов жилья, партнер программы «Архитекторы.рф»;
- Центр стратегических разработок (консалтинг, экспертиза) — исследования в области городской экономики, цифровой трансформации и «зеленой» энергетики;
- Фонд «Росконгресс» (нетворкинг, информационная поддержка, образование,

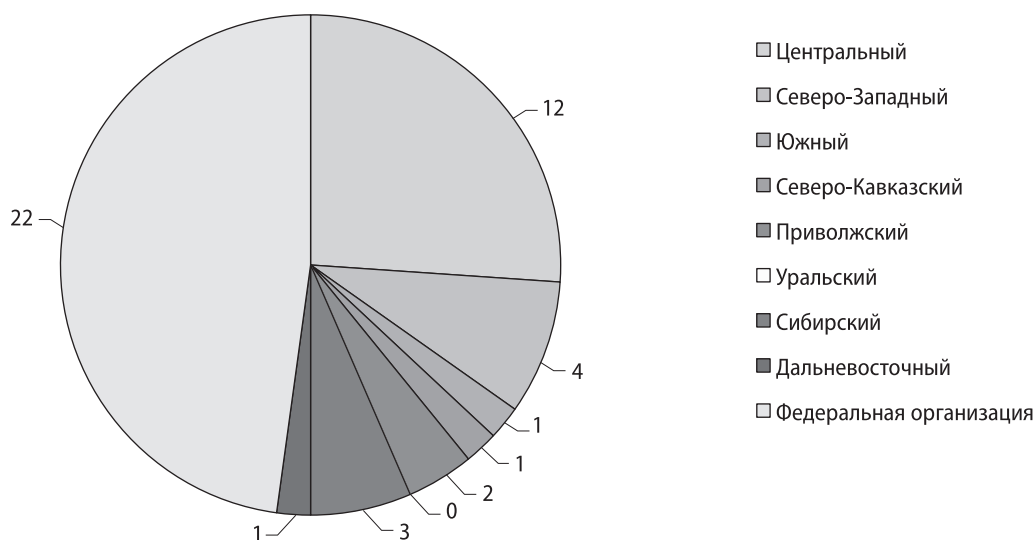

Рис. 1. Количество институтов развития в РФ (октябрь 2024 г.), ед.
Fig. 1. Number of development institutions in Russia (October 2024), units

Источник: составлено авторами на основе данных каталога инфраструктурных организаций и проектов в сфере креативных индустрий России [24].

экспертиза) — организация общероссийских, международных, конгрессных, выставочных, деловых, общественных, молодежных, спортивных мероприятий и событий в области культуры;

– Институт кино и телевидения (образование) — обучение основам кинематографии и смежных сфер деятельности;

– Агентство стратегических инициатив (нетворкинг, лоббирование, консалтинг, экспертиза) — консультация лидеров в креативной среде над масштабными инициативами, которые объединяют усилия общества, бизнеса и государства;

– ВЭБ.РФ (нетворкинг, лоббирование, финансирование, экспертиза) — финансирование развивающих городскую экономику проектов, развитие транспортной инфраструктуры и промышленных технологий;

– Фонд MaxArt (нетворкинг, финансирование, консалтинг) — участие в организации арт-резиденций и грантовая поддержка российских художников, организация групповых site-specific выставок с участием художников разных поколений, работающих с различными жанрами и медиа;

– Фонд Николая Расторгуева (финансирование) — поддержка социальных инициатив и благотворительных проектов, в том числе в области культуры и искусства;

– Фонд кино (финансирование) — поддержка отечественной кинематографии, обеспечение условий для создания каче-

ственных фильмов, популяризация отечественных фильмов внутри страны и за рубежом;

– Фонд «Кинопрайм» (информационная поддержка, консалтинг, лоббирование, финансирование) — поддержка современной кинематографии, в частности каждый проект может претендовать на сумму поддержки до 50 % производственного бюджета, но не более 100 млн руб.;

– Фонд актеров (финансирование, лоббирование) — оказание материальной помощи ветеранам сцены и кино, поддержка инициатив молодых актеров, драматургов, режиссеров, организация гуманитарных и культурных акций, реализация благотворительных программ;

– Художественный фонд (финансирование, лоббирование, информационная поддержка, образование) — сохранение, развитие и приумножение всех существующих форм изобразительного искусства;

– проект «Музей без границ» (информационная поддержка, образование, финансирование, лоббирование) — поддержка специалистов и организаций в организации музейной деятельности в регионах;

– Cosmocosmos foundation (финансирование, лоббирование, информационная поддержка, образование) — поддержка продвижения проектов современного искусства молодых художников, развитие института меценатства в России;

– Национальный фонд поддержки правообладателей (инфраструктура, лоббирование) — правовая поддержка и сопровождение портфеля проектов организаций в сфере культуры и искусства;

– Российская ассоциация по связям с общественностью (инфраструктура, экспертиза, лоббирование, консалтинг) — поддержка PR-специалистов для решения вопросов общепромышленного значения, развития и укрепления связей с регионами;

– Институт музыкальных инициатив (нетворкинг, инфраструктура, информационная поддержка, лоббирование, консалтинг) — поддержка развития специализированной инфраструктуры, включая медиа, онлайн-сервисы;

– Профессиональный Союз программистов России (экспертиза, лоббирование, консалтинг, нетворкинг, информационная поддержка) занимается разработкой, консультированием, инжинирингом, консалтингом в сфере IT;

– Ассоциация участников рынка арт-индустрии (экспертиза, лоббирование, консалтинг, образование, информационная поддержка) работает в интересах тех, кто связан с развитием образования в области науки и искусства;

– Конструкториум (экспертиза, лоббирование, консалтинг, образование, информационная поддержка, финансирование) — поддержка, финансирование и обучение молодых предпринимателей, в том числе в сфере креативных (творческих) индустрий;

– ТеДо (экспертиза, консалтинг) — поддержка исследований в сфере креативных (творческих) индустрий;

– Intermedia (экспертиза, консалтинг, информационная поддержка) — популяризация и продвижение проектов (музыкальных, кино и сериалов, театральных, модных показов).

Аналогично федеральным организациям институты развития в СЗФО также оказывают все виды поддержки. Но их пока насчитывается четыре, как видно на рисунке 2: Центр развития и поддержки предпринимательства (г. Санкт-Петербург), АНО «Центр развития современной культуры и медиа» (г. Мурманск), фонд креативных индустрий «Креспектива» (г. Калининград), Новгородский фонд развития креативной экономики (г. Великий Новгород). К сожалению, нет своих институтов развития в Республике Карелия и Республике Коми, Архангельской,

Вологодской, Ленинградской и Псковской областях, Ненецком автономном округе.

Каждый регион в составе СЗФО имеет уникальную природу, ландшафт, памятники архитектуры, культурные традиции, свою идентичность, которые нуждаются в сохранении как культурное наследие. Это становится возможным через развитие креативных (творческих) индустрий. Отсутствие институтов развития в ряде регионов СЗФО отчасти может быть объяснено отсутствием региональных концепций развития креативных (творческих) индустрий (Архангельская, Вологодская, Ленинградская и Псковская области, Республика Коми, Ненецкий автономный округ) и отсутствием региональной компоненты развития креативных (творческих) индустрий в Стратегии социально-экономического развития (ССЭР) [16]. В регионах, в которых представлен институт развития, как правило, существуют либо собственная концепция развития креативных (творческих) индустрий (Мурманская область), либо соответствующий раздел в ССЭР (Санкт-Петербург, Новгородская область). Остальные субъекты СЗФО (22 ед., 85 %) охвачены участием в государственных программах (Архангельская, Вологодская и Псковская области, Республика Коми, Ненецкий автономный округ).

Более подробный анализ изменений в структуре поддержки по типам, видам и территориальной принадлежности институтов развития приведен в коллективной монографии [16]. Особенности формирования институтов развития креативных (творческих) индустрий регионов (на примере СЗФО) с использованием единой цифровой платформы представлены на рисунке 3.

Основные направления изменений институциональных элементов развития среды креативных (творческих) индустрий в условиях цифровой трансформации связаны не только с распространением цифровых технологий, но и с необходимостью ее преобразования. Для выявления направлений изменений институциональных элементов развития среды креативных (творческих) индустрий проведен их сравнительный анализ, отраженный на рисунке 3. Данный анализ показал различия между единой цифровой платформой креативных (творческих) индустрий с доступом через сеть Интернет и традиционными площадками специального назначения с территориальной привязкой к специализированной инфраструктуре.

Рис. 2. Количество институтов развития в СЗФО (октябрь 2024 г.), ед.

Fig. 2. Number of development institutions in the Northwestern Federal District (October 2024), units

Источник: составлено авторами на основе данных каталога инфраструктурных организаций и проектов в сфере креативных индустрий России [24].

Как видно на рисунке 3, цифровая трансформация порождает формирование институтов развития креативных (творческих) индустрий регионов с изменением институциональных элементов развития: дополнение традиционных площадок специального назначения с территориальной привязкой к специализированной инфраструктуре виртуальным; переход от инструментов информационной, финансовой, правовой, экспертной, образовательной поддержки из офлайн- в онлайн-среду, через цифровую платформу, без физического присутствия; установление единых правил и условий единой цифровой платформой, что повысит прозрачность, надежность транзакций между субъектами хозяйственной деятельности в сфере креативных (творческих) индустрий.

Выводы

В условиях цифровой трансформации хозяйственной деятельности единая цифровая

платформа креативных (творческих) индустрий регионов, предлагая инновационные технологические решения, возможности пространственного развития инфраструктуры творческих (креативных) индустрий в регионах и создавая условия для повышения результативности деятельности, позволит получать конкурентные преимущества хозяйствующим субъектам регионов за счет обеспечения онлайн консультационной, правовой, экспертной поддержки по вопросам создания креативного продукта и управления предприятиями в сфере креативного сектора экономики.

В статье показана специфика формирования институтов развития с учетом возможности их влияния на развитие креативных (творческих) индустрий в регионах при помощи институциональных элементов развития среды. Использование институциональных элементов развития среды креативных (творческих) индустрий на основе единой цифровой платформы является

Рис. 3. Различия между институциональными элементами развития среды креативных (творческих) индустрий на основе традиционных площадок общего назначения и единой цифровой платформы
 Fig. 3. Differences between institutional elements of the creative industries environment based on traditional general-purpose platforms and a unified digital platform

Источник: составлено авторами на основе [3; 16; 23].

приоритетным направлением их продвижения, внедрения в условиях цифровой трансформации хозяйственной деятельности. Это позволит достичь роста выпуска конкурентоспособной высокотехнологичной продукции с высокой добавленной стоимостью.

Список источников

1. О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации: федер. закон от 8 августа 2024 г. № 330-ФЗ // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409395175/?ysclid=m2u69hnd36456923900> (дата обращения: 20.08.2024).
2. О Концепции развития креативных (творческих) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки до 2030 года (с изм. на 26 января 2024 г.): распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2021 г. № 2613-р // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/608746222> (дата обращения: 20.08.2024).

3. Евменов А. Д., Еникеева Л. А., Сорвина Т. А. Формирование инфраструктуры, обеспечивающей развитие и устойчивый экономический рост креативных (творческих) индустрий Санкт-Петербурга в рамках создания единого культурного пространства Северо-Запада // Креативная экономика. 2023. Т. 17. № 8. С. 2859–2872. DOI: 10.18334/ce.17.8.118663
4. Li F. The digital transformation of business models in the creative industries: A holistic framework and emerging trends // Technovation. 2020. Vol. 92-93. Article 102012. DOI: 10.1016/j.technovation.2017.12.004
5. Zhao X., Shen L., Jiang Z. The impact of the digital economy on creative industries development: Empirical evidence based on the China // PLoS One. 2024. Vol. 19. No. 3. Article e0299232. DOI: 10.1371/journal.pone.0299232
6. Martinaitytė E., Kregždaitė R. The factors of creative industries development in nowadays stage // Economics & Sociology. 2015. Vol. 8. No. 1. P. 55–70. DOI: 10.14254/2071-789X.2015/8-1/5
7. Svensson J., Tomson K., Rindzeviciute E. Policy change as institutional work: Introducing cultural and creative industries into cultural policy // Qualitative Research in Organizations and Management. 2017. Vol. 12. No. 2. P. 149–168. DOI: 10.1108/QROM-05-2016-1380
8. Ruiz-Gutiérrez J. A., Muñoz-Vela M. Institutional change and the creative industries: The Colombian case // Creative industries and entrepreneurship / eds. L. Lazzeretti, M. Vecco. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2018. P. 283–301. DOI: 10.4337/9781786435927.00022
9. Morgner C., Peters T. Creative industries in transition: A study of Santiago de Chile's autopoietic cultural transformation // Poetics. 2024. Vol. 104. Article 101891. DOI: 10.1016/j.poetic.2024.101891
10. Fahmi F. Z., Krismiyaningsih E., Sagala S. A. H., Rustiadi S. Creative industries and disaster resilience: A focus on arts- and culture-based industries in Indonesia // International Journal of Disaster Risk Reduction. 2023. Vol. 99. Article 104136. DOI: 10.1016/j.ijdrr.2023.104136
11. Amankwah-Amoah J., Abdalla S., Mogaji E., Elbanna A., Dwivedi Y. K. The impending disruption of creative industries by generative AI: Opportunities, challenges, and research agenda // International Journal of Information Management. 2024. Vol. 79. Article 102759. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2024.102759
12. Błaszczuk M., Krysiński D. European capital of culture and creative industries: Real impact or unproven belief? The case of Wrocław // City, Culture and Society. 2023. Vol. 35. Article 100552. DOI: 10.1016/j.ccs.2023.100552
13. Тургель И. Д., Дербенева В. В., Баскакова И. В. Концептуальный подход к управлению развитием креативных индустрий в промышленных городах второго эшелона // R-Economy. 2023. Vol. 9. No. 4. P. 366–383. (На англ.). DOI: 10.15826/recon.2023.9.4.023
14. Тургель И. Д., Антонова И. С. Креативная реиндустриализация городов «второго эшелона» в условиях цифровой трансформации: исследование инструментами SciVal // Экономика региона. 2023. Т. 19. № 3. С. 629–650. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-3-3
15. Кореньков А. О. Инфраструктурные факторы развития креативных индустрий // Инновации и инвестиции. 2022. № 3. С. 182–186.
16. Формирование инфраструктуры креативных (творческих) индустрий регионов: перспективные направления развития в условиях цифровизации: монография / А. Д. Евменов, Л. А. Еникеева, Т. А. Сорвина [и др.]. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2024. 160 с.
17. Крюков И. А. Развитие креативных индустрий в регионах Северо-Западного федерального округа // Креативная экономика. 2023. Т. 17. № 12. С. 4709–4728. DOI: 10.18334/ce.17.12.119800
18. Сопина Н. В. Развитие креативных индустрий в регионах России: возможности и их реализация // Креативная экономика. 2021. Т. 15. № 2. С. 277–294. DOI: 10.18334/ce.15.2.111549
19. Абанкина Т. В. Креативная экономика в России: новые тренды // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 2. С. 221–228. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-54-2-13
20. Москвина О. С., Неспанова И. В., Труханова А. С. Исследование инвестиционно-инновационного потенциала регионов Северо-Западного федерального округа // Креативная экономика. 2022. Т. 16. № 3. С. 1101–1116. DOI: 10.18334/ce.16.3.114430
21. Григорян К. Г. Креативные индустрии как новый сектор экономики в XXI веке // E-Scio: электрон. журнал. 2020. № 6. С. 653–660. URL: <https://e-scio.ru/wp-content/uploads/2020/06/%D0%93%D1%80%D0%B8%D0%B3%D0%BE%D1%80%D1%8F%D0%BD-%D0%9A.-%D0%93.pdf> (дата обращения: 20.09.2024).
22. Каверина Н. А., Гретченко А. И., Гретченко А. А. Современное развитие креативных индустрий в России (опыт столицы и регионов) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2019. № 1. С. 58–64.

23. Василенко Н. В. Институциональные механизмы обмена в условиях цифровой трансформации экономики // Экономика и управление. 2023. Т. 29. № 9. С. 1051–1062. DOI: 10.35854/1998-1627-2023-9-1051-1062
24. Карта креативных индустрий России. Каталог инфраструктурных организаций и проектов в сфере креативных индустрий России // Creative Russia Map. URL: <https://map.creative-russia.ru/> (дата обращения: 20.09.2024).

References

1. On the development of creative industries in the Russian Federation. Federal law of August 8, 2024 No. 330-FZ. Garant.ru. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409395175/?ysclid=m2u69hnd36456923900> (accessed on 20.08.2024). (In Russ.).
2. On the Concept for the development of creative industries and mechanisms for the implementation of their state support until 2030 (as amended on January 26, 2024). Order of the Government of the Russian Federation of September 20, 2021 No. 2613-r. Electronic Fund of Legal and Regulatory-Technical Documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/608746222> (accessed on 20.08.2024). (In Russ.).
3. Evmenov A.D., Enikeeva L.A., Sorvina T.A. Infrastructure to ensure the development and sustainable economic growth of the creative industries of St. Petersburg within the framework of a unified Northwest cultural space. *Kreativnaya ekonomika = Journal of Creative Economy*. 2023;17(8):2859-2872. (In Russ.). DOI: 10.18334/ce.17.8.118663
4. Li F. The digital transformation of business models in the creative industries: A holistic framework and emerging trends. *Technovation*. 2020;92-93:102012. DOI: 10.1016/j.technovation.2017.12.004
5. Zhao X., Shen L., Jiang Z. The impact of the digital economy on creative industries development: Empirical evidence based on the China. *PLoS One*. 2024;19(3):e0299232. DOI: 10.1371/journal.pone.0299232
6. Martinaitytė E., Kregždaitė R. The factors of creative industries development in nowadays stage. *Economics & Sociology*. 2015;8(1):55-70. DOI: 10.14254/2071-789X.2015/8-1/5
7. Svensson J., Tomson K., Rindzeviciute E. Policy change as institutional work: Introducing cultural and creative industries into cultural policy. *Qualitative Research in Organizations and Management*. 2017;12(2):149-168. DOI: 10.1108/QROM-05-2016-1380
8. Ruiz-Gutiérrez J.A., Muñoz-Vela M. Institutional change and the creative industries: The Colombian case. In: Lazzeretti L., Vecco M., eds. *Creative industries and entrepreneurship*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing; 2018:283-301. DOI: 10.4337/9781786435927.00022
9. Morgner C., Peters T. Creative industries in transition: A study of Santiago de Chile's autopoietic cultural transformation. *Poetics*. 2024;104:101891. DOI: 10.1016/j.poetic.2024.101891
10. Fahmi F.Z., Krismiyaningsih E., Sagala S.A.H., Rustiadi S. Creative industries and disaster resilience: A focus on arts- and culture-based industries in Indonesia. *International Journal of Disaster Risk Reduction*. 2023;99:104136. DOI: 10.1016/j.ijdrr.2023.104136
11. Amankwah-Amoah J., Abdalla S., Mogaji E., Elbanna A., Dwivedi Y.K. The impending disruption of creative industries by generative AI: Opportunities, challenges, and research agenda. *International Journal of Information Management*. 2024;79:102759. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2024.102759
12. Błaszczak M., Krysiński D. European capital of culture and creative industries: Real impact or unproven belief? The case of Wrocław. *City, Culture and Society*. 2023;35:100552. DOI: 10.1016/j.ccs.2023.100552
13. Turgel I., Derbeneva V., Baskakova I. Conceptual approach to managing the development of creative industries in second-tier industrial cities. *R-Economy*. 2023;9(4):366-383. DOI: 10.15826/recon.2023.9.4.023
14. Turgel I.D., Antonova I.S. Creative reindustrialisation of the second-tier cities in the digital transformation era: A study using SciVal tools. *Ekonomika regiona = Economy of Regions*. 2023;19(3):629-650. (In Russ.). DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-3-3
15. Korenkov A.O. Infrastructural factors for the development of creative industries. *Innovatsii i investitsii = Innovation & Investment*. 2022;(3):182-186. (In Russ.).
16. Evmenov A.D., Enikeeva L.A., Sorvina T.A., et al. Formation of the infrastructure of creative industries of the regions: Promising directions of development in the context of digitalization. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics; 2024. 160 p. (In Russ.).
17. Kryukov I.A. Development of creative industries in the regions of the North-Western Federal District. *Kreativnaya ekonomika = Journal of Creative Economy*. 2023;17(12):4709-4728. (In Russ.). DOI: 10.18334/ce.17.12.119800

18. Sopina N.V. Development of creative industries in the regions of Russia: Opportunities and their implementation. *Kreativnaya ekonomika = Journal of Creative Economy*. 2021;15(2):277-294. (In Russ.). DOI: 10.18334/ce.15.2.111549
19. Abankina T.V. Creative economy in Russia: New trends. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii = Journal of the New Economic Association*. 2022;(2):221-228. (In Russ.). DOI: 10.31737/2221-2264-2022-54-2-13
20. Moskvina O.S., Nespanova I.V., Trukhanova A.S. Research of investment and innovation potential of the North-Western Federal District regions. *Kreativnaya ekonomika = Journal of Creative Economy*. 2022;16(3):1101-1116. (In Russ.). DOI: 10.18334/ce.16.3.114430
21. Grigoryan K.G. Creative industries as a new sector of the economy in the 21st century. *E-Scio*. 2020;(6):653-660. URL: <https://e-scio.ru/wp-content/uploads/2020/06/%D0%93%D1%80%D0%B8%D0%B3%D0%BE%D1%80%D1%8F%D0%BD-%D0%9A.-%D0%93.pdf> (accessed on 20.09.2024). (In Russ.).
22. Kaverina N.A., Gretchenko A.I., Gretchenko A.A. Current development of creative industries in Russia (metropolitan and regional experience). *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta = Vestnik of Saratov State Socio-Economic University*. 2019;(1):58-64. (In Russ.).
23. Vasilenko N.V. Institutional mechanisms of exchange in the conditions of digital transformation of the economy. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2023;29(9):1051-1062. (In Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2023-9-1051-1062
24. Catalog of infrastructure organizations and projects in the sphere of creative industries of Russia. Creative Russia Map. URL: <https://map.creative-russia.ru/> (accessed on 20.09.2024). (In Russ.).

Сведения об авторах

Александр Дмитриевич Евменов

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Лаборатории
комплексного исследования социального
и эколого-экономического развития регионов

Институт проблем региональной экономики
Российской академии наук

190013, Санкт-Петербург, Серпуховская ул.,
д. 38

Искандер Уралович Насибуллин

главный специалист Лаборатории
комплексного исследования социального
и эколого-экономического развития регионов¹,
аспирант Высшей школы бизнес-инжиниринга²

¹ Институт проблем региональной экономики
Российской академии наук

190013, Санкт-Петербург, Серпуховская ул.,
д. 38

² Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого

195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул.,
д. 29

Поступила в редакцию 26.09.2024
Прошла рецензирование 21.10.2024
Подписана в печать 05.11.2024

Information about the authors

Alexander D. Evmenov

D.Sc. in Economics, Professor, Chief Researcher
of the Laboratory for Integrated Research
of Social and Ecological-Economic Development
of Regions

Institute for Regional Economic Studies
of the Russian Academy of Sciences

38 Serpukhovskaya st., St. Petersburg 190013,
Russia

Iskander U. Nasibullin

chief specialist of the Laboratory for Comprehensive
Research of Social, Ecological and Economic
Development of Regions¹, postgraduate student
of the Higher School of Business Engineering²

¹ Institute for Regional Economic Studies
of the Russian Academy of Sciences

38 Serpukhovskaya st., St. Petersburg 190013,
Russia

² Peter the Great St. Petersburg Polytechnic
University

29 Politekhnikeskaya st., St. Petersburg 195251,
Russia

Received 26.09.2024
Revised 21.10.2024
Accepted 05.11.2024

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов,
связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest
related to the publication of this article.

Экономическая устойчивость региона: понятие, структура и факторы, ее определяющие

Эльдар Русланович Мисхожев¹, Владимир Николаевич Сомотуга²✉

^{1, 2} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия

² Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия

¹ Eldar0780@mail.ru

² Somotuga_serduk@mail.ru✉

Аннотация

Цель. Изучить проблемы региона в контексте его экономического развития с учетом современных реалий нестабильной рыночной среды и беспрецедентного санкционного давления со стороны западных стран, а также предложить структурную модель экономической устойчивости региона как основы при разработке эффективного инструментария регионального экономического управления.

Задачи. Проанализировать современную теорию и практику регионального управления; рассмотреть мнения авторов относительно обеспечения экономически устойчивого функционирования и развития региона с позиции системного подхода; сформулировать авторское определение термина «экономическая устойчивость региона».

Методология. В ходе исследования использованы аналитические методы, а также регион рассмотрен с позиции системного подхода.

Результаты. Изучены и обобщены результаты исследований отечественных ученых в области управления экономической устойчивостью региона. Дана авторская интерпретация понятия «экономическая устойчивость региона». Предложена ее структурная модель, с выделением внешнего и внутреннего контуров устойчивости, определены факторы, оказывающие на нее влияние. Данная модель позволяет создать группу социально-экономических показателей, комплексно отражающих особенности экономической устойчивости и классифицированных в соответствии с факторами, влияющими на нее, а также сформировать единый показатель экономической устойчивости региона.

Выводы. Авторами сделан вывод о необходимости достижения «динамического равновесия» между внутренней и внешней средой в контурах экономической устойчивости региона, по параметрам, обеспечивающим его эффективное функционирование и развитие в долгосрочной перспективе. Решение этой задачи станет возможным только на базе формирования новой концепции регионального управления, в основе которой должна находиться методология управления экономической устойчивостью региона.

Ключевые слова: региональное управление, экономическая устойчивость, факторы, система, санкции, функционирование, развитие, внутренняя устойчивость, внешняя устойчивость, обобщающий показатель

Для цитирования: Мисхожев Э. Р., Сомотуга В. Н. Экономическая устойчивость региона: понятие, структура и факторы, ее определяющие // *Экономика и управление*. 2024. Т. 30. № 10. С. 1213–1222. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-10-1213-1222>

Regional economic sustainability: Concept, structure and determining factors

Eldar R. Miskhozhev¹, Vladimir N. Samotuga²✉

^{1, 2} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia

² North-Western Institute of Management — branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹ Eldar0780@mail.ru

² Samotuga_serduk@mail.ru✉

Abstract

Aim. This study aims to examine regional economic development challenges in the context of an unstable market environment and unprecedented sanctions pressure from Western countries. It proposes a structural model of regional economic sustainability as a foundation for developing effective tools for regional economic management.

Objectives. The research analyzes modern theories and practices of regional management, reviews expert opinions on achieving sustainable regional economic functioning and development through a systems approach, and offers an original definition of “regional economic sustainability”.

Methods. The study uses analytical methods, viewing the region through the lens of a systems approach.

Results. The article synthesizes findings from Russian scientists on managing regional economic sustainability. The article presents the author’s interpretation of the concept of “regional economic sustainability” and proposes a structural model that identifies external and internal sustainability contours, along with the factors influencing them. This model supports the development of socio-economic indicators that reflect the features of economic sustainability comprehensively and are classified based on influencing factors. It also facilitates the creation of a unified indicator of regional economic sustainability.

Conclusions. The research concludes that achieving “dynamic equilibrium” between the internal and external environments is essential for ensuring the region’s effective functioning and sustainable development over the long term. Addressing this challenge requires a new regional management concept, based on a methodology for managing economic sustainability.

Keywords: regional management, economic sustainability, factors, system, sanctions, functioning, development, internal sustainability, external sustainability, summarizing indicator

For citation: Miskhozhev E.R., Samotuga V.N. Regional economic sustainability: Concept, structure and determining factors. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2024;30(10):1213-1222. (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-10-1213-1222>

Развитие мировой экономики характеризуется сегодня определенным дуализмом. С одной стороны, наблюдаются рост и усложнение структуры потребления населения планеты, способствующие высоким темпам экономического роста, развитию производства, появлению новых отраслей экономики и созданию инновационных видов продукции; с другой — формируется высокий уровень риска и неопределенности, что создает существенные проблемы для управления социально-экономической системой, в том числе и на региональном уровне [1].

Одним из ключевых аспектов, определяющих социально-экономическое положение России, является региональный фактор. Дополнительным фактором, дестабилизирующим национальную экономику на всех ее уровнях, выступает беспрецедентное дав-

ление, оказываемое на Россию некоторыми западными странами (прежде всего США и странами — членами Евросоюза) в виде экономических санкций, применяемых против нее. И масштаб санкций постоянно расширяется. Сегодня Российская Федерация (РФ) возглавляет рейтинг государств по количеству введенных против них санкций, опередив такие страны, как Иран, Сирия и Северная Корея. Дестабилизирующую роль также играют сырьевая направленность и высокая импортная зависимость национальной экономики. Как справедливо пишет О. В. Михалев, экспортно-сырьевая направленность отечественной экономики обусловила ее значительную зависимость от колебаний мировых цен на сырье, прежде всего на нефть, газ и другие энергоресурсы, тем самым нанесен значительный урон ее

экономической стабильности, что препятствует ее развитию [2].

На региональном уровне российская экономика имеет организационные, структурные, ресурсные и другие особенности, которые требуют иных подходов и методов при решении проблем, нежели при решении вопросов, возникающих на уровне национальной экономики [3]. Так, на необходимость реструктуризации региональной экономики, как первоочередного условия развития территорий, указывают Д. С. Хайруллов и Л. М. Еремеев. Они считают, что обновленная структура хозяйства региона должна опираться на кооперацию товаропроизводителей, локализованных на данной территории, формируя тем самым единое экономическое пространство. Безусловно, это потребует освоения и внедрения новых подходов и методов в региональном управлении [4].

В условиях плановой экономики, как известно, экономика отдельного региона была «встроена» в национальную экономику и стратегически полностью зависела от решений, которые «спускались» из центра. В таких условиях экономическая устойчивость региона была вторичной от стабильности макроэкономической системы. По сути, значимость региона определена его местом в территориальном разделении труда в рамках народного хозяйства. Таким образом, регион был зависим от центра в принятии стратегических решений.

В условиях глобализации экономики и санкционного давления ситуация кардинально изменилась, в частности и для регионов. Им предоставлена большая самостоятельность, в том числе и относительно принятия экономических решений. Большая самостоятельность в принятии решений предполагает и большую ответственность за результаты управления социально-экономическим развитием территории в условиях динамичной и сложной внешней среды, обусловленной множеством негативных факторов. Следовательно, сегодня мы не можем утверждать, что экономическая устойчивость региона полностью вторична или производна от устойчивости национальной экономики.

Кризисы сопровождают любую экономическую систему рыночного типа и имеют циклический (повторяющийся) характер. К тому же кризисы подрывают экономическую устойчивость системы любого уровня

в цепочке «предприятие — регион — национальная экономика». Экономическая устойчивость — важнейшая характеристика, описывающая состояние экономической системы в рыночной экономике и отражающая не только параметры ее функционирования в данный момент времени, но и перспективы ее развития в будущем. Чем выше экономическая устойчивость системы, тем выше ее адаптивность и независимость от конъюнктуры внешней среды, а значит, и ниже вероятность ее коллапса. Следовательно, экономическая устойчивость системы, как ее свойство и состояние, подлежит управлению для достижения целей субъекта управления [5].

На наш взгляд, в настоящее время в отечественной литературе не представлена завершенная теоретическая концепция управления экономической устойчивостью региона, отвечающая современным реалиям, хотя проблематика управления экономической устойчивостью систем различного уровня вызывает большой научный интерес у исследователей. Считаем, что на начальном этапе формирования теоретических основ управления экономической устойчивостью региона необходимо определить содержание этого понятия, исследовать его структуру, конкретизировать факторы, оказывающие на нее первоочередное влияние. Такие знания послужат базисом для дальнейшего развития методологии, формирования механизма и выработки способов, методов управления экономической устойчивостью региона.

К тому же юридически под регионом в контексте настоящей статьи мы будем понимать часть территории РФ, которая ограничена территорией соответствующего субъекта РФ. Данное определение закреплено в Основах государственной политики регионального развития РФ на период до 2025 г., утвержденных Указом Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13 [6]. Условием успешного существования региона как системы служат его адаптационные способности, которые обеспечены механизмом самоорганизации. Этот механизм чутко должен реагировать на изменения и требования внешней среды, чтобы трансформировать структуру системы в соответствии с ними.

В научной литературе даны разные интерпретации понятия «экономическая устойчивость» применительно к системам различного уровня. Как правило, исследователи

делают акцент на отдельных характеристиках этого феномена в соответствии с приоритетами и задачами своих научных изысканий. Рассмотрим некоторые из них. Например, Т. М. Конопляник, раскрывая проблему устойчивости хозяйственных систем, описывает данную категорию на двух уровнях: макроуровне и микроуровне. На макроуровне устойчивость системы характеризуется отношением «система — внешнее окружение». Система устойчива, если под воздействием сил внешней среды она может сохранять траекторию движения на долгосрочную перспективу. На микроуровне устойчивость определена особенностями внутренней структуры системы, ее способностью к сохранению целостности под влиянием возмущающих факторов [7]. Кроме того, Т. М. Конопляник выделил важнейшее условие сохранения устойчивости хозяйственной системы, которое является верным, по нашему мнению, и для устойчивости региона: непрерывная актуализация внутренней структуры системы, ее постоянная адаптация к внешним условиям, то есть активное и эффективное взаимодействие с внешней средой.

Ряд авторов связывают экономическую устойчивость с показателями финансово-хозяйственной деятельности субъекта, что, на наш взгляд, неправомерно сужает данную категорию, лишая ее многоаспектности и многогранности, и переносит акцент научного исследования в плоскость финансово-экономического анализа. В частности, Б. П. Рукин выделяет рентабельность и уровень риска в качестве определяющих параметров экономической устойчивости субъекта хозяйствования. По его мнению, система считается устойчивой, если она способна выполнять основные функции, при достаточном и приемлемом уровне указанных показателей [8].

Е. В. Корчагина также связывает экономическую устойчивость хозяйствующего субъекта с такими показателями производственно-хозяйственной деятельности, как материально-техническая база, кадровый и интеллектуальный потенциал, денежное обращение и т. д. [9]. Она справедливо утверждает, что экономическая устойчивость — это состояние, при котором достигается состояние динамического равновесия хозяйствующего субъекта, в его взаимодействии с внешней средой.

Исследуя вопросы государственного управления и территориального развития,

В. Н. Лексин и А. Н. Швецов пришли к выводу о том, что главным признаком устойчивости территории является сохранение в длительной перспективе условий для воспроизводства потенциала территории в режиме сбалансированности и социальной ориентации [10].

По мнению В. В. Матвеева, основная характеристика устойчивости региональной экономики — это ее способность оперативно и эффективно решать экономические, социальные, экологические проблемы. Это позволяет, по словам В. В. Матвеевой, не только восстанавливать траекторию развития региона, но находить новые, наиболее прогрессивные и эффективные пути развития. Автор считает, что первоочередную роль в обеспечении экономической устойчивости региона должны играть различные институты региона (экономические, политические, социальные и т. д.) [11].

Д. С. Хайруллов и Л. М. Еремеев в своей статье применяют понятие «устойчивое развитие региона». Это, с одной стороны, свойство региона возвращаться в исходную точку после возмущающего воздействия, с другой — его способность к качественному переходу на более высокий уровень, что выражено, например, в повышении качества жизни населения территории либо обеспечении расширенного воспроизводства территориально-хозяйственного комплекса [4].

По нашему мнению, авторы в понятие «развитие» включили одновременно две составляющие: «функционирование», при котором система возвращается в исходное состояние, и «развитие», если система приобретает новые качества. Таким образом, целесообразно говорить, на наш взгляд, не об устойчивом развитии региона, а о его устойчивости, которая одновременно включает в себя и функционирование, и развитие.

Взаимосвязь функционирования и развития применительно к экономической устойчивости можно проследить в работе Е. И. Сапелкиной. Автор выделяет два состояния экономической системы, которые соответствуют устойчивости: первое состояние — это стабильное функционирование; второе — устойчивое развитие. Оба состояния отнесены к типу развития экономической системы. По мнению Е. И. Сапелкиной, экономическая устойчивость — необходимое условие для достижения определенного типа экономического развития системы, а именно стабильного и растущего типа.

Среда, в которой она существует и развивается, характеризуется динамизмом и непостоянством [12].

В своей работе А. В. Ярашева исследует проблемы развития экономики региона. Она пишет об устойчивости экономического развития региона, полагая, что к этой проблеме стоит подходить двояко. С одной стороны, можно выделить такой аспект, как стабилизационная устойчивость. Под этим понятием исследователь подразумевает состояние, при котором обеспечивается стабильность каких-либо экономических показателей. С другой — выделен такой аспект устойчивости экономического развития, как динамическая устойчивость, которая обеспечивает заданные темпы прироста экономических показателей развития региона [13].

По нашему мнению, при определении содержания «экономическая устойчивость региона» понятие функционирование и развитие региона должны быть рассмотрены в неразрывной связи. Если говорить языком системного анализа, регион — открытая социально-экономическая система, обладающая внутренней структурой, то есть набором элементов и установленными взаимосвязями между ними. Оптимальность внутренней структуры оценивают по эффективности функционирования системы в целом, то есть насколько успешно она способна решать поставленные перед ней задачи и достигать заявленных целей.

Регион не является изолированным и закрытым образованием. Его жизнедеятельность невозможна без активного взаимодействия с другими участниками социально-экономических процессов, которые образуют его внешнее окружение. Эти условия существования находятся в постоянном движении, подвержены изменениям, вынуждая внутреннюю структуру территории трансформироваться, как по содержанию элементов, так и по формам и количеству связей между ними.

Таким образом, в какой-то момент времени равновесие системы нарушается, и она переходит на новый качественный уровень, развивается, чтобы на этом новом уровне прийти в другое качественное равновесное состояние. Следовательно, уместно говорить о том, что в основе устойчивости находится подвижное динамичное равновесие на базе функционирования и развития.

Как указано нами ранее, для понимания сущности экономической устойчивости ре-

гион необходимо рассматривать как открытую социально-экономическую систему, которая активно взаимодействует с факторами внешней среды. По сути, экономическая устойчивость региона — результат оптимального взаимодействия факторов его внешней и внутренней среды. Иными словами, в структуре экономической устойчивости региона можно условно выделить два взаимодействующих контура: внутренняя устойчивость, представленная факторами внутренней среды, и внешняя устойчивость, характеризующая факторами внешней среды.

Полагаем, экономическая устойчивость региона — это результат гармонизации его внутренней и внешней среды, точка в каждый момент времени, в которой система находится в состоянии динамического равновесия, где обеспечивается ее функционирование и развитие по заданным параметрам. Считаем, что эффективность управленческих решений в области региональной экономики будет зависеть от правильности определения наиболее важных факторов выделенных контуров экономической устойчивости, их формализации в экономических показателях с установлением эталонных значений, формировании на этой основе единой системы частных показателей с дальнейшим объединением их в интегральный показатель экономической устойчивости региона.

Такая экономико-математическая модель экономической устойчивости региона станет важнейшим инструментом в арсенале управления, позволяющим диагностировать состояние исследуемого объекта (региона) в любой период, с получением исчерпывающей всесторонней информации для принятия эффективных управленческих решений.

Большинство авторов согласны с идеей выделения в структуре устойчивости двух элементов, в частности внутренней и внешней устойчивости. Дискуссионными остаются вопросы, связанные с пониманием сути этих составляющих, а также факторами, их определяющими. Так, Д. С. Хайруллов и Л. М. Еремеев считают, что внутренняя устойчивость обеспечена таким фактором, как расширенное производство, если стоимость вывозимых товаров, работ, услуг превышает стоимость ввозимых факторов.

Внешняя устойчивость, по их мнению, — производная от таких факторов, как стабильное внешнеторговое сальдо, наличие стабилизационного фонда, равноправность

межбюджетных взаимоотношений, место региона в общенациональном разделении труда [4].

Другой подход прослеживается в работе А. Х. Авезова, который полагает, что внутренняя устойчивость определена материально-техническим обеспечением производства и его структурой, объемами производства и реализации продукции, а также уровнем организации инновационной деятельности и финансового обращения, их динамикой. При этом можно говорить о внутренней устойчивости, если указанные факторы позволяют получать стабильно высокие результаты. Автор не уточняет, о каких высоких результатах идет речь. Внешнюю устойчивость он связывает со стабильностью среды, в которой существует регион. Внешняя устойчивость должна быть обеспечена прежде всего государственным регулированием рыночных отношений. Он связывает внешнюю устойчивость с понятием унаследованной устойчивости, то есть неким запасом прочности, обеспечивающим защиту региона от негативных воздействий [14].

Исследуя источники возникновения устойчивости хозяйственных систем, О. В. Михалев выделяет внутреннюю и внешнюю устойчивость. Исследователь считает, что внешняя устойчивость системы служит результатом внешнего управления. Такое внешнее управление характерно для плановой экономики. Внутренняя устойчивость является результатом трансформации внутренней структуры хозяйственной системы [2].

Не умаляя значимости представленных подходов, дополним, что при формировании модели экономической устойчивости региона, в том числе и отборе подсистем и факторов ее составляющих, необходимо прежде всего ориентироваться на нужды и цели практического управления. На наш взгляд, для целей практического управления требуется структурная модель экономической устойчивости региона, использование которой дает возможность в будущем создать группу социально-экономических показателей, комплексно отражающих особенности экономической устойчивости и классифицированных в соответствии с факторами, оказывающими на них влияние; сформировать единый, интегральный показатель экономической устойчивости региона на базе системы частных показателей, приводящий к «единому знаменателю» все стороны данного экономического феномена.

Жизнедеятельность территории характеризуется непрерывным кругооборотом разного рода ресурсов: натуральных (земельные угодья, полезные ископаемые, водные ресурсы, выступающие объектом постоянного воздействия человека в процессе производства, продукции, товаров, работ, услуг, которые далее будут потребляемы в течение его жизни), социально-трудовых (человек как фактор производства с одной стороны и как член социума региона — с другой, его физические и интеллектуальные возможности, использующиеся и в производственном процессе, и в социальной жизни), финансовых (наличные и безналичные денежные средства, которые обслуживают движение прочих видов ресурсов, будучи своего рода топливом, позволяющим функционировать в целом экономике региона), информационных (информационные базы и базы данных, на основе которых принимают управленческие решения, позволяющие системе не только функционировать, но и развиваться, переходя на новый уровень).

С учетом изложенного предлагаем в рамках контура внутренней устойчивости выделить подсистемы, которые призваны обеспечивать экономическую устойчивость региона:

- ресурсную — представлена естественной минерально-сырьевой базой региона, его географическим положением, а также населением региона, в данном контексте рассматриваемым как трудовой ресурс, физические и интеллектуальные возможности которого используются в сфере материального производства и в сфере услуг;

- экономическую — представлена физическими и юридическими лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, то есть производителями материальных благ и услуг, а также инфраструктурой, обслуживающей эту деятельность в данном регионе;

- социальную — состоит из населения региона, компактно и постоянно проживающего на его территории и включающего в себя разные группы, объединенные по территориальному, национальному, другим признакам, иных лиц, временно находящихся в пределах территории, но активно участвующих в социально-экономических и политических процессах региона, а также социальных институтов, необходимых для жизни социума;

- управленческую — представлена государственными институтами и отношениями

на уровне региона, призвана управлять выделенными подсистемами путем рационального распределения ресурсов и производимых благ между участниками региональной системы, опираясь на нормативно-правовую базу региона и страны.

Как известно, любая социально-экономическая система является частью другой системы, более высокого уровня. Следовательно, система более высокого уровня выступает относительно региона внешней средой. По отношению к региону такой внешней средой могут стать другие регионы РФ, регионы иностранных государств, иностранные государства. Для описания параметров внешней устойчивости в контуре экономической устойчивости, на наш взгляд, необходимо выделить подсистемы и факторы, описывающие взаимоотношения региона с внешними по отношению к нему системами («регион — внешняя среда»), такие как:

- «регион — государство» — взаимоотношения, возникающие в процессе реализации федеральных целевых программ по социально-экономическому развитию данной территории, выделения дополнительных финансовых ресурсов федеральным центром в качестве экономической помощи депрессивным территориям; по регулированию вопросов в налоговой сфере, оказания экстренной помощи региону при возникновении чрезвычайных ситуаций;

- «регион — регион» — включает в себя межрегиональное экономическое взаимодействие внутри страны для обеспечения населения и хозяйства региона потребительскими товарами и средствами производства, изготовление которых отсутствует на этой территории, либо наблюдается его существенный недостаток, диверсификации отраслей экономики региона и производство необходимых объемов материальных благ для удовлетворения текущего спроса на внутреннем и внешнем рынках, совершенствование межрегиональной нормативно-правовой базы для ликвидации барьеров при перемещении ресурсов между отдельными территориями;

- «регион — зарубежье» — предполагает экономическое взаимодействие между территориями и образованиями иностранных государств и лиц, в них проживающих, с целью стимулирования экономического развития участников данного процесса (как правило, субъектов территорий сопредельных государств) на базе формирования прочных,

взаимовыгодных контактов на долгосрочной основе.

Выделенные подсистемы внутренней и внешней устойчивости в структуре общей экономической устойчивости региона и факторы, их обуславливающие, глубоко взаимосвязаны и взаимообусловлены, существуют в неразрывной связи. Кроме того, через указанные факторы и подсистемы в процессе управления стоит учитывать и влияние иных микро- и макроэкономических явлений, которые прямо не учтены в предлагаемой модели.

Например, макроэкономическое явление инфляции через рост цен на факторы производства будет влиять практически на все подсистемы внутренней устойчивости, а также на характер взаимоотношения того или иного региона с сопредельными территориями и государственными структурами. Укажем еще один пример. Углубление международного сотрудничества в экономической сфере может привести к значительным изменениям в структуре экономической и социальной подсистем в результате активизации миграционных процессов между странами по разным основаниям (в связи с поступлением на работу или стажировкой в зарубежной компании, ввиду переезда на постоянное место жительства в другую страну и др.). Если регион является высокостационарным, внешние факторы, описывающие взаимоотношения «государство — регион», будут оказывать существенное влияние на все подсистемы внутренней устойчивости.

Проведенный анализ дает возможность представить авторскую интерпретацию экономической устойчивости региона. Предлагаем понимать экономической устойчивости региона состояние и свойство социально-экономической системы, при которых достигается ее функционирование и развитие относительно установленных целевых параметров в процессе непрерывного взаимодействия факторов внутренней и внешней среды, на основе механизма самоорганизации. Это «точка», в которой система находится в состоянии динамического равновесия с внешним окружением. Общая структурная модель экономической устойчивости представлена на рисунке 1.

Очевиден тот факт, что для достижения параметров, обеспечивающих экономическую устойчивость региона, необходимо ею управлять. Залогом эффективного управления выступает в том числе и научно обоснованная

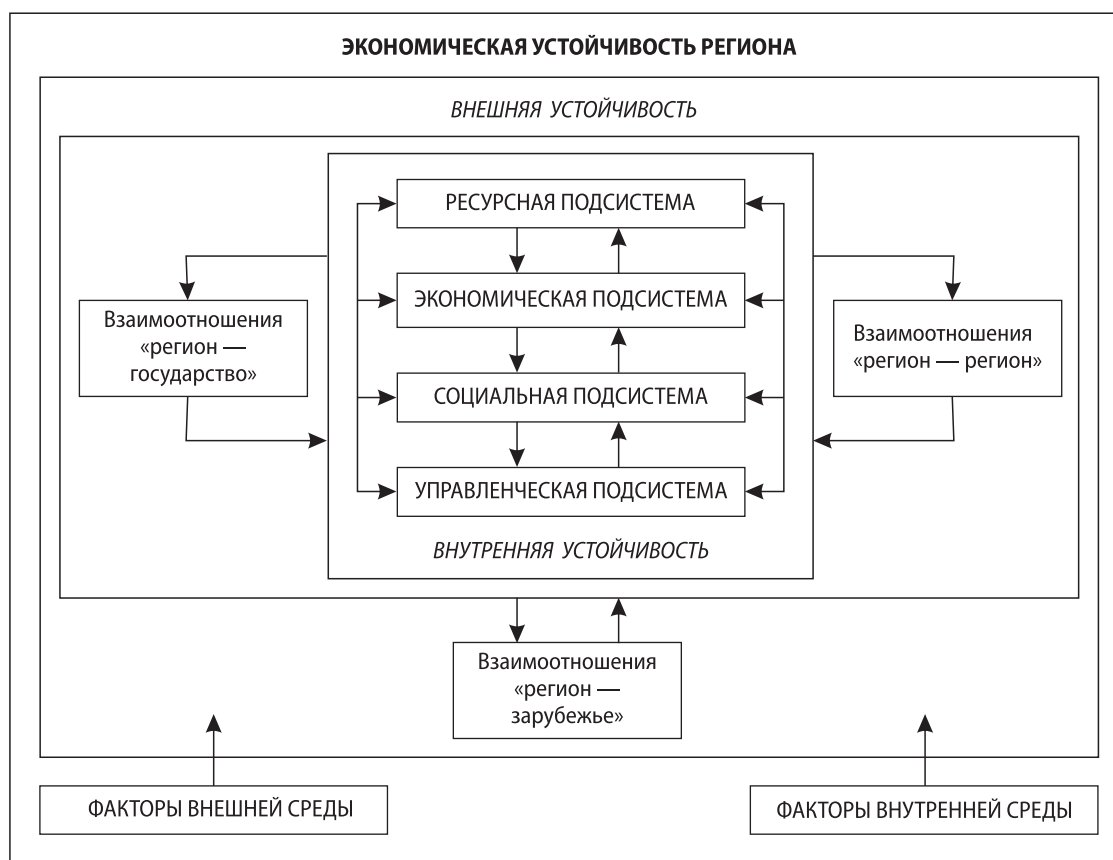

Рис. 1. Структурная модель экономической устойчивости региона
Fig. 1. Structural model of regional economic sustainability

Источник: составлено авторами.

методология управления, которая включает в себя дефиниции, принципы, методы, инструменты и другие составляющие, особенности которых определены прежде всего спецификой объекта управления.

В свою очередь, формирование научной теоретической базы управления экономи-

ческой устойчивостью региона видится невозможным без предварительного формулирования методологических проблем в этой области. Это должно стать в дальнейшем целью исследования после определения сущности, структуры и факторов экономической устойчивости региона.

Список источников

1. Мисхожев Э. Р., Самотуга В. Н. Вопросы исследования региона как адаптивной социально-экономической системы // Экономика и управление. 2024. Т. 30 № 3. С. 300–310. DOI: 10.35854/1998-1627-2024-3-300-310
2. Михалев О. В. Экономическая устойчивость хозяйственных систем: методология и практика научных исследований и прикладного анализа: монография. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургской академии управления и экономики, 2010. 200 с.
3. Синцова Е. А., Смешко О. Г. Цели устойчивого развития в российских регионах: процессы их формирования и внедрения // Экономика и управление. 2023. Т. 29. № 8. С. 871–881. DOI: 10.35854/1998-1627-2023-8-871-881
4. Хайруллов Д. С., Еремеев Л. М. Проблемы устойчивости социально-экономического развития региона // Вестник Казанского государственного аграрного университета. 2012. Т. 7. № 1. С. 73–76.
5. Никифорова В. Д., Синцова Е. А. Диалектика процессов цифровизации социально-экономической системы // Экономика и управление. 2022. Т. 28. № 3. С. 289–296. DOI: 10.35854/1998-1627-2022-3-289-296
6. Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13 //

- Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/71587690/> (дата обращения: 02.05.2024).
7. Конопляник Т. М. Управление устойчивостью хозяйственных систем: монография. М.: Институт проблем региональной экономики РАН, 2007. 174 с.
 8. Рукин Б. П. Управление экономически устойчивым развитием организаций и корпоративных объединений: теория, методология, практика: монография. Воронеж: Истоки, 2007. 312 с.
 9. Корчагина Е. В. Анализ и оценка экономической устойчивости в структурах предпринимательства. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, 2002. 145 с.
 10. Лексин В. Н., Швецов А. Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. М.: УРСС, 2000. 372 с.
 11. Матвеев В. В. Устойчивость региональной экономики и структурные сдвиги: теория и практика // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2021. Т. 31. № 6. С. 970–975. DOI: 10.35634/2412-9593-2021-31-6-970-975
 12. Сапелкина Е. И. Экономическая устойчивость в контексте обеспечения развития предприятий. Деп. рук. Мн.: Белорусский национальный технический университет, 2005. 5 с.
 13. Ярашева А. В. Теоретические и методологические основы обеспечения устойчивого регионального социально-экономического развития (на примере субъектов Южного федерального округа): автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2008. 56 с.
 14. Аvezов А. Х. Экономическая устойчивость развития региона: сущность и основные понятия // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. 2013. № 3. С. 64–70.

References

1. Miskhozhev E.R., Samotuga V.N. Research issues of the region as an adaptive socio-economic system. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2024;30(3):300-310. (In Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2024-3-300-310
2. Mikhalev O.V. Economic sustainability of business systems: Methodology and practice of scientific research and applied analysis. St. Petersburg: St. Petersburg Academy of Management and Economics; 2010. 200 p. (In Russ.).
3. Sintsova E.A., Smeshko O.G. Sustainable development goals in Russian regions: The processes of their formation and implementation. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2023;29(8):871-881. (In Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2023-8-871-881
4. Khayrulloev D.S., Ereemeev L.M. Stability issues of social and economic development of the region. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Vestnik of Kazan State Agrarian University*. 2012;7(1):73-76. (In Russ.).
5. Nikiforova V.D., Sintsova E.A. Dialectics of digitalization processes in the socio-economic system. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2022;28(3):289-296. (In Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2022-3-289-296
6. On approval of the Fundamentals of the state policy of regional development of the Russian Federation for the period up to 2025. Decree of the President of the Russian Federation of January 16, 2017 No. 13. Garant.ru. URL: <https://base.garant.ru/71587690/> (accessed on 02.05.2024). (In Russ.).
7. Konoplyannik T.M. Management of sustainability of economic systems. Moscow: Institute of Regional Economics Problems of the Russian Academy of Sciences; 2007. 174 p. (In Russ.).
8. Rukin B.P. Management of economically sustainable development of organizations and corporate associations: Theory, methodology, practice. Voronezh: Istoki; 2007. 312 p. (In Russ.).
9. Korchagina E.V. Analysis and assessment of economic sustainability in business structures. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics and Finance; 2002. 145 p. (In Russ.).
10. Leksin V.N., Shvetsov A.N. State and regions. Theory and practice of state regulation of territorial development. Moscow: URSS; 2000. 372 p. (In Russ.).
11. Marveev V.V. Sustainability of the regional economy and structural shifts: Theory and practice. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo = Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*. 2021;31(6):970-975. (In Russ.). DOI: 10.35634/2412-9593-2021-31-6-970-975
12. Sapelkina E.I. Economic sustainability in the context of ensuring enterprise development. Deposited manuscript. Minsk: Belarusian National Technical University; 2005. 5 p. (In Russ.).
13. Yarasheva A.V. Theoretical and methodological foundations for ensuring sustainable regional socio-economic development (using the example of the subjects of the Southern

- Federal District). Doct. econ. sci. diss. Synopsis. Moscow: All-Russian State Tax Academy of the Ministry of Finance of Russia; 2008. 56 p. (In Russ.).
14. Avezov A.Kh. Economic sustainability of regional development: Essence and basic concepts. *Vestnik Tadzhijskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Seriya gumanitarnyykh nauk = Bulletin of TSULBP. Series of Humanitarian Sciences*. 2013;(3):64-70. (In Russ.).

Сведения об авторах

Эльдар Русланович Мисхожев

доктор экономических наук, доцент,
профессор кафедры международных финансов
и бухгалтерского учета

Санкт-Петербургский университет
технологий управления и экономики

190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр.,
д. 44а

Владимир Николаевич Смотуга

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры международных финансов
и бухгалтерского учета¹, доцент кафедры
экономики²

¹ Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики

190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр.,
д. 44а

² Северо-Западный институт управления —
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ

199178, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О.,
д. 57/43

Поступила в редакцию 02.10.2024
Прошла рецензирование 22.10.2024
Подписана в печать 05.11.2024

Information about the authors

Eldar R. Miskhozhev

D.Sc. in Economics, Associate Professor,
Professor at the Department of International
Finance and Accounting

St. Petersburg University of Management
Technologies and Economics

44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020,
Russia

Vladimir N. Samotuga

PhD in Historical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department
of International Finance and Accounting¹,
Associate Professor at the Department
of Economics²

¹ St. Petersburg University of Management
Technologies and Economics

44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020,
Russia

² North-Western Institute of Management —
branch of the Russian Academy of National
Economy and Public Administration under the
President of the Russian Federation

57/43 Sredniy Ave. V.O., St. Petersburg 199178,
Russia

Received 02.10.2024
Revised 22.10.2024
Accepted 05.11.2024

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов,
связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest
related to the publication of this article.

Направления совершенствования обращения с твердыми отходами и вторичными ресурсами в регионах современной России

Наталья Александровна Путинцева¹, Елена Викторовна Ушакова²✉

¹ Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия, p.i.r@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3431-1774>

² Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия, ushakovaev@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-0715-880X>

Аннотация

Цель. Обосновать внедрение в практику обращения с твердыми отходами мер по снижению и предотвращению их образования, стимулированию спроса на продукцию, произведенную из вторичных ресурсов.

Задачи. Проанализировать состояние отрасли обращения с отходами в России в целом и федеральных округах; выявить особенности функционирования отрасли обращения с отходами в регионах Российской Федерации (РФ), в том числе сохранение ресурсорасточительного характера деятельности производств, низкий спрос на вторичные ресурсы и продукцию из вторичного сырья, недостаточное внедрение мер по предотвращению образования отходов.

Методология. Методологической основой исследования служит теория экономики замкнутого цикла. Исследование построено на базе статистических данных, публикациях отечественных и зарубежных авторов, данных органов власти и аналитических агентств.

Результаты. Представлен обзор состояния отрасли обращения с отходами в России в целом и федеральных округах. Данные рейтингов стран (Environmental Performance Index, Global Waste Index) позволяют сделать вывод о качестве управления в сфере обращения с отходами. Освещены приоритетные направления реформирования отрасли обращения с отходами, выявлены и обоснованы особенности функционирования в сфере отходов и вторичных ресурсов в регионах РФ. Предложены меры по совершенствованию управления твердыми отходами и вторичными ресурсами.

Выводы. Для России, как и для большинства стран мира, создание эффективного обращения с отходами становится значимой задачей развития. Современная Россия эффективно утилизирует опасные отходы, а также для наиболее эффективных с экономической точки зрения фракций отходов созданы условия в целях их сбора, переработки и утилизации. Однако Россия отстает от развитых государств по уровню вовлечения отходов в хозяйственный оборот. Сложившаяся в нашей стране система «потребление — отходы» имеет признаки системы «расточительного потребления», или системы с «неэкономическим ростом». Регионы РФ существенно отличаются по показателям утилизации и захоронения, в первую очередь твердых коммунальных отходов (ТКО). Отдельным регионам удалось достигнуть высокого уровня повторного использования (утилизации) ТКО, однако в большинстве регионов большую часть ТКО направляют на полигоны. Особенности функционирования сектора ТКО и вторичных ресурсов в регионах РФ, такие как сохранение ресурсорасточительного характера деятельности производств, низкий спрос на вторичные ресурсы и продукцию из вторичного сырья, недостаточное внедрение мер по предотвращению образования отходов, позволяют сделать вывод о важности проводимой в стране реформы в сфере обращения с отходами и необходимости дальнейшего совершенствования ее организационно-правовых основ. Необходимо ставить цели по снижению образования отходов и реализовывать программы, направленные на предотвращение образования отходов. Активно следует поддерживать спрос на продукцию, произведенную из вторичных ресурсов.

Ключевые слова: твердые отходы, твердые коммунальные отходы, вторичные ресурсы, утилизация, глобальный индекс отходов, раздельное накопление отходов

Для цитирования: Путинцева Н. А., Ушакова Е. В. Направления совершенствования обращения с твердыми отходами и вторичными ресурсами в регионах современной России // *Экономика и управление*. 2024. Т. 30. № 10. С. 1223–1234. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-10-1223-1234>

Routes for improving the management of solid waste and secondary resources in the regions of modern Russia

Natalia A. Putinceva¹, Elena V. Ushakova²✉

¹ Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia, p.i.r@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3431-1774>

² St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia, ushakovaev@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-0715-880X>

Abstract

Aim. This study aims to substantiate the introduction of measures to reduce and prevent the formation of solid waste and promote demand for products made from secondary resources.

Objectives. The work analyzes the state of the waste management industry across Russia and its federal districts. It identifies the features of the functioning of the waste management operations in various regions, such as the resource-intensive nature of production, low demand for secondary resources and products made from recycled materials, and insufficient measures to prevent waste generation.

Methods. The study is grounded in the theory of the closed-loop economy. It utilizes statistical data, publications from Russian and international experts, as well as information from governmental and analytical agencies.

Results. The article provides an overview of the state of the waste management across Russia and its federal districts. Data from country ratings (Environmental Performance Index, Global Waste Index) are used to draw conclusions about the quality of waste handling management. The article highlights priority routes for reforming the waste management industry, identifies and substantiates the specifics of functioning in the field of waste and secondary resources in the regions of the Russian Federation. It also proposes measures to improve the management of solid waste and secondary resources.

Conclusions. For Russia, as for most countries in the world, developing effective waste management is becoming a priority. While Russia demonstrates competence in hazardous waste management and has established processes for collecting and processing certain waste fractions, it lags behind developed countries in integrating waste into economic cycles. The prevailing “consumption–waste” system has features of a “wasteful consumption” system, or a system with “non-economic growth”. The regions of the Russian Federation differ significantly in terms of reclamation and dumping primarily of municipal solid waste (MSW). Some regions have managed to achieve a high level of reuse (recycling) of municipal solid waste; however, in most regions the bulk of municipal solid waste is sent to landfills. The specific features of the municipal solid waste and secondary resources sector in the regions of the Russian Federation, such as the continued resource-wasteful nature of production activities, low demand for secondary resources and products made from secondary raw materials, as well as insufficient implementation of measures to prevent waste generation, enable to conclude that the waste management reform being implemented in Russia is important and that its organizational and legal framework needs to be further improved. It is necessary to set goals to reduce waste generation and implement programs aimed at preventing waste generation. Demand for products made from secondary resources should be actively supported.

Keywords: solid waste, municipal solid waste, secondary resources, utilization, global waste index, separate waste collection

For citation: Putinceva N.A., Ushakova E.V. Routes for improving the management of solid waste and secondary resources in the regions of modern Russia. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2024;30(10):1223-1234. (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-10-1223-1234>

В России, как и в мире в целом, происходит постепенная замена традиционной линейной модели экономики на альтернативную концепцию экономики замкнутого цикла, основанной на вторичном использовании ресурсов. Результатом реализации традиционной линейной экономики стали рост объемов отходов и антропогенной нагрузки на окружающую среду, истощение природных ресурсов. И, если практически до XX в. большая часть отходов человеческой деятельности имела природное происхождение и спустя некоторое время разлагалась, то сегодня в структуре отходов начинают преобладать отходы с длительностью разложения до сотен лет.

Несмотря на незначительную долю твердых коммунальных отходов (ТКО) в общем объеме твердых отходов (в России ТКО составляют менее 1 %), именно ТКО сегодня уделяют пристальное внимание органы власти, организации, объединения и население в большинстве стран мира. Свалки ТКО, с одной стороны, — источник выбросов CO₂ и метана, с другой — ценный источник вторичных материальных ресурсов. Согласно отчету Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП), в котором содержится обновленная оценка глобального управления отходами в мире, объем образования только ТКО может увеличиться: от 2,1 млрд т в 2023 г., при средних значениях 0,74 кг ТКО в день на человека, до 3,8 млрд т — к 2050 г. При этом около 2,7 млрд человек не имеют доступа к услугам по сбору ТКО, и только 61–62 % ТКО обрабатывают на контролируемых объектах. Эксперты ЮНЕП к 2050 г. прогнозируют увеличение в два раза ежегодных глобальных расходов на утилизацию ТКО в случае непринятия необходимых мер по обращению с такими отходами [1; 2].

Приоритетными методами обращения с отходами, согласно теории экономики замкнутого цикла, служат предотвращение образования отходов, их повторное использование и переработка отходов. При оценке образования ТКО обратим внимание на тот факт, что их количество максимально сконцентрировано в развитых странах (34 % мировых ТКО и 16 % населения мира). Однако данный показатель будет расти за счет опережающего роста отходов в бедных и развивающихся странах [2].

Согласно приоритетам обращения с отходами, сложившаяся в мире практика обра-

щения с ТКО может быть охарактеризована как недостаточно эффективная, поскольку доля переработки ТКО составляет лишь 13 %, еще 5,5 % ТКО компостируют. В целом в мире преобладают такие формы обращения с ТКО, как размещение на открытых свалках (33 %) и полигонах (25,2 %). Доля сжигания ТКО составляет около 11 %, хотя энергетическая их утилизация менее целесообразна с экономической и экологической точек зрения, так как приводит к потере ресурсов, которые можно было бы использовать вторично. Около 10 % оставшихся ТКО размещают на санитарных и контролируемых свалках [2].

В рамках реализации семнадцати Целей устойчивого развития (ЦУР) многие страны мира приняли на себя ответственность за то, чтобы реформировать сложившиеся системы обращения с отходами в направлении увеличения доли отходов, вовлекаемых во вторичное использование. Оценить результаты усилий стран в этом направлении позволяют разнообразные рейтинги, приведенные в таблице 1.

Согласно Индексу уровня переработки отходов (EPI), составленному экспертами Центра экологической политики и права при Йельском университете (Yale Center for Environmental Law and Policy), ведущие страны Евросоюза не занимают лидирующих позиций в рейтинге 2022 г. Рейтинг составляют по данным 179 стран, а для расчета индекса используют данные о переработке таких материалов, как металл, пластик, бумага и стекло. Россия в этом рейтинге находится на 168-м месте с индексом 5,3. Между тем Южная Корея лидирует с индексом 67,1 [3].

Согласно Глобальному индексу отходов 2022 г. (Global Waste Index), составленному компанией Sensoneo, являющейся мировым лидером в области интеллектуальных решений по утилизации отходов, наилучшие показатели в области обращения с ТКО в последние три года показывает Южная Корея, но и страны Европы занимают лидирующие позиции. Глобальный индекс отходов 2022 г. представляет собой сравнительный анализ управления отходами в 38 государствах — членах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). При расчете индекса учитывают общее воздействие на окружающую среду (уровень выбросов CO₂), возникающее в результате каждого метода утилизации отходов [4].

Рейтинги стран по качеству управления ТКО

Table 1. Country ratings by municipal solid waste management quality

Environmental Performance Index (EPI)			Global Waste Index		
Позиция в рейтинге	Страна	Индекс	Позиция в рейтинге	Страна	Индекс
1	Южная Корея	67,10	1	Южная Корея	100
2	Самоа	57,60	2	Дания	94,9
3	Бенин	56,90	3	Германия	90,4
4	Исландия	55,50	4	Швейцария	89,3
5	Австралия	52,90	5	Финляндия	89,3
6	Вануату	52,90	6	Норвегия	88,5
7	Сингапур	51,70	7	Япония	86,9
8	Филиппины	49,90	8	Нидерланды	86,5
9	Германия	49,80	9	Швеция	84,8
10	Вьетнам	46,00	10	Люксембург	83,5
168	Россия	5.30	38	Турция	0
179	Сербия	1,00			

Источник: [3; 4].

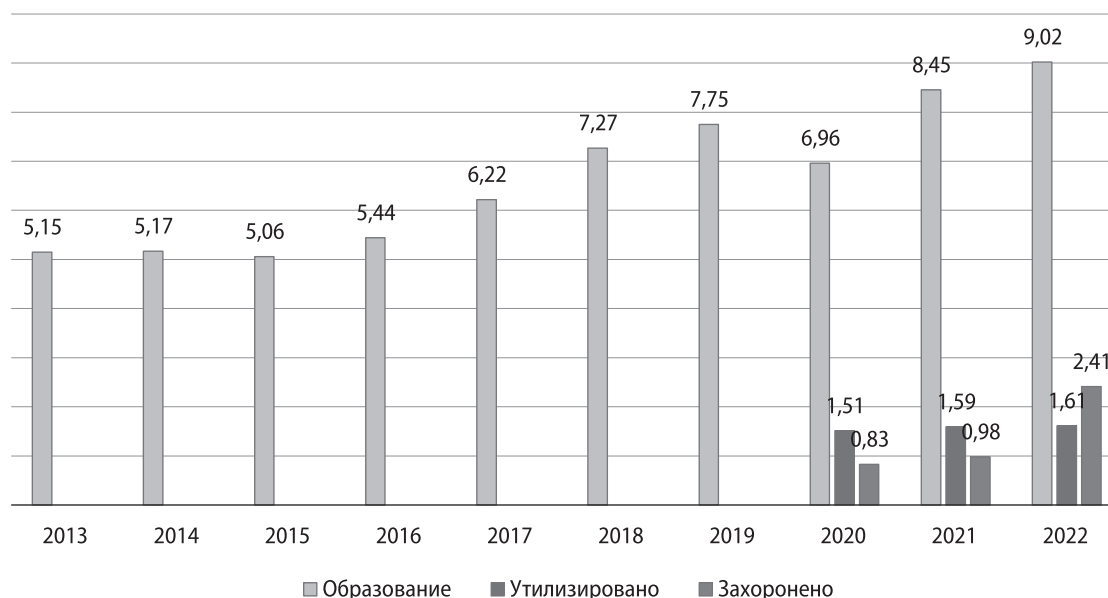

Рис. 1. Образование и обращение с отходами производства и потребления в России в 2013–2022 гг., млрд т
Fig. 1. Generation and management of production and consumption waste in Russia in 2013–2022, billion tons

Источник: [5].

В связи с повышенным вниманием к обращению с отходами растёт и рынок управления отходами, включающий в себя сборку, транспортировку, утилизацию, переработку и мониторинг отходов. В целом объём рынка услуг по управлению отходами в 2023 г. оценивают в триллион долл. США, а рынок по управлению ТКО к 2025 г. — 530 млрд долл. [2].

Как и в мире, в России объём образования отходов в целом растёт высокими темпами:

почти в два раза с 2013 г., что отражено на рисунке 1, несмотря на незначительную динамику и даже сокращение валового внутреннего продукта (ВВП). Этому способствовал рост в таких «грязных» отраслях экономики, как добывающая и металлургическая.

Наиболее высокий показатель образования отходов в Сибирском федеральном округе, на территории которого сосредоточены основные угледобывающие регионы России, как показано в таблице 2.

Таблица 2

Обращение с отходами производства и потребления в федеральных округах РФ

Table 2. Management of production and consumption waste in the federal districts of the Russian Federation

Федеральный округ	Образование, млн т	Использование и обезвреживание, %
Сибирский	5 352,2	53,5
Дальневосточный	1 613,6	51,0
Северо-Западный	577,3	14,1
Уральский	454,6	32,7
Центральный	267,5	71,8
Приволжский	141,8	51,3
Южный	37,8	77,8
Северо-Кавказский	3,8	56,2

Источник: [11].

Таблица 3

Количество собранных коммунальными службами твердых бытовых отходов (ТБО) на душу населения, кг

Table 3. Amount of municipal solid waste collected by public utilities per capita, kg

Страна	2010	2015	2018	2019	2020	2021	Темп роста, %
Россия	440	500	500	560	620	640	145
Австрия	562	560	579	588	834	...	148
Германия	602	632	606	609	641	646	107
Франция	534	516	557	555	538	561	105
Италия	547	486	499	503	487		89
Испания	510	456	475	472	464	472	93
Великобритания	509	483	463				91
Швеция	441	451	434	449	431	418	94
Турция	407	400	424	424	415	...	102
Япония	353	344					97
США	737	741	811				110

Источник: [6].

Доля ТКО в России составляет менее 1 % от общего объема генерируемых в стране отходов. При этом темпы роста ТКО высоки, как следует из таблицы 3, объемы генерации ТКО в расчете на жителя РФ выше среднемировых (1,3 кг в день) и сконцентрированы в Центральном (29 % всех ТКО) и Приволжском (20 % всех ТКО) федеральных округах.

Основной вклад в общее количество ТКО вносят ТКО V и IV классов опасности (практически неопасные и малоопасные): в 2022 г. их количество составило 98,7 (98,2 % в 2018 г.) и 0,88 % (1,5 % в 2018 г.). С 2019 г. в России реализуется государственная реформа по обращению с отходами. Реформа изначально направлена на ликвидации незаконных свалок путем минимизации их захоронения, но постепенно она переросла в идею создания

специализированного вида экономической деятельности на базе вторичных ресурсов, что отвечает трендам мирового развития, как видно на рисунке 1. Данные рисунка 1 показывают, что доля утилизации отходов в действительности для повторного применения (рециклинга) в стране незначительна и составляет около 12–17 %, а около 30 % обезвреженных отходов подлежат захоронению. Захоронение отходов — по-прежнему главная тенденция в области обращения с отходами в России.

Несмотря на все проблемы управления в сфере обращения с ТКО на конец 2023 г., доля ТКО, направленных на обработку, за пять лет возросла с 11 до 53 %, а доля утилизации отходов увеличилась более чем в шесть раз: от 2 до 13 % [7]. Лучшие показатели утилизации ТКО имеют регионы с максимальными объемами их образования,

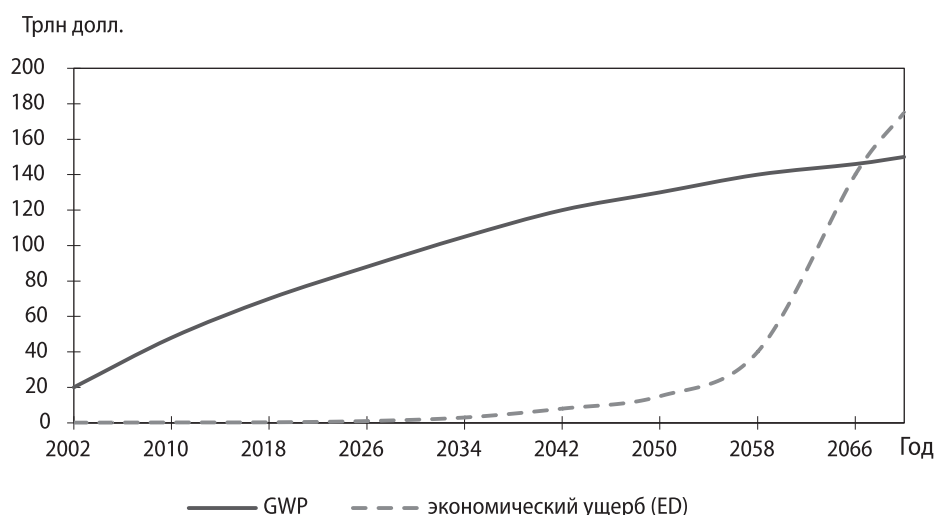

Рис. 2. Моделирование гипотезы неэкономического роста: динамика валового мирового продукта (GWP) и экономического ущерба (ED)

Fig. 2. Modeling the hypothesis of non-economic growth: Dynamics of gross world product (GWP) and economic damage (ED)

Источник: [8].

плотностью населения и ограниченностью площадей для организации захоронения ТКО. Таким образом, в Центральном и Приволжском федеральных округах собрали и переработали наибольшее количество ТКО: 23 и 22 % соответственно [2]. Одновременно дифференциация регионов по климатическим особенностям и уровню жизни в них приводят к существенным различиям морфологических составов ТКО как между регионами, так и внутри них.

В целом в России создание рынков обращения с отходами, особенно с ТКО, имеет высокий потенциал для роста, поскольку более 50 % морфологического состава ТКО представляет собой потенциальное сырье для вторичного использования или компостирования. Кроме того, вследствие дорогостоящего процесса сбора и переработки ТКО с одной стороны и низкого спроса на вторичное сырье — с другой многие виды ТКО практически не применяют в хозяйственных целях. В итоге продолжается интенсивное накопление неиспользуемых отходов в окружающей среде, ежегодно примерно 60–70 % общего объема ТКО.

Перед тем, как показать и обосновать особенности функционирования сектора отходов и вторичных ресурсов в России, попытаемся определить в контексте экономической теории понятие «неэкономический рост» (unesconomic growth) ввиду того, что сложившаяся в нашей стране система «потребление — отходы» имеет

признаки системы «расточительного потребления», или системы с «неэкономическим ростом». Неэкономический рост, при котором предельные затраты роста экономики, определяемые величиной экономического ущерба, начинают превышать предельную полезность роста экономики, обоснован неоклассической экономической теорией, в частности законами снижающейся предельной полезности и возрастающих вмененных издержек. Соответственно, рост экономики допустим до уровня, пока его предельная полезность (MU) не сравняется с предельными затратами, связанными с экономическим ущербом (MC) от разрушения природного (или совокупного) капитала:

$$MU = MC.$$

При этом рост предельных затрат обеспечивается в том числе и за счет роста расходов на ликвидацию последствий и восстановления от разнообразных бедствий, катастроф природного и техногенного характера. На рисунке 2 показаны результаты моделирования динамики показателей валового мирового продукта (GWP) и размера экономического ущерба (ED) вследствие аварий и катастроф, который, по оценкам экспертов, растет ежегодно (в среднем на 10 % в год).

Согласно модели, с 2040 г. начинается лавинообразный рост расходов на ликвидационные и восстановительные работы от различных бедствий и катастроф. С 2060 г.

Динамика основных показателей в сфере обращения с ТКО

Table 4. Dynamics of the main indicators in the field of municipal solid waste management

Показатели	2000	2010	2018	2021	Темп роста, раз
Вывезено за год ТБО, млн м ³ /млн т	151,5	235,4	275,4/53,9	349,5/47,4	2,30
Из них на объекты обработки ТКО, млн м ³ /млн т	7,7	32,1	28,1/4,8	109,7/14,9	13,25
Вывезено жидких отходов с территорий городских поселений, млн м ³	55,8	41,6	41,7	37,6	0,67
Численность городского населения, млн чел	107,1	105,4	109,5	110,1	1,02
Индекс физического объема оборота розничной торговли, 2000 г = 1	1,00	2,57	2,79	2,88	
Индекс физического объема оборота розничной торговли пищевыми продуктами, включая напитки, и табачными изделиями, 2000 г = 1	1,00	2,26	2,22	2,22	
Объем обработанных ТКО, % к вывезенным	5,1	13,6	10,2	31,4	6,16
Вывезено ТКО в расчете на городского жителя, м ³	1,42	2,23	2,52	3,17	

Источник: [5].

размер таких расходов может превысить размер валового мирового продукта (GWP). Неоднозначно может быть оценен переход к «зеленой» энергетике. Так, для перехода на возобновляемые источники энергии (ВИЭ) требуется около 40 трлн долл. до 2050 г. (70 % из них — частные инвестиции), которые, скорее всего, будут аккумулированы за счет роста цен на традиционные источники энергии, а также изъятия из реального сектора экономики. Следствием такого перенаправления средств может стать рост цен на остальные товары со всеми вытекающими последствиями для уровня жизни населения [9].

Кроме того, энергопереход влечет за собой повышенный рост спроса на различные металлы и сплавы, что может стать причиной разрушения почв, горных пород и т. п. Так, добыча лития, месторождения которого расположены в местах, где уже существуют проблемы с водоснабжением (Боливии, Аргентине, Австралии, Чили), будет усугублять имеющиеся проблемы, связанные с доступом к чистой воде. Рост спроса на кобальт, 60 % мировой добычи которого приходится на Демократическую Республику Конго и при добыче которого используют труд заключенных и детей, будет способствовать только нарастанию проблем социально-экологического характера в этой стране. Рост спроса на никель способен усугубить экологическую ситуацию в Норильске, и без того периодически оказывающегося в рейтинге самых грязных мест на планете. Проблемной является и ситуация, связанная с утилизацией отходов от использованных ВИЭ: «солнечные панели создают

в 300 раз больше токсичных отходов на единицу энергии, чем, например, атомные электростанции» [9]. В той или иной мере оценку «неэкономического роста» можно осуществить на основе использования ряда индикаторов, например Happy Planet Index (HPI), путем корректировки ВВП на величину социальных и экологических затрат.

Рассмотрим особенности функционирования сектора отходов и вторичных ресурсов в России.

1. *Сохранение ресурсорасточительного характера деятельности производства, обусловленного относительно низкими ценами на природные ресурсы в стране.* Россия, существенно отставая от развитых стран по уровню ВВП на душу населения, темпам роста образования отходов, в том числе и ТКО на душу населения, как следует из таблиц 3 и 4, опережает многие из них.

На основе данных таблицы 4 можно заключить, что в последние 20 лет темпы роста ТКО значительно опережают темп роста численности городского населения. Опережающие темпы роста ТКО связаны «с высокими темпами роста оборота розничной торговли (в 2,88 раза за 21 год), а также реализуемой компаниями политикой по снижению сроков эксплуатации бытовой техники, изделий и товаров длительного потребления».

Для характеристики ситуации в России относительно промышленных отходов воспользуемся методом оценки, предложенным доктором экономических наук И. А. Киршиным. По мнению профессора, «одним из наиболее показательных критериев оценки экономического (неэкономического) роста

ПУТИНЦЕВА Н. А., УШАКОВА Е. В. Направления совершенствования обращения с твердыми отходами и вторичными ресурсами в регионах современной России

Динамика развития отдельных видов экономической деятельности в России

Table 5. Dynamics of development of individual types of economic activity in Russia

Показатели	2005	2010	2020	2021	2022
Добыча топливно-энергетических (ТЭ) ресурсов, млн т	1 412	1 479	1 607	1 723	1 648
Образование отходов добычи ТЭ ресурсов, млн т	1 499	2 971	3 919	5 011	5 689
Утилизация и обезвреживание отходов добычи ТЭ ресурсов, млн т	833	1 974	1 881	2 295	2 662
Индекс отходы / экономические блага по виду деятельности «Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых»	1,06	2,00	2,44	2,90	3,45
Индекс отходы / экономические блага по виду деятельности «Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых» за вычетом утилизированных и обезвреженных отходов	0,47	0,67	1,27	1,58	1,83
Производство продукции в металлургическом производстве, тыс. т	116	115	125	132	126
Образование отходов металлургического производства, тыс. т	180	194	137	120	184
Утилизация и обезвреживание отходов металлургического производства, тыс. т	65	80	66	61	102
Индекс отходы / экономические блага по виду деятельности «Металлургическое производство»	1,55	1,69	1,10	0,91	0,56

Источник: [5; 10].

может выступать отношение отходов производства и потребления экономических благ к объемам их производства по конкретному виду экономической деятельности (в дальнейшем — индекс «отходы / экономические блага»). Если значение этого индекса становится больше единицы, то экономический рост трансформируется в «неэкономичный», т. е. расточительный, когда издержки роста начинают превышать его выгоды» [8].

Через предложенный индекс оценим наиболее значимые для России виды экономической деятельности, к которым отнесены добыча топливно-энергетических полезных ископаемых и металлургическое производство, как показано в таблице 5.

Данные таблицы 5 позволяют сделать вывод о «неэкономическом» характере развития такого вида экономической деятельности, как добыча топливно-энергетических полезных ископаемых. Даже расчет индекса с учетом утилизации и обезвреживания отходов, образующихся в этом виде деятельности, не сглаживает представления об экономической эффективности данного вида деятельности [8]. Положительная динамика индекса наблюдается в металлургическом производстве. И снова нужно учитывать тот факт, что в среднем реальная утилизация (рециклинг) отходов составляет не более 20 % всех отходов, обезвреженные отходы в лучшем случае направляют на «энергетическую утилизацию», а значительная часть обезвреженных отходов идет на хранение и захоронение, как видно на рисунке 1.

Таким образом, по итогам выборочного анализа элементов системы обращения с отходами можно утверждать, что сложившаяся в России система «потребление — отходы» имеет признаки системы «расточительного потребления», или системы с «неэкономическим ростом». Следовательно, реализуемая сегодня реформа в сфере обращения с отходами особенно актуальна для страны и должна способствовать тому, чтобы минимизировать предельные затраты роста экономики.

2. *Низкий спрос на вторичные ресурсы и продукцию из вторичного сырья.* Согласно целевым показателям ряда федеральных проектов реализуемого Национального проекта «Экология», к 2030 г. во вторичное использование должно быть вовлечено 34 % отходов промышленности, 40 % отходов строительной отрасли, 50 % отходов сельского хозяйства и 50 % ТКО.

Россия значительно отстает от развитых стран по уровню вовлечения отходов в хозяйственный оборот (более чем 60 % в странах Западной Европы, США, Японии). Если в последние несколько лет СССР в хозяйственный оборот вовлечено свыше 70 % вторичных материальных ресурсов, то в современной России уровень использования и обезвреживания отходов составляет 50 % и лишь 12–17 % отходов вовлекают во вторичное использование. С учетом регионального аспекта степень использования и обезвреживания отходов в России представлена на рисунке 3.

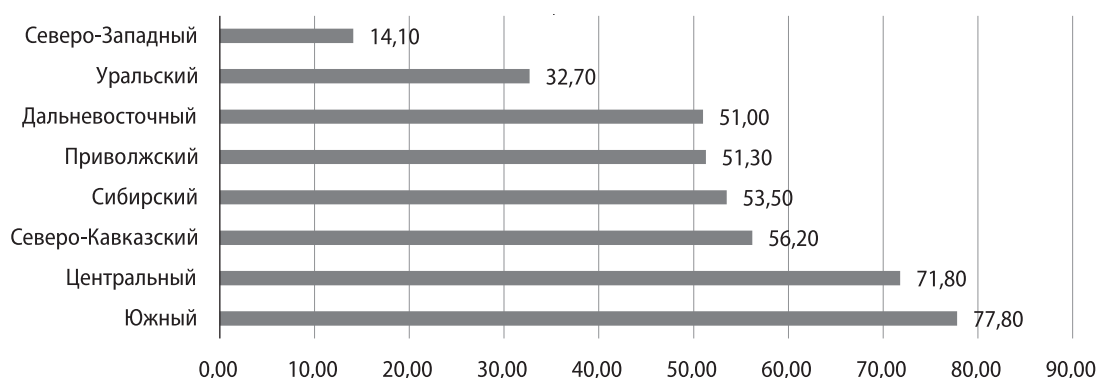

Рис. 3. Степень использования и обезвреживания отходов в различных федеральных округах РФ в 2021 г., %
Fig. 3. Degree of use and detoxification of waste in various federal districts of the Russian Federation in 2021, %

Источник: [11].

Россия в настоящее время занимает ведущие позиции в мире по качеству утилизации радиоактивных отходов, химического оружия и ряда других особо опасных продуктов, утилизации военной техники, по экспорту металлолома и мазута. В целом «за последние 30 лет в экономике страны государством и бизнесом созданы условия для сбора, переработки вторичного сырья и утилизации наиболее эффективных с экономической точки зрения фракций отходов (металлолом, картон, пластик, стекло, снос зданий и т. д.) и экологически опасных отходов (1 и 2 класса опасности). Оставшиеся виды отходов, к которым относятся и ТКО, являются относительно непривлекательными с точки зрения рентабельности утилизации, не являются ценным вторичным ресурсом, и повысить его ценность крайне сложно, но они и не содержат непосредственной экологической и общественной угрозы» [1].

Так, вторичные ресурсы, собираемые в жилищном секторе, отличаются низким качеством из-за отсутствия запрета на выброс смешанных отходов. До 2024 г. осуществлять раздельный сбор отходов только рекомендовалось гражданам. Между тем эксперты отрасли считают именно сортировку ТКО ключевым звеном развития отрасли [12]. Система раздельного накопления отходов (РНО), в свою очередь, не получает должного развития ввиду незаинтересованности региональных операторов по обращению с ТКО: необходимая валовая выручка региональных операторов напрямую зависит от объема аккумулируемых ими отходов.

Существующий в России низкий уровень вторичного вовлечения отходов в хо-

зяйственный оборот связан с высокой конкуренцией вторичного сырья на товарных рынках с первичными ресурсами, поставляемыми крупными энергетическими, металлургическими и химическими компаниями, и в целом при недостаточно эффективном их использовании [13]. Ключевыми факторами, сдерживающими развитие в России рынков вторичного сырья, служат «отсутствие стабильности цен на первичные ресурсы; недостаточный спрос на продукцию из вторичного сырья (продукты переработки); недоработанность природоохранного законодательства; недостаточное распространение системы раздельного накопления отходов (РНО); геополитическая ситуация; нестабильность курса валют, ключевой ставки ЦБ; отсутствие единого стандарта вторичных материалов; нехватка сырья для переработки» [14].

Недостаточность вторичного сырья является следствием отсутствия эффективной системы раздельного накопления отходов (РНО) и нехватки сортировочных мощностей. Кроме того, повышение объемов вторичного использования отходов сдерживалось до недавнего времени отсутствием экономических и законодательных стимулов. Вместе с тем именно максимальное вовлечение отходов в хозяйственный оборот — одно из перспективных решений проблемы, связанной с отходами, согласно принципам экономики замкнутого цикла.

Меры по стимулированию использования вторичных ресурсов:

— утверждение перечня видов продукции (товаров), работ и услуг, производство, выполнение и оказание которых осуществляется с использованием определенной доли

вторичного сырья в их составе (с 1 марта 2024 г., распоряжение Правительства РФ от 2 августа 2023 г. № 2094-р);

– развитие механизма расширенной ответственности производителей упаковки, согласно которому в случаях использования вторичного сырья при производстве упаковки будет применен понижающий коэффициент к размеру экологического сбора, а при более 60 % использования вторичного сырья норматив утилизации для производителя упаковки будут считать выполненным в полном объеме [15];

– утверждение видов товаров, являющихся объектом закупки для обеспечения государственных и муниципальных нужд, к которым предъявляют экологические требования (постановление Правительства РФ от 8 июля 2022 г. № 1224);

– оказание государственной поддержки через Фонд развития промышленности производителям товаров из вторсырья (распоряжение Правительства РФ от 2 августа 2023 г. № 2094-р);

– появление новой отчетной формы по вторсырью (1-ВС), с помощью которой по результатам 2024 г. можно будет точно измерить объем рынка вторичного сырья.

В сущности, наблюдающаяся ситуация в сфере обращения с отходами и вторичными ресурсами совершенствуется, заявленные показатели к 2030 г. в среднем по стране вполне могут быть достигнуты. В ряде регионов требуются решения для достижения заявленных показателей.

3. Не получили должного развития меры по предотвращению образования отходов.

В России, как и в мире в целом, существует иерархия управления ТКО, глобальная цель которой — правильное обращение с отходами. Первой в иерархическом принципе является ступень предотвращения образования отходов, второй — вовлечение отходов в повторное использование. Следовательно, главная задача реформирования отрасли обращения с отходами — организовать

потребление таким образом, чтобы отходы не образовывались. Снижение объемов образующихся отходов позволяет экономить средства и ресурсы, а также становится показателем бережного отношения к окружающей среде. Реализация такого подхода требует наличия соответствующих целевых показателей в документах развития отрасли обращения с отходами. Однако целевыми показателями Государственной программы «Охрана окружающей среды» (постановление Правительства РФ № 326 от 15 апреля 2014 г.) в сфере формирования устойчивой системы обращения с отходами к 2030 г. являются 100 % обработки и сортировки ТКО; снижение захоронения ТКО до 50 % от прошедших обработку ТКО; рост доли утилизации ТКО до 50 %; рост доли использования вторичных ресурсов из отходов до 32 % и т. п. Посредством выполнения мероприятий Государственной программы реализуются второстепенные приоритеты развития отрасли обращения с отходами.

Следствие этого целеполагания — ориентация на строительство предприятия с гигантскими мощностями по сортировке и переработке отходов. Действительно, с 2019 г. в регионах РФ строят восемь межрегиональных экотехнопарков и 565 объектов сортировки, переработки и утилизации отходов. Только для нужд Санкт-Петербурга и Ленинградской области готовятся к запуску в эксплуатацию пять новых современных комплексов по переработке отходов [16]. Следствием целеполагания на снижение полигонного захоронения является и развитие прямого или двухэтапного мусорожигания.

Таким образом, для совершенствования деятельности отрасли обращения с отходами необходимо ставить цели по снижению образования отходов и реализовывать программы, направленные на предотвращение образования отходов. Активно следует поддерживать спрос на продукцию, произведенную из вторичных ресурсов.

Список источников

1. Beyond an age of waste. Turning rubbish into a resource: Global waste management outlook 2024. Nairobi: United Nations Environment Programme, 2024. 116 p. URL: https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/44939/global_waste_management_outlook_2024.pdf?sequence=3 (дата обращения: 30.07.2024).
2. Выбросил, но не забыл: как мир решает проблему бытовых отходов. М.: Консалтинговая группа «Текарт», 2020. 16 с. URL: https://techart.ru/download/insights/0007/3921/add_files/wastes-techart-1595934293.pdf (дата обращения: 30.07.2024).
3. Рейтинг стран по уровню переработки отходов // NoNews. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/recycling> (дата обращения: 30.07.2024).

4. Global waste index 2022 // Sensoneo. URL: <https://sensoneo.com/global-waste-index/> (дата обращения: 30.07.2024).
5. Основные показатели охраны окружающей среды. Статистический бюллетень. М.: Росстат, 2023. 105 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/oxr_bul_2023.pdf (дата обращения: 22.07.2024).
6. Россия и страны мира. 2023: стат. сб. М.: Росстат, 2023. 393 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rus_strani_mira_2023.pdf (дата обращения: 22.07.2024).
7. Новая система обращения с ТКО. Более 6 млн тонн отходов начали утилизировать в РФ ежегодно с начала мусорной реформы // ТАСС. 2024. 4 июня. URL: <https://tass.ru/ekonomika/20994611> (дата обращения: 30.07.2024).
8. Киришин И. А. Экологические ограничения современного экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2014. № 3. С. 86–95.
9. Тихонов С. Риски быстрого перехода на «зеленую» энергетику до конца не оценены // Российская газета. 2021. 28 августа. URL: <https://rg.ru/2021/08/28/riski-bystrogo-perehoda-na-zelenuiu-energetiku-do-konca-ne-oceneny.html> (дата обращения: 30.07.2024).
10. Промышленное производство в России: стат. сб. М.: Росстат, 2023. 261 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Prom_proiz-vo_2023.pdf (дата обращения: 30.07.2024).
11. Макаренко Е. Н., Тяглов С. Г., Шевелева А. В. Вовлечение в хозяйственный оборот отходов производства: российский и европейский опыт // Регионоведение. 2023. Т. 31. № 2. С. 313–334. DOI: 10.15507/2413-1407.123.031.202302.313-334
12. Об утверждении Стратегии развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 25 января 2018 г. № 84-р (в ред. от 13.10.2022) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_289114/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/?ysclid=m2lqro (дата обращения: 30.07.2024).
13. Буданов И. А. Состояние системы утилизации отходов и использования вторичных ресурсов в РФ // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2019. Т. 17. С. 119–142. DOI: 10.29003/m814.sp_ief_gas2019/119-142
14. Волкова А. В. Рынок утилизации отходов. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Центр развития, 2018. 87 с. URL: <https://dcenter.hse.ru/data/2018/07/11/1151608260/%D0%A0%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA%20%D1%83%D1%82%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%BE%D1%82%D1%85%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B2%202018.pdf> (дата обращения: 30.07.2024).
15. Путинцева Н. А., Дмитриева А. А., Насирова М. А. Совершенствование механизма расширенной ответственности производителей – фактор устойчивого развития регионов // Развитие малого предпринимательства в Байкальском регионе: материалы 6-й Междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 23 ноября 2023 г.): науч. электрон. издание. Иркутск: ИД Байкальского государственного университета, 2024. С. 208–214. URL: [https://business.bgu.ru/files/%D0%A1%D0%91%D0%9E%D0%A0%D0%9D%D0%98%D0%9A%20\(%D0%BC%D0%B0%D0%BA%D0%B5%D1%82\).pdf](https://business.bgu.ru/files/%D0%A1%D0%91%D0%9E%D0%A0%D0%9D%D0%98%D0%9A%20(%D0%BC%D0%B0%D0%BA%D0%B5%D1%82).pdf) (дата обращения: 30.07.2024).
16. Путинцева Н. А., Глясс Е. В. Сокращения образования твердых коммунальных отходов — ключевой фактор решения проблем в сфере обращения с отходами в Санкт-Петербурге // Экономический вектор. 2023. № 3. С. 37–43. DOI: 10.36807/2411-7269-2023-3-34-37-43

References

1. Beyond an age of waste: Turning rubbish into a resource. Global waste management outlook 2024. Nairobi: United Nations Environment Programme; 2024. 116 p. URL: https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/44939/global_waste_management_outlook_2024.pdf?sequence=3 (accessed on 30.07.2024).
2. Threw it away, but didn't forget: How the world solves the problem of household waste. Moscow: Techart Consulting Group; 2020. 16 p. URL: https://techart.ru/download/insights/0007/3921/add_files/wastes-techart-1595934293.pdf (accessed on 30.07.2024). (In Russ.).
3. Rating of countries by level of waste recycling. NoNews. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/recycling> (accessed on 30.07.2024). (In Russ.).
4. Global waste index 2022. Sensoneo. URL: <https://sensoneo.com/global-waste-index/> (accessed on 30.07.2024).
5. Key indicators of environmental protection: Statistical bulletin. Moscow: Rosstat; 2023. 105 p. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/oxr_bul_2023.pdf (accessed on 22.07.2024). (In Russ.).
6. Russia and the countries of the world. 2023: Stat. coll. Moscow: Rosstat; 2023. 393 p. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rus_strani_mira_2023.pdf (accessed on 22.07.2024). (In Russ.).
7. New system for handling municipal solid waste. More than 6 million tons of waste have been disposed of in the Russian Federation annually since the beginning of the waste reform. TASS News Agency. Jun. 04, 2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/20994611> (accessed on 30.07.2024). (In Russ.).
8. Kirshin I.A. Ecological restrictions of modern economic growth. *Studies on Russian Economic Development*. 2014;25(3):276-282. (In Russ.: *Problemy prognozirovaniya*. 2014;(3):86-95).
9. Tikhonov S. The risks of a rapid transition to green energy have not been fully assessed. *Rossiiskaya gazeta*. Aug. 28, 2021. URL: <https://rg.ru/2021/08/28/riski-bystrogo-perehoda-na-zelenuiu-energetiku-do-konca-ne-oceneny.html> (In Russ.).

10. Industrial production in Russia: Stat. coll. Moscow: Rosstat; 2023. 261 p. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Prom_proiz-vo_2023.pdf (accessed on 30.07.2024). (In Russ.).

11. Makarenko E.N., Tyaglov S.G., Sheveleva A.V. Involvement in the economic circulation of production waste: Russian and European experience. *Regionologiya = Regionology: Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(2):313-334. (In Russ.). DOI: 10.15507/2413-1407.123. 031.202302.313-334

12. On approval of the Strategy for the development of the industry for the processing, recycling and disposal of production and consumption waste for the period up to 2030. Order of the Government of the Russian Federation of January 25, 2018 No. 84-r (as amended on October 13, 2022). Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_289114/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/?ysclid=m2lqro (accessed on 30.07.2024). (In Russ.).

13. Budanov I.A. Condition of waste disposal system and use of secondary resources in the Russian Federation. *Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN = Scientific Articles: Institute of Economic Forecasting. Russian Academy of Sciences*. 2019;17:119-142. (In Russ.). DOI: 10.29003/m814.sp_ief_ras2019/119-142

14. Volkova A.V. Waste disposal market. Moscow: Development Center, NRU HSE; 2018. 87 p. URL: <https://dcenter.hse.ru/data/2018/07/11/1151608260/%D0%A0%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA%20%D1%83%D1%82%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%BE%D1%82%D1%85%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B2%202018.pdf> (accessed on 30.07.2024). (In Russ.).

15. Putintseva N.A., Dmitrieva A.A., Nasirova M.A. Improving the mechanism of extended producer responsibility – a factor in sustainable development of regions. In: Development of small entrepreneurship in the Baikal region. Proc. 6th Int. sci.-pract. conf. (Irkutsk, November 23, 2023). Irkutsk: Baikal State University Publ., 2024:208-214. URL: [https://business.bgu.ru/files/%D0%A1%D0%91%D0%9E%D0%A0%D0%9D%D0%98%D0%9A%20\(%D0%BC%D0%B0%D0%BA%D0%B5%D1%82\).pdf](https://business.bgu.ru/files/%D0%A1%D0%91%D0%9E%D0%A0%D0%9D%D0%98%D0%9A%20(%D0%BC%D0%B0%D0%BA%D0%B5%D1%82).pdf) (accessed on 30.07.2024). (In Russ.).

16. Putintseva N.A., Glyass E.V. Reduction of municipal solid waste generation is a key factor in solving problems in the field of waste management in Saint-Petersburg. *Ekonomicheskii vektor = Economic Vector*. 2023;(3):37-43. (In Russ.). DOI: 10.36807/2411-7269-2023-3-34-37-43

Сведения об авторах

Наталья Александровна Путинцева

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры государственного
и территориального управления
Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого
195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул.,
д. 29б

Елена Викторовна Ушакова

кандидат экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой менеджмента
и государственного и муниципального
управления
Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики
190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр.,
д. 44а

Поступила в редакцию 01.10.2024
Прошла рецензирование 17.10.2024
Подписана в печать 05.11.2024

Information about the authors

Natalia A. Putinceva

PhD in Economics, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of State
and Territorial Administration
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic
University
29B Politekhnikeskaya st., St. Petersburg 195251,
Russia

Elena V. Ushakova

PhD in Economics, Associate Professor,
Head of the Department of Management
and Public and Municipal Administration
St. Petersburg University of Management
Technologies and Economics
44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020,
Russia

Received 01.10.2024
Revised 17.10.2024
Accepted 05.11.2024

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов,
связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest
related to the publication of this article.

УДК 336.774.5

<http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-10-1235-1244>

Состав и динамика корпоративной проблемной задолженности: основные тренды

Ольга Александровна Львова¹, Николай Евгеньевич Попов²✉

^{1, 2} Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

¹ lvova@spa.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9835-3418>

² popov.nickolay.e@gmail.com✉

Аннотация

Цель. Структурировать результаты статистического исследования, а также сформировать понятийный аппарат, структуру проблемной задолженности российских компаний.

Задачи. Определить доминирующую долю банковских кредитов в структуре финансирования бизнеса на фоне увеличения объема корпоративных облигационных займов; выявить динамику увеличения кредитования и обосновать тренд опережающего роста просроченной корпоративной задолженности в кредитном портфеле российских банков; выявить особенности безнадежных и проблемных долгов, рискованных реструктуризаций, исследовать их динамику и долю; охарактеризовать отраслевую специфику выданных корпоративных кредитов и накопленной просроченной задолженности, а также динамику и индустриальную структуру реструктуризаций банковских кредитов корпоративных заемщиков в острые периоды кризисов последних лет.

Методология. С помощью общих методов научного познания в различных аспектах рассмотрены критерии образования проблемных долгов и их структурирование, тенденции и приоритетные направления работы с проблемными долгами.

Результаты. Установлена доминирующая доля банковских кредитов в структуре финансирования бизнеса в условиях увеличения объема корпоративных облигационных займов; показана динамика увеличения кредитования, обоснован тренд опережающего роста просроченной корпоративной задолженности в кредитном портфеле российских банков; выявлены особенности безнадежных и проблемных долгов, рискованных реструктуризаций, исследованы их динамика и доля. Кроме того, проанализированы вопросы об отраслевой специфике выданных корпоративных кредитов и накопленной просроченной задолженности, а также изучены динамика и индустриальная структура реструктуризаций банковских кредитов корпоративных заемщиков в острые периоды кризисов последних лет.

Выводы. Изучение причин образования проблемных долгов и урегулирования возврата, как процесса с выделением в нем стадий и мер, позволяет выявить специфику проблем регулирования, сформировать представление о структуре проблемных долгов, методах урегулирования, обеспечивающих благоприятные результаты возврата.

Ключевые слова: проблемная задолженность, просроченная задолженность, «плохие» долги, банковский сектор, необслуживаемые кредиты, корпоративные кредиты, реструктуризация кредитов

Для цитирования: Львова О. А., Попов Н. Е. Состав и динамика корпоративной проблемной задолженности: основные тренды // *Экономика и управление*. 2024. Т. 30. № 10. С. 1235–1244. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-10-1235-1244>

Composition and dynamics of corporate troubled debt: Main trends

Olga A. Lvova¹, Nikolay E. Popov²✉

^{1, 2} Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

¹ lvova@spa.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9835-3418>

² popov.nikolay.e@gmail.com✉

Abstract

Aim. This study aims to structure the results of statistical research and develop a conceptual framework for understanding the structure of troubled debt among Russian companies.

Objectives. The work seeks to determine the dominant role of bank loans in business financing alongside the growing volume of corporate bond loans. It identifies trends in rising corporate lending and substantiates the higher-than-expected growth of overdue corporate debt in Russian banks' loan portfolios. Additionally, the study explores the characteristics of bad and troubled debts, risky restructurings, their dynamics, and their share. It analyzes industry-specific patterns in corporate loans and overdue debts and examines the dynamics and structure of loan restructurings during acute crisis periods in recent years.

Methods. Using general methods of scientific knowledge, the criteria for the formation of troubled debts and their structuring, trends and priority fields of work with troubled debts are considered in various aspects.

Results. The dominant share of bank loans in the structure of business financing in the context of an increase in the volume of corporate bond loans has been established; the dynamics of increasing lending has been revealed, the trend of higher-than-anticipated growth of overdue corporate debt in the loan portfolio of Russian banks has been substantiated; the features of bad and troubled debts, risky restructurings have been identified, their dynamics and share have been studied. In addition, issues of industry specifics of issued corporate loans and accumulated overdue debt have been analyzed, and the dynamics and industrial structure of restructurings of bank loans of corporate borrowers during acute periods of crises in recent years have been studied.

Conclusions. Analyzing the causes of troubled debts and structuring the repayment process in stages offers insights into regulatory challenges and debt management strategies. Understanding the structure of troubled debt and applying effective settlement methods will facilitate more favorable outcomes in repayment efforts.

Keywords: troubled debt, overdue debt, bad debt, banking sector, non-performing loans, corporate loans, loan restructuring

For citation: Lvova O.A., Popov N.E. Composition and dynamics of corporate troubled debt: Main trends. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2024;30(10):1235-1244. (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-10-1235-1244>

В современных условиях развития экономики, характеризующихся высокой турбулентностью, разрывом традиционных хозяйственных связей, усиливающимися процессами деглобализации, многие предприятия реального сектора сталкиваются с финансовыми трудностями и сложностями в обслуживании обязательств, а банки — с ухудшением качества кредитных портфелей. В этой связи вопросы управления проблемной задолженностью, как со стороны банковского сектора, так и со стороны компаний, приобретают особое значение, особенно с учетом значимого потенциального объема этого «рынка», который нуждается в исследовании.

Прежде всего укажем, что в литературе наблюдается неоднозначная ситуация, связанная с определением понятия «проблемная задолженность» [1; 2; 3; 4; 5; 6], что подтверждается в статистическом представлении смежных терминов в отчетах Банка России: данные о «просроченной задолженности» и «проблемных кредитах» не совпадают. К примеру, в 2023 г. по корпоративному сегменту доля первой составила 3,7 % [7], второй — 5,4 % [8]. Это говорит о наличии методологических отличий в учете и отчетности банков и компаний реального сектора, которые использует Банк России в разнообразных отчетах. Интерес представляют данные о реструктуризации,

Отношение просроченной задолженности по кредитам (в рублях и иностранной валюте) и корпоративной просроченной задолженности к ВВП России в 2009–2023 гг., %

Table 1. Ratio of overdue debt on loans (in rubles and other country currency) and corporate overdue debt to Russian gross domestic product in 2009–2023, %

Год (2008–2023)	'09	'10	'11	'12	'13	'14	'15	'16	'17	'18	'19	'20	'21	'22	'23
Доля просроченной задолженности по кредитам в ВВП России, %	2,6	2,2	2,0	1,9	2,0	2,5	3,7	3,3	3,1	2,8	3,2	3,8	3,0	2,7	2,3
Доля просроченной корпоративной задолженности в ВВП России, %	2,0	1,6	1,5	1,4	1,3	1,6	2,6	2,3	2,2	2,1	2,5	3,0	2,2	1,9	1,6

Источник: рассчитано авторами по данным Банка России и Росстата.

появившиеся в 2020 г., однако вследствие изменения методик расчета их сопоставимость ограничена.

В структуре кредитного портфеля доля корпоративных кредитов составляет в среднем не менее 69 %, что еще раз подтверждает значимость управления корпоративной задолженностью как предмета исследования. Ежегодно не менее половины корпоративных кредитов выдают на срок свыше трех лет; около 90 % заемщиков — нефинансовые организации. Помимо банковского кредитования, крупные промышленные компании прибегают к долговому финансированию посредством выпуска корпоративных облигаций (часто под плавающую ставку). Но кредитование всегда является доминирующим источником (не менее 54 %), несмотря на плавный рост доли облигационных займов в 2012–2017 гг. (до максимального значения 46 % в 2020 г., хотя в 2012 г. их доля не превышала 34 %) [3]. По мере развития финансового рынка в России бизнес использует новые инструменты, но остается приверженным традиционному кредитованию.

В целом, по данным Банка России, корпоративные кредиты, включая просроченную задолженность, по состоянию на 1 января 2024 г. составляют 38,1 % к валовому внутреннему продукту (ВВП), при этом в последние годы наибольшее значение (42,1 % к ВВП) обнаружено в 2020 г. Это эквивалентно 43,8 % активов банковского сектора России, или 270,5 % инвестиций организаций всех форм собственности в основной капитал, без субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) [9].

Сравнение объема просроченной задолженности с суммой ВВП России за этот же период, как следует из таблицы 1, пока-

зывает значительный объем в абсолютном выражении: в 2020 г. просроченная задолженность составляла 3,9 трлн руб. при ВВП 130,7 трлн руб., то есть достигла 3,8 %. Это максимум за 16 лет, что связано с эффектом пандемии (рост задолженности при снижении ВВП).

В 2023 г. при ВВП в 171,0 трлн руб. просроченная задолженность юридических и физических лиц осталась на уровне 3,9 трлн руб. (2,3 % ВВП). Несмотря на снижение доли последней, приведенные показатели означают, что около 2 % ВВП России могли быть использованы эффективнее при наличии действенных инструментов урегулирования проблемной задолженности, в том числе при вмешательстве государства. Эти показатели также характеризуют объем рынка просроченной задолженности, подлежащей урегулированию, из которого около половины составляет корпоративный сегмент.

В течение 16 лет наблюдается плавный рост задолженности по кредитам в целом по экономике, как видно на рисунке 1, который ускорился в последние десять лет: в 2023 г. объем корпоративных кредитов, предоставленных в рублях и иностранной валюте, достиг 73,2 трлн руб., то есть увеличился в два раза относительно уровня 2014 г. и в 5,7 раза за 16 лет (относительно 2008 г.). Просроченная задолженность за это же время возросла в 2,2 раза (с 1,27 трлн руб. в 2014 г. до 2,73 трлн руб. в 2023 г.; относительно 2008 г. (272 млрд руб.) этот рост составил десять раз.

Таким образом, просроченная задолженность растет быстрее, чем общий объем выданных кредитов, что подтверждает необходимость пересмотра подходов к организации работы с проблемными долгами.

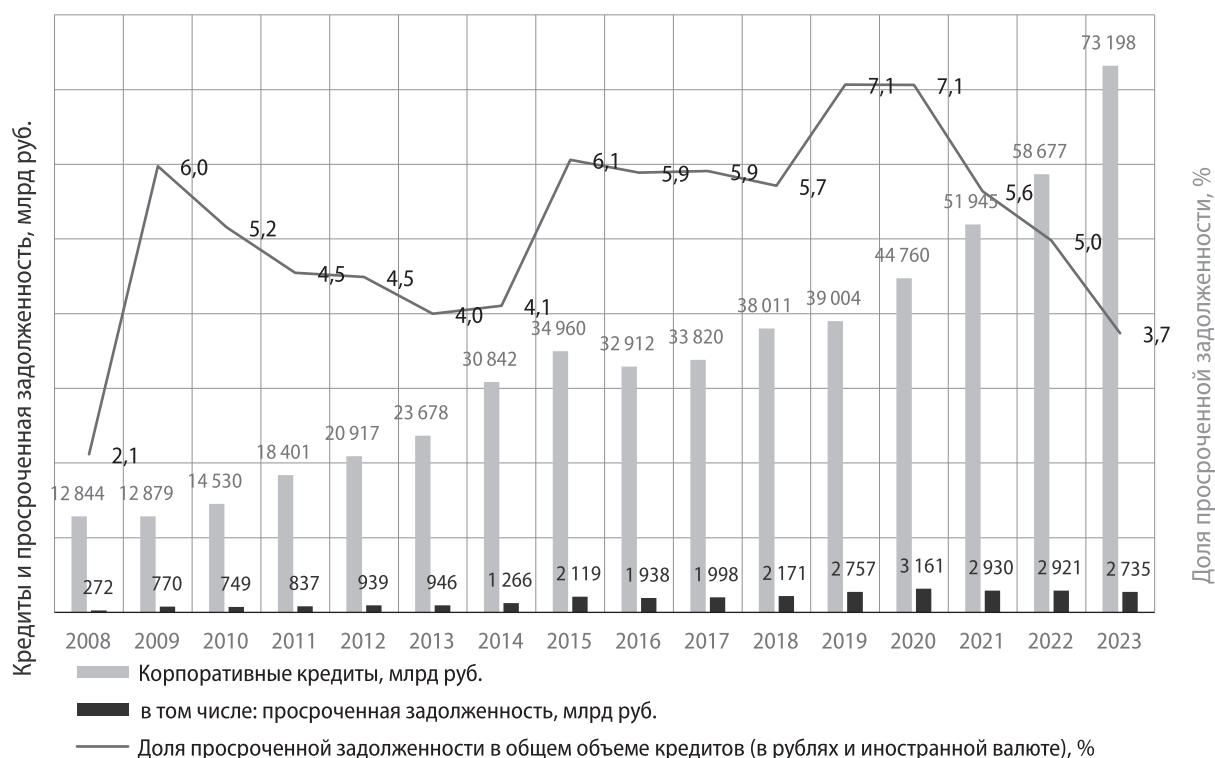

Рис. 1. Динамика объема выданных корпоративных кредитов и просроченной задолженности, 2008–2023 гг.
Fig. 1. Dynamics of the volume of issued corporate loans and overdue debt, 2008–2023

Источник: рассчитано авторами по данным [7].

На рисунках 1 и 2 отражен тот факт, что в 2023 г. в России портфель корпоративной задолженности по кредитам возрос на 24,7 % относительно прошлого года. Это рекордный показатель за исследуемый период. Несмотря на снижение доли просроченной задолженности с 7 % в 2020 г. до 3,7 % в 2023 г., риск перехода новых выданных корпоративных кредитов в категорию просроченной задолженности представляется возрастающим на фоне резкого увеличения выданных сумм.

В периоды макроэкономических кризисов, темп роста просроченной задолженности значительно опережал рост корпоративных кредитов в целом, как видно на рисунке 2. В частности, в 2009 г. объем выданных кредитов практически не изменился относительно прошлого года, а прирост просроченной задолженности составил 183 %; в 2014 г. прирост выданных кредитов равен 30,3 %, а просроченная задолженность увеличилась на 33,8 % относительно 2014 г.; аналогичная ситуация в 2015 г.: прирост 13,4 % по сумме кредитов, 67,3 % — по сумме просроченной задолженности.

Отсутствие аналогичных трендов в другие периоды, характеризующиеся сложными

экономическими условиями (2021–2023), когда темпы роста выданных кредитов опережали рост просроченной задолженности (она снижалась), можно объяснить активизацией мер государственной поддержки заемщиков, применением льготных условий реструктуризации займов банками.

В соответствии с Положением Банка России [10] все ссуды делятся на пять категорий качества, в зависимости от степени кредитного риска и вероятности финансовых потерь вследствие неисполнения (неадекватного исполнения) заемщиком обязательств, что обуславливает обесценение ссуды в определенном размере:

- 1) стандартные — риск и вероятность потери отсутствуют;
- 2) нестандартные — риск умеренный, обесценение 1–20 %;
- 3) сомнительные — риск значительный, обесценение 21–50 %;
- 4) проблемные — риск высокий, обесценение 51–100 %;
- 5) безнадежные — отсутствует вероятность возврата, полное обесценение ссуды в размере 100 %.

Их структура с 2009 по 2020 г. представлена на рисунке 3. В последние годы

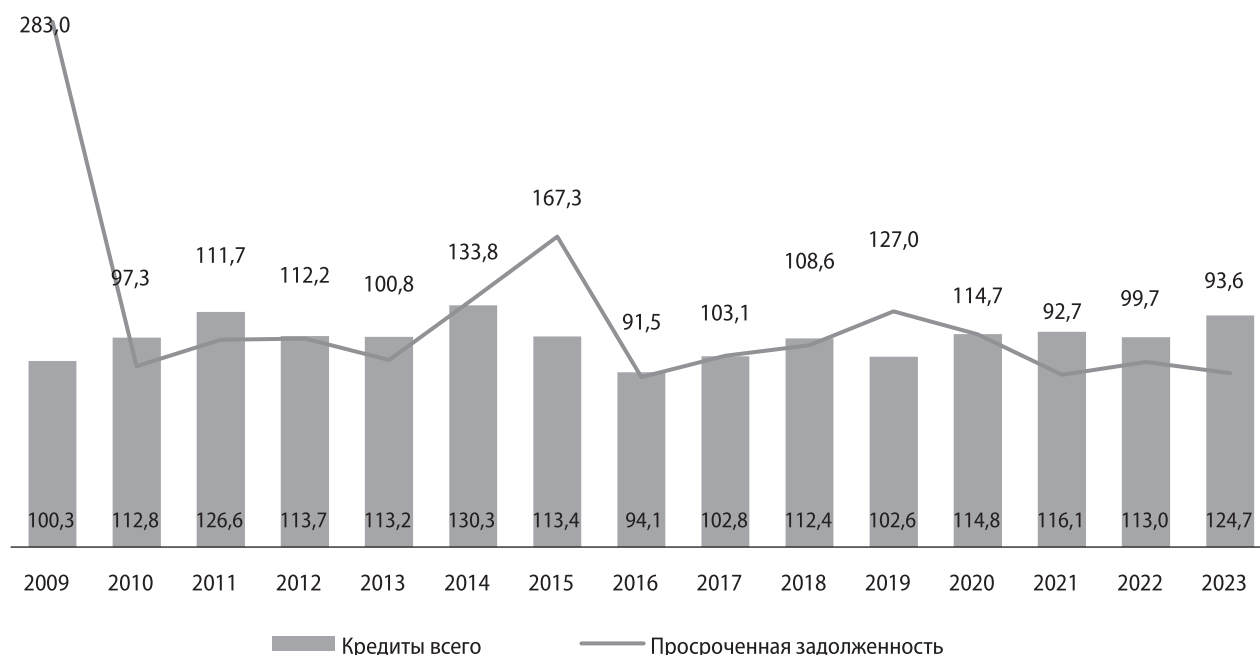

Рис. 2. Темп роста объема выданных корпоративных кредитов и просроченной задолженности в 2009–2023 гг., %
Fig. 2. Growth rate of the volume of issued corporate loans and overdue debt in 2009–2023, %

Источник: рассчитано авторами по данным [7].

наблюдается тренд к снижению доли проблемной задолженности (ссуды IV–V категорий качества) в портфеле банков: если в 2009 г. она составляла около 10 % с некоторыми колебаниями и ростом не выше этой отметки за все годы, то в 2023 г. — сократилась до 5,4 %. Выявлено двух- и трехкратное превышение безнадежных ссуд над проблемными: значит, превентивная работа кредитных организаций по предупреждению проблемности заемщиков не дает значимого результата, то есть не задерживаясь в категории проблемных, ссуды сразу становятся безнадежными.

В третьем квартале 2023 г. Банк России ввел новую методику мониторинга проблемных кредитов, к которым дополнены «потенциально проблемные кредиты» и «рискованные реструктуризации»: совокупная доля таких проблемных долгов всех трех групп в конце 2022 г. составила 13,4 %, в первом квартале 2024 г. — 10,4 %. Это свидетельствует о том, что в действительности категория «проблемная задолженность» все-таки шире, чем классификация ссуд на пять категорий качества. Аналитика банковского сектора становится более приближенной к действительности и прозрачной (хотя в отдельные периоды и трудно сопоставимой).

Среди наиболее рискованных категорий ссуд интерес представляет стабильное двух- или

трехкратное превышение доли безнадежных ссуд над проблемными. Так, в 2022 г. при уровне проблемных 1,8 % доля безнадежных составляла 4,7 % общего объема корпоративной задолженности, к концу 2023 г. эти показатели снизились; по данным за первый квартал 2024 г., совокупная доля IV и V категорий качества составляет 6,5 %. Это свидетельствует о том, что превентивная работа кредитных организаций по предупреждению проблемности заемщиков не дает значимого результата, то есть не задерживаясь в категории проблемных, ссуды сразу становятся безнадежными.

С 2023 г. реальный объем проблемных ссуд в корпоративном портфеле Банк России оценивает почти в два раза выше. С четвертого квартала 2020 г. публикуется аналитический обзор «Банковский сектор», в котором применительно к корпоративным кредитам раскрыты динамика кредитования и общий объем портфеля, сумма реструктуризаций (порой и пролонгаций), сумма проблемных кредитов (IV–V категории качества) и их доля в общем портфеле.

С третьего квартала 2023 г. изменена методика учета общего объема проблемных ссуд таким образом, что к двум последним категориям качества дополнены «потенциально проблемные (плохие) кредиты (без учета реструктуризаций)» и «потенциально

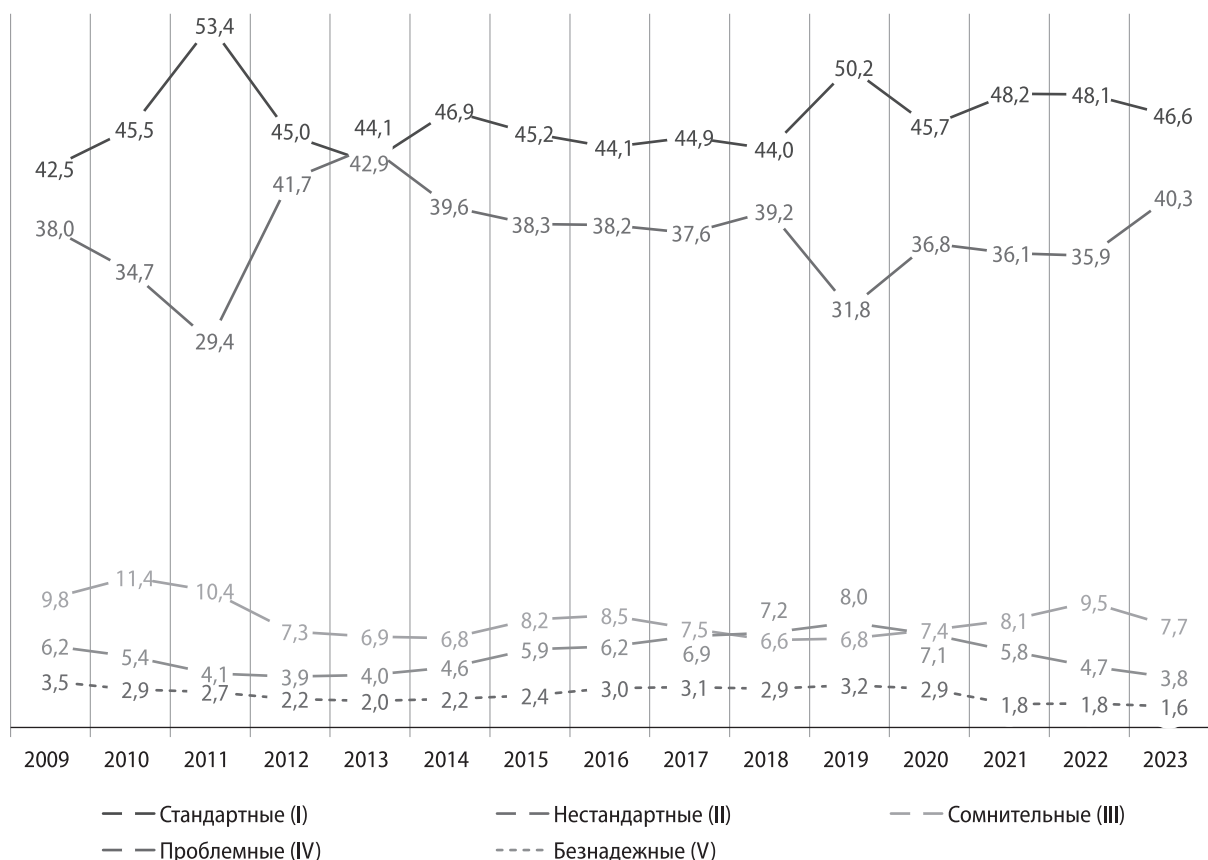

Рис. 3. Структура задолженности по ссудам, предоставленным юридическим лицам (кроме межбанковских кредитов) в России в 2009–2023 гг., % от общего объема предоставленных кредитов
Fig. 3. Structure of debt on loans provided to legal entities (except interbank loans) in Russia in 2009–2023, % of the total volume of loans provided

Источник: рассчитано авторами по данным Банка России.

проблемные (рискованные) реструктуризации». И, хотя в обзоре за четвертый квартал 2023 г. указано, что «в сравнении с предыдущей методикой общий портфель реструктурированных кредитов снизился на 274 млрд руб., на что повлияло внесение изменений^{*}», обобщение доступных ретроспективных данных из аналитических обзоров говорит о том, что совокупная доля проблемных ссуд при таком расчете увеличивается. Это отражено на рисунке 4.

Как видно на рисунке 4, общая доля проблемных ссуд в корпоративном портфеле в третьем квартале 2022 г. составляла 13,4 %, а в первом квартале 2024 г. снизилась до 10,4 %, что в два раза выше, чем

указанная на рисунке 3 доля ссуд низких категорий качества. Несмотря на то, что в обзоре соответствующий график аналогично выглядит накопительным, в описании Банк России обобщает как «проблемные корпоративные кредиты, включая кредиты МСП и госструктурам» только сегмент ссуд IV–V категорий качества и потенциально проблемные кредиты, получая в совокупности долю 6,5 % в первом квартале 2024 г.

Обращаясь к отраслевой структуре корпоративных заемщиков по банковским ссудам [3], можно обнаружить, что за 16 лет она изменилась: если в 2009 г. основную долю составляли торговые предприятия (25 %), то к 2023 г. их доля сократилась

^{*} 1) исключены кредиты, по которым было только снижение процентной ставки либо только увеличение долга, либо комбинация этих факторов; 2) вместо критерия «непогашенные проценты по кредиту превышают один вмененный годовой платеж по процентам» введен критерий «у заемщика отношение задолженности по процентам по всем кредитам к произведению средней процентной ставки по действующим кредитным договорам на средний основной долг заемщика за предыдущие 12 месяцев, превышает 2»; 3) дополнен критерий потенциально проблемной реструктуризации «кредиты заемщикам, у которых десять и более процентов долга классифицировано банками в IV–V к.к.» [13].

Рис. 4. Доля проблемных ссуд в корпоративном портфеле российских банков, %
Fig. 4. The share of troubled loans in the corporate portfolio of Russian banks, %

Источник: рассчитано авторами по материалам [11; 12].

до 11 %; доминирующими заемщиками стали компании обрабатывающих отраслей (сохранили позиции), а также сектор операций с недвижимостью (двукратный рост с 10 % до 20 % за 15 лет).

Отраслевая структура компаний, имеющих просроченную задолженность, заметно отличается: в последние годы основным должником является коммерческая недвижимость, доля которой в 2021–2023 гг. обогнала прежнего «лидера» (обрабатывающую промышленность), на третьем месте — оптовая и розничная торговля. Несмотря на высокую капиталоемкость, сектор строительства занимает около 5–7 % в структуре выданных кредитов, а проблемы с просрочкой обязательств испытывал в 2014–2018 гг., затем его доля существенно сократилась.

Наблюдается положительная динамика реструктуризации задолженности юридических лиц, начавшаяся в период пандемии 2020 г.: объем реструктурированной задолженности к августу 2024 г. возрос в 5,6 раз, достигнув 12,9 трлн руб. (18,9 % совокупного кредитного портфеля). Росту объема реструктуризаций способствуют меры Банка России по предоставлению регуляторных послаблений как для банков, так и для заемщиков из корпоративного сегмента. Пик реструктуризаций в 2022 г. превысил значения 2020 г.: бизнес пострадал больше, чем в период пандемии.

Согласно Докладу об антикризисных мерах Банка России, в момент максимальная доля реструктурированных кредитов юридических лиц в месяц составляла 5 % (в апреле и декабре 2020 г.), а в апреле 2022 г. увеличилась до 8,5 % [14]. Следовательно, несмотря на меры поддержки кредитования, его рост и увеличение объема реструктурированных кредитов, что может восприниматься положительно, ситуация относительно реального качества выданных кредитов ухудшилась.

Это подтверждает высокая доля реструктурированных ссуд. В частности, «наиболее активные реструктуризации проводились в течение двух-трех кварталов 2022 г.: реструктурировано 23 % кредитного портфеля, более 60 % из этих реструктуризаций проведено по кредитам с переменными ставками, существенная часть из них — в рамках описанного выше механизма» [14]. В целом реструктуризации снижают кредитные риски на среднесрочном горизонте, так как позволяют заемщикам уменьшить кредитную нагрузку в наиболее сложных периодах и дают им возможность восстановить кредитоспособность [15]. В отраслевом аспекте динамика реструктуризаций представлена в таблице 2.

В периоды острых кризисов банки реструктурируют кредиты заемщиков из наиболее пострадавших отраслей (авиаотрасль

Динамика реструктуризации задолженности корпоративного сектора по отраслям

Table 2. Dynamics of corporate sector debt restructuring by industry

Период	Отрасли с наибольшей долей реструктуризаций
Четвертый квартал 2020 г.	40 % — сырьевой сектор (нефтегазовый и металлургия), в котором в первом полугодии 2020 г. было снижение цен на рынках, но с третьего квартала 2020 г. цены восстанавливаются; 25 % — коммерческая недвижимость, в основном торговые центры (ТЦ)
Второй квартал 2021 г.	Более 50 % приходится на сырьевые секторы (нефть и газ, металлургия), в которых наблюдается рост цен на сырье, и поэтому риски снижены; опасения вызывают кредиты из остальных отраслей, в особенности коммерческой недвижимости (~20 % реструктуризаций), в отношении которой пока не произошло полного восстановления потоков
Третий квартал 2021 г.	Лишь ~20 % пролонгаций несут в себе повышенный риск в условиях ухудшения эпидемической обстановки, так как приходится на компании из сферы недвижимости; еще 40 % кредитов пролонгировали производственные и сырьевые компании, что не вызывает беспокойства, в том числе ввиду высоких цен на сырье; оставшаяся часть портфеля диверсифицирована по иным отраслям
Четвертый квартал 2021 г.	Более 50 % — компании нефтегазовой, производственной и горно-металлургической отраслей, в которых риски ограничены, в том числе ввиду высоких цен на ресурсы; еще 20 % реструктурировали заемщики из сферы недвижимости и строительства, в которой риски оценены как высокие; остальные реструктуризации равномерно распределены по широкому перечню отраслей
2022 г.	~40 % реструктуризаций пришлось на нефтегазовые, производственные и горно-металлургические компании, среди которых много крупных и устойчивых компаний
Первый квартал 2023 г.	Крупные компании из горно-металлургической и промышленной отраслей (~37 %), а также недвижимости (~14 %), финансов (~13 %) и телекоммуникационной отрасли (~13 %); среди причин можно выделить сложности, связанные с международными расчетами, в том числе по еврооблигациям, что не свидетельствует об ухудшении положения заемщиков; в ряде случаев реструктуризации вызваны трудностями экспортеров при сбыте продукции

Источник: составлено авторами по данным [12].

в 2020 г., коммерческая недвижимость во время пандемии 2020–2021 гг. [1], финансы и телекоммуникации в 2023 г.). Однако около 40 % реструктуризаций ежегодно, с 2020 по 2023 г., стабильно сосредоточено в сырьевом «доходном» секторе с наименьшими рисками (нефть и газ, металлургия, производство), в котором заемщики представляют собой крупные устойчивые компании, сталкивающиеся с негативными трендами ценовых колебаний на ключевые ресурсы и экспортируемые товары.

Доля добывающего сектора, как в структуре выданных кредитов (4,5 % в среднем за 15 лет), так и в объеме просроченной задолженности (1,7 %), представляется незначительной, хотя именно эти заемщики находят в основном поддержку у банков в случае предоставления пролонгации и реструктуризации кредитов.

Индустриальная специфика реструктуризаций банковских кредитов совпадает с отраслевой структурой просроченной задолженности в аспектах металлургии и операций с недвижимостью. Другие отрасли с высокой долей накопленной просроченной задолженности (оптовая и розничная торговля, пищевая промышленность, обработка древесины) остаются не менее востребован-

ными с точки зрения урегулирования проблемной задолженности.

Таким образом, управление проблемной задолженностью представляет собой актуальный вызов для российского банковского сектора, который с 2020 г. проводит все больше реструктуризаций, сохраняя качество кредитного портфеля на приемлемом уровне. Стимулирующие действия регулятора по предоставлению послаблений для банков в острые периоды кризисов и разработку собственных банковских программ реструктуризации кредитов можно оценить положительно с точки зрения повышения устойчивости экономики.

Тем не менее банки предпочитают хеджировать риски и предоставлять возможности реструктуризации относительно надежным заемщикам, столкнувшимся со временными финансовыми трудностями ввиду изменения геополитических и макроэкономических условий. Однако и компании-заемщики, и торговые кредиторы, осознавая масштаб проблемы и современные вызовы, должны адаптировать кредитную политику под изменяющиеся условия, применять технологии управления дебиторской задолженностью, взвешенно подходить к оценке контрагентов при предоставлении заемных средств.

Список источников

1. Бобылева А. З., Аньшин В. М., Птицын А. В. Новые вызовы: сравнительный анализ международных реактивных антикризисных мер в связи с пандемией COVID-19 // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 81. С. 24–48. DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10077
2. Варламова Е. А. Производственный комплекс: из инвестиционного проекта в проблемный актив // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 8. С. 19–24.
3. Львова О. А., Попов Н. Е. Управление проблемной задолженностью компаний: от терминологии к статистике // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 103. С. 53–70. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-53-70
4. Львова О. А., Попов Н. Е. Урегулирование проблемной задолженности как составляющая экономической безопасности государства // Экономическая безопасность государства и бизнеса в условиях глобальной трансформации: монография / под ред. И. В. Манаховой, А. А. Пороховского. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2023. С. 89–102.
5. Смулов А. М., Нурзат О. А. Проблемная задолженность: понятие, основные признаки и меры повышения эффективности возврата проблемных кредитов // Финансы и кредит. 2009. № 35. С. 2–12.
6. Юсупова О. А. Организация администрирования проблемной задолженности в кредитном портфеле коммерческого банка // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2016. № 10. С. 54–66.
7. Динамические ряды показателей отдельных таблиц сборника «Статистические показатели банковского сектора Российской Федерации» // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/159608/obs_tabl20c_do_20240101.xlsx (дата обращения: 05.08.2024).
8. Банковский сектор: аналитический обзор. 1 квартал 2024. М.: Банк России. 2024. 36 с. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/49247/analytical_review_bs-2024-1.pdf (дата обращения: 08.08.2024).
9. Статистические показатели банковского сектора Российской Федерации. 2024. № 260. Апрель // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/49212/obs_260.xlsx (дата обращения: 05.08.2024).
10. О порядке формирования кредитными организациями резервов на возможные потери по ссудам, ссудной и приравненной к ней задолженности: положение Банка России от 28 июня 2017 г. № 590-П // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71621612/?ysclid=m2eegb7057250739449> (дата обращения: 05.08.2024).
11. Задолженность по кредитам, предоставленным юридическим лицам – резидентам и индивидуальным предпринимателям в рублях, по видам экономической деятельности и отдельным направлениям использования средств, млн руб. // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/vfs/statistics/BankSector/Loans_to_corporations/01_02_A_Debt_corp_by_activity.xlsx (дата обращения: 16.01.2024).
12. Банковский сектор: аналитический обзор. I и II кварталы 2024 // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/analytics/bank_sector/analytical_review_bs/ (дата обращения: 08.08.2024).
13. Банковский сектор: аналитический обзор. III квартал 2023. М.: Банк России. 2023. 36 с. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/46673/analytical_review_bs-2023-3.pdf (дата обращения: 08.08.2024).
14. Доклад об антикризисных мерах Банка России. М.: Банк России, 2024. 125 с. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/161810/report_on_anti-crisis_measures.pdf (дата обращения: 05.08.2024).
15. Годовой отчет Банка России 2022. М.: Банк России, 2023. 396 с. URL: https://www.cbr.ru/collection/collection/file/43872/ar_2022.pdf (дата обращения: 05.08.2024).

References

1. Bobyleva A.Z., Anshin V.M., Ptitsyn A.V. New challenges: Comparative analysis of international reactive anti-crisis measures in response to COVID-19. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik = Public Administration. E-Journal*. 2020;(81):24-48. (In Russ.). DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10077
2. Varlamova E.A. Production complex: From an investment project to a distressed asset. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii = Property Relations in the Russian Federation*. 2022;(8):19-24. (In Russ.).
3. Lvova O.A., Popov N.E. Management of corporate distressed debt: From terminology to statistics. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik = Public Administration. E-Journal*. 2024;(103):53-70. (In Russ.). DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-53-70
4. Lvova O.A., Popov N.E. Settlement of problem debt as a component of the economic security of the state. In: Manakhova I.V., Porokhovskii A.A., eds. *Economic security of the state and business in the context of global transformation*. Moscow: Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; 2023:89-102. (In Russ.).

5. Smulov A.M., Nurzat O.A. Problem debt: Concept, main features and measures to improve the efficiency of problem loan repayment. *Finansy i kredit = Finance and Credit*. 2009;(35): 2-12. (In Russ.).

6. Yusupova O.A. Organizing management of non-performing loans in the loan portfolio of the commercial bank. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya = Financial Analytics: Science and Experience*. 2016;(10):54-66. (In Russ.).

7. Dynamic series of indicators of individual tables of the collection “Statistical indicators of the banking sector of the Russian Federation”. Bank of Russia. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/159608/obs_tabl20c_do_20240101.xlsx (accessed on 05.08.2024). (In Russ.).

8. Banking sector: Analytical review. Q1 2024. Moscow: Bank of Russia; 2024. 36 p. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/49247/analytical_review_bs-2024-1.pdf (accessed on 08.08.2024). (In Russ.).

9. Statistical indicators of the banking sector of the Russian Federation. 2024;(260). April. Bank of Russia. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/49212/obs_260.xlsx (accessed on 05.08.2024). (In Russ.).

10. On the procedure for the formation by credit institutions of reserves for possible losses on loans, loan and equivalent debt. Bank of Russia Regulation of June 28, 2017 No. 590-P. Garant.ru. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71621612/?ysclid=m2ee gb7057250739449> (accessed on 05.08.2024). (In Russ.).

11. Debt on loans granted to legal entities – residents and individual entrepreneurs in rubles, by types of economic activity and individual areas of use of funds, million rubles. Bank of Russia. URL: https://www.cbr.ru/vfs/statistics/BankSector/Loans_to_corporations/01_02_A_Debt_corp_by_activity.xlsx (accessed on 16.01.2024). (In Russ.).

12. Banking sector: Analytical review. I and II quarters of 2024. Bank of Russia. URL: https://www.cbr.ru/analytics/bank_sector/analytical_review_bs/ (accessed on 08.08.2024). (In Russ.).

13. Banking sector: Analytical review. Q3 2023. Moscow: Bank of Russia; 2023. 36 p. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/46673/analytical_review_bs-2023-3.pdf (accessed on 08.08.2024). (In Russ.).

14. Report on anti-crisis measures of the Bank of Russia. Moscow: Bank of Russia; 2024. 125 p. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/161810/report_on_anti-crisis_measures.pdf (accessed on 05.08.2024). (In Russ.).

15. Annual report of the Bank of Russia 2022. Moscow: Bank of Russia; 2023. 396 p. URL: https://www.cbr.ru/collection/collection/file/43872/ar_2022.pdf (accessed on 05.08.2024). (In Russ.).

Сведения об авторах

Ольга Александровна Львова

доктор экономических наук, доцент, профессор
кафедры финансового менеджмента

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова

119991, Москва, Ленинские горы, д. 1

Николай Евгеньевич Попов

соискатель факультета государственного
управления

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова

119991, Москва, Ленинские горы, д. 1

Поступила в редакцию 17.09.2024
Прошла рецензирование 14.10.2024
Подписана в печать 05.11.2024

Information about the authors

Olga A. Lvova

D.Sc. in Economics, Associate Professor, Professor
at the Department of Financial Management

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie gory, Moscow 119991, Russia

Nikolay E. Popov

applicant at the Faculty of Public Administration

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie gory, Moscow 119991, Russia

Received 17.09.2024
Revised 14.10.2024
Accepted 05.11.2024

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов,
связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest
related to the publication of this article.

О проблеме формирования оптимального соотношения собственных и заемных средств компании в современных экономических реалиях

Анна Антоновна Векшина

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России), Москва, Россия,
vekshina_a_a@my.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8134-307X>

Аннотация

Цель. Исследовать в контексте текущих тенденций развития отечественной экономики вопросы совершенствования финансовой политики в аспекте поиска оптимальной структуры источников финансирования деятельности компании.

Задачи. Выявить основные элементы структуры капитала и сформулировать сопутствующие положения, не имеющие однозначного подхода к определению объема данных элементов; представить порядок расчета фактической стоимости заемных и собственных источников финансирования и ввиду экономической неопределенности дать им критическую оценку; раскрыть взаимосвязь между факторами внешней среды и стоимостью источников финансирования; определить место финансового поведения при принятии решений о формировании структуры капитала.

Методология. В процессе исследования применены общенаучные и специальные методы, в том числе научного анализа и синтеза данных, сравнительного анализа, визуализации и обобщения, экспертных оценок, а также расчетно-аналитические методы, обзор официальных данных Банка России.

Результаты. Установлено, что в экономической науке не сформировано единого механизма определения оптимальной структуры капитала, а на выбор источников финансирования оказывают влияние такие труднопрогнозируемые в долгосрочной перспективе факторы, как проводимая государством экономическая политика и финансовое поведение собственников. Это существенно усложняет проведение мероприятий по совершенствованию финансовой политики компании. Несмотря на высокие финансовые риски в рамках ужесточения денежно-кредитной политики, сформулированы аргументы в пользу необходимости привлечения заемного капитала для нормального развития бизнеса. Представлены возможные варианты действия эффекта налогового щита, возникающего при привлечении заемных средств.

Выводы. Оптимальное соотношение заемных и собственных средств каждый экономический субъект определяет самостоятельно. После проведения оценки влияния факторов внутренней и внешней среды, согласования количественных и качественных установок по дальнейшему развитию компании руководство принимает решение о модификации структуры капитала. Максимальный уровень рентабельности собственного капитала при минимально возможной средневзвешенной стоимости капитала служит ключевым индикатором, подтверждающим оптимальность выбора источников финансирования. Тем не менее в условиях неопределенности корректировка расчетного соотношения между источниками неизбежна, и ее проводят с учетом оценки потенциальной траектории развития компании, текущих и будущих позиций в отрасли, реальной потребности в привлечении заемных средств и существующих рисков.

Ключевые слова: структура капитала, стоимость источников финансирования, собственные и заемные средства, налоговый щит, стоимость компании

Для цитирования: Векшина А. А. О проблеме формирования оптимального соотношения собственных и заемных средств компании в современных экономических реалиях // Экономика и управление. 2024. Т. 30. № 10. С. 1245–1253. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-10-1245-1253>

© Векшина А. А., 2024

The problem of forming the optimal ratio of equity and debt funds of the company in modern economic circumstances

Anna A. Vekshina

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO MFA of Russia), Moscow, Russia, vekshina_a_a@my.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8134-307X>

Abstract

Aim. The article analyzes the issues of improving financial policy in terms of searching for the optimal structure of sources of financing the company activities in the context of current trends in the Russian economy development.

Objectives. The study examines key elements of capital structure, emphasizing the absence of a definitive approach for determining their volumes. It also presents the procedure for calculating the actual cost of debt and internal funding sources and provides a critical assessment of these costs amid economic uncertainty. Additionally, it discloses the relationship between environmental factors and the cost of financing sources, and determine the position of financial behavior in making decisions on the formation of the capital structure.

Methods. The research employs both general scientific and specialized methods, including scientific analysis and synthesis, comparative analysis, visualization and generalization, expert assessments, as well as calculation and analytical methods, a review of official data of the Bank of Russia.

Results. It was established that economic science has not formed a single mechanism for determining the optimal capital structure, and the choice of financing sources is influenced by factors that are difficult to predict in the long term, such as the state economic policy and the financial behavior of the owners. This complicates significantly the implementation of measures to improve the company financial policy. Despite the high financial risks in the context of tightening the monetary policy, arguments were formulated in favor of the need to raise debt capital for normal business development. The article presents possible options for the effect of the tax shield arising from raising debt funds.

Conclusions. Each economic entity determines the optimal ratio of debt and internal funds independently. After assessing the impact of internal and external environmental factors, coordinating quantitative and qualitative guidelines for the further development of the company, the executive team decides to modify the capital structure. The maximum level of return on equity with the lowest possible weighted average cost of capital is used as a key indicator confirming the optimality of the choice of financing sources. Nevertheless, in conditions of uncertainty, adjustment of the calculated ratio between sources is inevitable, and it is performed taking into account the assessment of the potential trajectory of the company development, current and future positions in the industry, the real need for debt funds and existing risks.

Keywords: capital structure, cost of financing sources, equity and debt funds, tax shield, company value

For citation: Vekshina A.A. The problem of forming the optimal ratio of equity and debt funds of the company in modern economic circumstances. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2024;30(10): 1245-1253. (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-10-1245-1253>

Одной из важнейших задач долгосрочной финансовой стратегии современной компании является определение сбалансированной структуры капитала, отражающей соотношение собственных и заемных средств, в том числе в аспекте их составных источников. Решение указанной задачи обеспечивает максимизацию стоимости компании, что признано в современных реалиях основополагающей идеей стратегического развития бизнеса, содействующей достижению устойчивого финансового положения.

Относительно используемой терминологии в аспекте управления структурой капитала категории «капитал» и «источники финансирования» выступают синонимами. В свою очередь, капитал подразделяется на инвестированный капитал (IC), то есть речь идет о сумме собственного и заемного капитала, и бесплатные обязательства. Последние могут носить как краткосрочный, так и долгосрочный характер. В инвестированный капитал в российской практике принято включать и краткосрочные заемные

средства, которые часто финансируют инвестиционную деятельность компаний, функционирующих в нестабильной среде.

В специализированной литературе представлены различные взгляды на проблему поиска оптимальной структуры капитала. Авторы одной из первых состоявшихся научных теорий, посвященной источникам финансирования деятельности компании, Ф. Модильяни и М. Миллер [1], доказали, что ее стоимость не зависит от структуры капитала, а определяется доходами, полученными от операционной деятельности. Однако такой механизм оценки считается приемлемым лишь в условиях совершенного рынка, то есть в идеальной (абстрактной) экономической среде, что противоречит современным рыночным реалиям.

Авторы «компромиссной» теории А. Краус и Р. Литценбергер [2] определяли оптимальную долю заемных средств в структуре капитала через балансирование налоговой экономии и издержек банкротства. Для обоснования структуры капитала специалисты в области финансового менеджмента и корпоративных финансов обозначали приемлемую структуру капитала через управление уровнем различных финансовых показателей. Например, посредством минимизации средневзвешенной стоимости капитала (Дж. Ван Хорн, Д. М. Вахович [3], Ю. Ф. Бригхэм, М. С. Эрхардт, В. В. Ковалев [4] и др.), выявления вероятности банкротства компании на основе анализа динамики прибыли (И. В. Ивашковский и А. Куприянов [5]), поиска оптимального соотношения операционного и финансового рычагов, максимизации уровня прибыли на акцию, формируемого при минимальном финансовом риске (Т. В. Теплова [6], В. В. Ковалев) и др.

Несмотря на высокую степень проработанности исследуемой проблемы, критический анализ литературы не позволяет сформировать универсального подхода к определению оптимальной структуры капитала, способного с учетом влияния факторов внутренней и внешней среды обеспечить достижение максимальной стоимости компании, которая выражена в количественном и качественном улучшении показателей финансово-хозяйственной деятельности экономического субъекта. «Определение оптимального соотношения между собственным и заемным капиталом» — проблема с однозначной формулировкой. Но при ее решении финансовые службы сталкиваются

с рядом дискуссионных вопросов, которые требуют не только выполнения предварительного расчета, подтверждающего обоснованность выбора соотношения между элементами капитала, но и прогнозирования макро- и микроэкономической ситуации, то есть традиционная количественная оценка дополняется качественным анализом внешних факторов. В аспекте формирования оптимальной структуры капитала в статье приведен ряд практических составляющих, не получивших единого подхода к решению, но являющихся неизбежными и актуальными для проведения мероприятий в рамках долгосрочной финансовой политики в условиях экономической неопределенности.

Особое влияние на принятие управленческих решений в контексте исследуемого вопроса оказывает субъективное отношение компании к обязательствам по кредитам и займам в аспекте наступления финансового риска — риска непогашения. Т. В. Фурсова и К. А. Трофимова пишут: «Высокий уровень заемного капитала может вызвать трудности с обслуживанием долга, особенно в периоды экономического спада» [7, с. 81]. При отрицательной динамике операционной деятельности и неустойчивом денежном потоке экономический субъект не освобожден от обязательств по уплате процентов за пользование заемными средствами, и дефицит денежных средств может привести к ликвидации части активов.

По данным Банка России, в августе 2024 г. средневзвешенные процентные ставки по краткосрочным и долгосрочным кредитам нефинансовых организаций составили 19,0 и 15,2 % соответственно [8], а в августе 2022 г. значения аналогичных показателей находились на уровне 9,8 и 8,4 % соответственно [9]. Данная ситуация в большей степени обусловлена денежно-кредитной политикой государства, направленной на стабилизацию курса рубля и замедление инфляции, а не на развитие бизнес-проектов и повышение рентабельности деятельности экономических субъектов. Так, с 1 октября 2022 г. по 1 октября 2024 г. ключевая ставка Банка России возросла с 7,5 до 19,0 % [10].

Такое колебание ключевой ставки и, как следствие, резкое повышение процентных ставок по кредитам представляют для экономических субъектов значительные ограничения при расчете наиболее приемлемого уровня платных заемных средств, который мог бы обеспечить формирование наилучших

финансово-экономических показателей деятельности. В любом случае удорожание заемных средств становится предпосылкой для пересмотра и поиска более приемлемой структуры капитала в период повышения ключевой ставки.

Помимо кредитов и займов, в состав заемных источников финансирования включены облигации, векселя, лизинг и факторинг. Так, «общая формула расчета стоимости платных заемных источников финансирования (C_{LK}) имеет вид:

$$C_{LK} = \sum_{n=1}^N \frac{CF_n}{(1+r_{LK})^n}, \quad (1)$$

где N — количество платежей в счет погашения основной суммы долга и уплаты процентов;

CF_n — платеж в n -м периоде;

r_{LK} — стоимость заемного капитала.

Расчет отдельных источников заемного капитала имеет определенные особенности. Стоимость кредита и займа выражена в процентной ставке, которая известна исходя из условий договора. Стоимость облигаций (C_O) рассчитывается с учетом их номинала, затрат на размещение и процентных выплат:

$$C_O = \sum_{n=1}^N \frac{P_N \times k_o}{(1+r_o)^n} + \frac{P_N}{(1+r_o)^N}, \quad (2)$$

где P_N — номинал облигации;

k_o — купонная ставка по облигации;

r_o — ставка дисконтирования;

N — число купонных периодов.

При расчете стоимости лизинга (C_L) учитываются платежи по договору, в том числе аванс, выкупная стоимость, платежи в счет погашения стоимости актива, лизингового процента и оплата дополнительных услуг» [11, с. 248–250]. В подтверждение приведем следующую формулу:

$$C_L = \sum_{n=1}^N \frac{P_l}{(1+r_l)^n} + \frac{B}{(1+r_l)^N}, \quad (3)$$

где B — выкупная стоимость актива;

P_l — сумма платежа по договору лизинга, включая дополнительные услуги;

r_l — ставка дисконта;

N — число периодов до окончания договора лизинга.

Для расчета реальной стоимости любого источника заемного капитала процент (ставка дисконтирования или ставка дисконта) корректируется на сумму налоговой экономии, порядок расчета которой представлен в таблице 1.

В рамках мероприятий по привлечению заемного капитала компания должна оценить эффективность принимаемых решений. Если уровень отдачи в виде рентабельности выше стоимости заемного капитала, то компания обладает возможностью привлекать заемный капитал, что в количественном выражении отразится и на показателях кредитоспособности. Чем выше кредитоспособность, тем более оправданным будет считаться проведение агрессивной политики финансирования активов.

Если компания не готова к проведению агрессивной политики финансирования, то анализируют устойчивость рыночных позиций и возможность принимать обязательства на бесплатной основе. Такой вариант приемлем при проведении консервативной политики финансирования оборотных активов, задействованных в операционном цикле. Однако в условиях нестабильности кредиторская задолженность остается лишь условно бесплатным источником, поскольку «поставщики, предоставляя возможность платить позже, в этом случае могут реализовать продукцию по более высокой цене, а также не предоставлять ряд услуг, которые оказываются организациям при более ранней оплате» [11, с. 255].

Главным преимуществом заемных источников финансирования признают наличие потенциального роста рентабельности собственного капитала за счет эффекта финансового рычага. Суть данного механизма состоит в том, чтобы отдача от деятельности, финансируемая платными источниками капитала, превышала процент по заемному капиталу. В таком случае привлечение заемного капитала считают экономически обоснованным, а разница будет формировать прибыль собственников и увеличивать рентабельность собственного капитала. В количественном выражении эффект финансового рычага (ЭФР) может быть рассчитан по формуле:

$$\text{ЭФР} = (1 - t_{PR}) \times \frac{L_c}{E_c} \times \left(\frac{Pr_{Oper}}{IC} - r_1 \right), \quad (4)$$

где t_{PR} — налог на прибыль;

L_c — заемный капитал;

E_c — собственный капитал;

Pr_{Oper} — операционная прибыль;

IC — инвестированный капитал, то есть активы за вычетом бесплатных обязательств;

r_{cp} — средняя фактическая процентная ставка по заемному капиталу.

При интерпретации индикатора (ЭФР) нужно учитывать, чтобы его уровень не только был «положительным», но и принимал наибольшее значение из возможных вариантов, которые могут быть рассмотрены экономическим субъектом при различных модификациях структуры капитала. Рекомендуется рассчитывать отношение ЭФР к рентабельности скорректированных активов ($R_{\text{скорр.Ак}}$)¹, которое при нахождении в границах от 0,2 до 0,5 будет свидетельствовать о безопасном привлечении заемных средств для финансирования деятельности компании [12, с. 15]. Наблюдается тенденция, предполагающая, что пока рентабельность скорректированных активов «выше стоимости заемных средств, то рентабельность собственного капитала будет расти тем быстрее, чем выше соотношение заемного (L_c) и собственного капитала (E_c)» [13].

Система показателей оценки долговой нагрузки включает в себя такие показатели, как коэффициент долга, коэффициент покрытия процентов, мультипликатор собственного капитала и плечо финансового рычага. Исходя из порядка расчета прибылей и убытков коммерческой компании становится очевидным, что затраты, обусловленные получением заемного капитала, уменьшают налогооблагаемую базу, а значит, содействуют снижению суммы по налогу на прибыль, предъявляемой к уплате. Это является еще одним общим преимуществом заемных источников финансирования. Поэтому при проведении финансовой политики требуется производить плановый расчет величины налогового щита, формируемого за счет снижения налоговых платежей на обслуживание заемных средств. Величина налоговой экономии будет зависеть не только от суммы средств, полученной в результате совершения кредитных операций, и ставки по ним, но и от ставки по налогу на прибыль.

В рамках реформирования налогового законодательства с 1 января 2025 г. основная ставка налога на прибыль в соответствии со ст. 284 Налогового кодекса Российской Федерации (НК РФ) увеличится с 20 до 25 % [14]. Это следует учитывать при формировании и совершенствовании структуры капитала. Налоговая экономия приводит к снижению фактической стоимости заем-

ного капитала. Но в целях налогообложения законодательство РФ устанавливает интервалы предельных значений процентных ставок по долговым обязательствам. При признаваемый в качестве расхода платежей по долговому обязательству, оформленному в рублях, не ограничен законодательством, если ставка ниже, чем увеличенная на 50 % действующая ключевая ставка Центрального банка РФ (п. 1.2 ст. 269 НК РФ) [15].

В качестве примера посредством использования условных данных, отраженных в таблице 1, смоделировано действие эффекта налогового щита при разном уровне стоимости долговых обязательств, возникающих сроком на 12 месяцев. При проведении расчета использована основная действующая ставка налога на прибыль — 20 % (t_{pr}).

Следующим сопутствующим дискуссионным вопросом в рамках привлечения краткосрочных обязательств выступает ухудшение показателей ликвидности. Возникновение дисбаланса между ликвидными активами и краткосрочными обязательствами в направлении преобладания последних приводит к существенному снижению показателей ликвидности. Вместе с тем заемный капитал выступает ключевым источником как на стадии роста компании при наращивании оборотных активов, так и на стадии зрелости при финансировании оборотных активов, используемых в операционном цикле. Отказ от привлечения заемного капитала может создать трудности для расширения и развития бизнеса.

Последнее отчасти указывает на финансовый менталитет руководителей в вопросах управления источниками финансирования. Неприятие риска даже при высокой финансовой устойчивости может сформировать у кредиторов негативное отношение к экономическому субъекту из-за отсутствия кредитной истории и низкого кредитного рейтинга, что отрицательно влияет на возможности привлечения заемного капитала в будущем.

Помимо указанных выше преимуществ и общих ограничений при использовании платного заемного капитала, существуют ограничения, характерные для каждого источника, как видно на рисунке 1.

Д. В. Николаева, М. А. Полякова пишут: «Ориентируясь на мировую практику, применение в основном собственного капитала способствует уменьшению некоторых финансовых рисков» [17, с. 6]. Ошибочно

¹ Отношение операционной прибыли (Pr_{oper}) к инвестированному капиталу (IC).

Таблица 1

Действие эффекта налогового щита на стоимость долговых обязательств
Table 1. The impact of the tax shield effect on the cost of debt obligations

Показатель	Значение показателя		
	Вариант 1: кредиты и займы отсутствуют	Вариант 2: годовая ставка по кредиту — 25 % (ниже 3/2 ключевой ставки)	Вариант 3: годовая ставка по кредиту — 40 % (выше 3/2 ключевой ставки)
1	2	3	4
Сумма основного долга по кредиту (<i>D</i>)	0 у. е.	1 000 у. е.	1 000 у. е.
Ключевая ставка ЦБ РФ (<i>i</i>)	20 %	20 %	20 %
Прибыль от продаж	5 000 у. е.	5 000 у. е.	5 000 у. е.
Проценты к уплате (<i>I</i>)	0 у. е.	(250) у. е.	(400) у. е.
Прибыль до налогообложения (по данным бухгалтерского учета)	5 000 у. е.	4 750 у. е.	4 600 у. е.
Прибыль до налогообложения (по данным налогового учета)	5 000 у. е.	4 750 у. е.	5 000 — (1,5 × 20 % × 1 000) = 4 700 у. е.
Налог на прибыль	(1 000) у. е.	(950) у. е.	(940) у. е.
Вывод	Экономия за счет действия налогового щита отсутствует	Налоговая экономия за счет начисления процентных платежей составила 50 у. е.	Налоговая экономия за счет начисления процентных платежей составила 60 у. е.
Формула расчета стоимости источника заемного капитала с учетом налоговой экономии	—	$I \times (1 - t_{pr})$	$D \times (r_{LK} - 1,5 \times i \times t_{pr})$
Реальная стоимость источника заемного капитала	—	$250 \times (1 - 0,2) = 200 \text{ у. е.}$	$1\,000 \times (40 \% - 1,5 \times 20 \% \times 0,2) = 340 \text{ у. е.}$

Источник: составлено автором.

Рис. 1. Основные ограничения собственных и заемных источников финансирования деятельности компании
Fig. 1. The main limitations of internal and debt sources of financing the company activities

Источник: составлено автором на основании [16, с. 144–146].

собственный капитал может быть рассмотрен как бесплатный источник. Однако его стоимость формируется, как минимум, расходами на выплату дивидендов. Акционеры ожидают к начислению такого уровня чистой прибыли, который обеспечит получение дохода по уровню не ниже заработанного на альтернативных инвестициях с эквивалентным уровнем риска. Более того, реинвестированная чистая прибыль выступает для акционеров в качестве альтернативных затрат: потенциально полученные средства с нераспределенной прибыли за отчетный период и продажи акций могли быть ими инвестированы в другие более выгодные проекты.

Стоимость собственного капитала формируется эмиссионными расходами, вызванными размещением новых акций. Такая мера признана обоснованной, если темпы развития бизнеса настолько значительны, что нераспределенной прибыли как источника финансирования недостаточно для достижения оптимальной структуры капитала. Составной частью собственного капитала служат и привилегированные акции, отличающиеся фиксированными выплатами дивидендов, которые производятся в обязательном порядке до выплат дивидендов по обыкновенным акциям.

К наиболее распространенным методам оценки стоимости собственного капитала относятся:

1. Метод дисконтирования дивидендов, или модель Гордона, при которой стоимость собственного капитала зависит от уровня дивидендных выплат. Модель предполагает, что компания постоянно находится на стадии стабильного роста, что обуславливает постоянный темп роста дивидендных выплат. Однако деятельность любого экономического субъекта подвержена влиянию различных факторов, препятствующих начислению дивидендов в соответствии с заданным темпом роста [18, с. 337].

2. Модель оценки доходности финансовых активов, при которой стоимость капитала формируется ставкой безрисковой

доходности и ожидаемой премией за риск. На практике при определении безрисковой доходности принято ориентироваться на доходность долгосрочных государственных облигаций и темпы роста экономики. Например, доходность российских государственных бескупонных облигаций сроком погашения 20 лет на 18 октября 2024 г. составляет 15,07 % годовых [19]. Ожидаемая премия за риск представляет собой дополнительную доходность, которую может получить инвестор сверх безрисковой доходности, однако общепризнанного алгоритма расчета не имеет.

Финансовые службы экономического субъекта могут пренебрегать проведением внутреннего анализа структуры капитала и не оценивать последствия финансового состояния от возможных вариантов распределения источников финансирования деятельности компании. В частности, задачи и функции финансовых подразделений малых и средних организаций могут быть существенно усечены, и, как следствие, достижение оптимальной структуры финансирования может ими не рассматриваться в качестве меры повышения эффективности деятельности.

На основании определения стоимости различных источников финансирования и критического анализа существующих ограничений компания производит многовариантные расчеты рентабельности собственного капитала и средневзвешенной стоимости капитала. Оптимальное сочетание данных индикаторов позволяет выйти на максимальную рыночную стоимость, которая может быть обеспечена в текущих экономических реалиях. Расчетные показатели перед утверждением в качестве целевых должны корректироваться с учетом рыночной позиции компании, инвестиционного потенциала, существующих рисков, потребности в финансировании и иных факторов. Данная мера позволит сформировать целевую структуру капитала, которая потенциально может быть принята руководством компании для улучшения показателей финансовой устойчивости и повышения стоимости бизнеса.

Список источников

1. Modigliani F., Miller M. H. The cost of capital, corporation finance and the theory of investment // The American Economic Review. 1958. Vol. 48. No. 3. P. 261–297.
2. Kraus A., Litzenberger R. H. A state-reference model of optimal financial leverage // The Journal of Finance. 1973. Vol. 28. No. 4. P. 911–922. DOI: 10.1111/j.1540-6261.1973.tb01415.x

3. Van Horne J. C., Wachowicz J. M., Jr. Fundamentals of financial management: 13th ed. Harlow: Pearson Education Limited, 2010. 719 p.
4. Ковалев В. В. Финансовый менеджмент: теория и практика. М.: Проспект, 2023. 1104 с.
5. Ивашковская И. В., Куприянов А. Структура капитала: резервы создания стоимости для собственников компании // Управление компанией. 2005. № 2. С. 34–38.
6. Теплова Т. В. Финансовый менеджмент: управление капиталом и инвестициями: учебник для вузов. М.: Высшая школа экономики, 2000. 502 с.
7. Фурсова Т. В., Трофимова К. А. Формирование оптимальной структуры капитала компании // Поиск (Волгоград). 2023. № 3. С. 81–83.
8. Процентные ставки по кредитным и депозитным операциям кредитных организаций в рублях // Банк России. 2024. Август. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/int_rat/0824/ (дата обращения: 18.09.2024).
9. Процентные ставки по кредитным и депозитным операциям кредитных организаций в рублях // Банк России. 2022. Август. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/int_rat/0822/ (дата обращения: 18.09.2024).
10. Ключевая ставка Банка России // Банк России. URL: https://cbr.ru/hd_base/KeyRate/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.From=01.10.2022&UniDbQuery.To=01.10.2024 (дата обращения: 02.10.2024).
11. Когденко В. Г., Мельник М. В., Быковников И. Л. Краткосрочная и долгосрочная финансовая политика: учеб. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 471 с.
12. Крестникова М. С., Орехов А. А. О применении эффекта финансового рычага для роста стоимости бизнеса // Финансовый вестник. 2020. № 4. С. 14–20.
13. Адамайтус Л. А., Бабинцев А. И., Адамайтус И. М. Анализ рентабельности собственного капитала и эффект финансового рычага // Вектор экономики: электрон. науч. журнал. 2020. № 11. С. 42. URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2020/11/financeandcredit/ADAMAYTIS_Babyntsev_ADAMAYTIS.pdf (дата обращения: 15.09.2024).
14. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (в ред. от 30.09.2024) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&n=466890&base=LAW&from=466853-0&rnd=md6Ncg#4Tf1kRUKGuoTZ2pk> (дата обращения: 02.10.2024).
15. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (в ред. от 08.08.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2024) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/0cef588141a4939f2d2f5d6c0b2e1335f57a6f/ (дата обращения: 02.10.2024).
16. Когденко В. Г. Экономический анализ. Анализ интегрированной отчетности: учеб. пособие для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 499 с.
17. Николаева Д. В., Полякова М. А. Алгоритм построения оптимальной структуры капитала компании // Достижения науки и образования. 2022. № 4. С. 6–10.
18. Володина А. О., Траченко М. Б. Совершенствование оценки стоимости собственного капитала компании // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. Т. 217. № 3. С. 334–345.
19. Значение кривой бескупонной доходности государственных облигаций (% годовых) // Банк России. 2024. 18 октября. URL: https://cbr.ru/hd_base/zcyc_params/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.From=18.10.2024&UniDbQuery.To=18.10.2024 (дата обращения: 19.10.2024).

References

1. Modigliani F., Miller M.H. The cost of capital, corporation finance and the theory of investment. *The American Economic Review*. 1958;48(3):261-297.
2. Kraus A., Litzenberger R.H. A state-reference model of optimal financial leverage. *The Journal of Finance*. 1973;28(4):911-922. DOI: 10.1111/j.1540-6261.1973.tb01415.x
3. Van Horne J.C., Wachowicz J.M., Jr. Fundamentals of financial management: 13th ed. Harlow: Pearson Education Limited; 2010. 719 p.
4. Kovalev V.V. Financial management: Theory and practice. Moscow: Prospekt; 2023. 1104 p. (In Russ.).
5. Ivashkovskaya I.V., Kupriyanov A. Capital structure: Reserves for creating value for the company's owners. *Upravlenie kompaniei*. 2005;(2):34-38. (In Russ.).
6. Teplova T.V. Financial management: Capital and investment management. Moscow: HSE Publ.; 2000. 502 p. (In Russ.).
7. Fursova T.V., Trofimova K.A. Formation of the optimal capital structure of the company. *Poisk (Volgograd)*. 2023;(3):81-83. (In Russ.).
8. Interest rates on credit and deposit operations of credit institutions in rubles. Bank of Russia. August, 2024. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/int_rat/0824/ (accessed on 18.09.2024). (In Russ.).

9. Interest rates on credit and deposit operations of credit institutions in rubles. Bank of Russia. August, 2022. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/int_rat/0822/ (accessed on 18.09.2024). (In Russ.).
10. Key rate of the Bank of Russia. Bank of Russia. URL: https://cbr.ru/hd_base/KeyRate/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.From=01.10.2022&UniDbQuery.To=01.10.2024 (accessed on 02.10.2024). (In Russ.).
11. Kogdenko V.G., Mel'nik M.V., Bykovnikov I.L. Short-term and long-term financial policy. Moscow: Unity-Dana; 2016. 471 p. (In Russ.).
12. Krestnikova M.S., Orekhov A.A. Applying the effect of financial leverage to increase the value of the business. *Finansovyi vestnik = Financial Vestnik*. 2020;(4):14-20. (In Russ.).
13. Adamaytis L.A., Babintsev A.I., Adamaitis I.M. Analysis of profitability of own capital and the effect of the financial leverage. *Vektor ekonomiki*. 2020;(11):42. URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2020/11/financeandcredit/ADAMAYTIS_Babyntsev_ADAMAYTIS.pdf (accessed on 15.09.2024). (In Russ.).
14. Tax Code of the Russian Federation (part two). Federal law of August 5, 2000 No. 117-FZ (as amended on September 30, 2024). Konsul'tantPlyus. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&n=466890&base=LAW&from=466853-0&rnd=md6Ncg#4Tf1kRUKGuoTZ2pk> (accessed on 02.10.2024). (In Russ.).
15. Tax Code of the Russian Federation (part two). Federal law of August 5, 2000 No. 117-FZ (as amended on August 8, 2024, with amendments and additions, comes into force on October 1, 2024). Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/0cef588141a4939f2d2f5d6c0b2e1335fce57a6f/ (accessed on 02.10.2024). (In Russ.).
16. Kogdenko V.G. Economic analysis. Integrated reporting analysis. Moscow: Unity-Dana; 2017. 499 p. (In Russ.).
17. Nikolaeva D.V., Polyakova M.A. Algorithm for constructing the optimal capital structure of a company. *Dostizheniya nauki i obrazovaniya = Achievements of Science and Education*. 2022;(4):6-10. (In Russ.).
18. Volodina A.O., Trachenko M.B. Improving the valuation of the company's own capital value. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2019;217(3):334-345. (In Russ.).
19. The value of the zero-coupon yield curve of government bonds (% per annum). Bank of Russia. Oct. 18, 2024. URL: https://cbr.ru/hd_base/zcyc_params/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.From=18.10.2024&UniDbQuery.To=18.10.2024 (accessed on 19.10.2024). (In Russ.).

Сведения об авторе

Анна Антоновна Векшина

кандидат экономических наук, преподаватель
кафедры учета, статистики и аудита

Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской
Федерации (МГИМО МИД России)

119454, Москва, Вернадского пр., д. 76

Поступила в редакцию 19.10.2024
Прошла рецензирование 30.10.2024
Подписана в печать 05.11.2024

Information about the author

Anna A. Vekshina

PhD in Economics, lecturer at the Department
of Accounting, Statistics and Audit

Moscow State Institute of International
Relations (University) of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation
(MGIMO MFA of Russia)

76 Vernadskogo Ave., Moscow 119454, Russia

Received 19.10.2024
Revised 30.10.2024
Accepted 05.11.2024

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов,
связанных с публикацией данной статьи.
Conflict of interest: the author declares no conflict of interest
related to the publication of this article.

УДК 332.14

<http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-10-1254-1266>

Стратегическое управление ревитализацией сельских районов Китая в рамках концепции цифровой экономики: прошлое, настоящее и будущее

Ван Гуаньюй

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия,
wanghaha@yandex.ru

Аннотация

Цель. Структурировать основные этапы стратегического управления ревитализацией сельских районов Китая в контексте цифровой экономики с акцентом на исторические аспекты, существующие подходы и перспективы.

Задачи. Определить ключевые факторы, влияющие на успешную цифровую трансформацию сельских районов; проанализировать роль цифровых технологий в поддержке устойчивого развития сельских территорий; выявить долгосрочные перспективы стратегии цифровизации в сельском хозяйстве и управлении сельскими территориями.

Методология. Исследование проведено с применением системного анализа и методов стратегического управления. Выполнен анализ OTSW, включающий в себя оценку возможностей и угроз внешней среды, а также внутренних сильных и слабых сторон сельских районов Китая.

Результаты. Цифровая экономика Китая выступает ключевым фактором в преодолении социально-экономических разрывов между городом и сельскими районами. Внедрение цифровых технологий, таких как интернет вещей (IoT) и искусственный интеллект (AI), способствует повышению эффективности сельского хозяйства и улучшению качества жизни в сельских районах. Опыт Китая демонстрирует, что успешное стратегическое управление требует адаптации инновационных технологий с учетом местных условий и долгосрочного планирования.

Выводы. Ревитализация сельских районов Китая через цифровую экономику показывает перспективы устойчивого развития. Оптимизация управленческих процессов на основе цифровых технологий, улучшение инфраструктуры и активизация местных сообществ будут способствовать укреплению национальной экономики и преодолению социально-экономических разрывов.

Ключевые слова: стратегическое управление, цифровая экономика, ревитализация сельских районов, Китай, цифровые технологии, сельское хозяйство

Для цитирования: Ван Гуаньюй. Стратегическое управление ревитализацией сельских районов Китая в рамках концепции цифровой экономики: прошлое, настоящее и будущее // Экономика и управление. 2024. Т. 30. № 10. С. 1254–1266. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-10-1254-1266>

Strategic management of rural revitalization in China under the concept of the digital economy: Past, present, and future

Wang Guangyu

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, wanghaha@yandex.ru

Abstract

Aim. This study aims to outline the main stages of strategic management of rural revitalization in China within the framework of the digital economy, with a focus on historical developments, current approaches, and future prospects.

Objectives. The research identifies key factors that influence the successful digital transformation of rural areas; examines the role of digital technologies in supporting sustainable development of rural areas; and assesses long-term prospects for the digitalization strategy in agriculture and rural management.

Methods. The study employs systems analysis and strategic management methods, along with OTSW analysis (Opportunities, Threats, Strengths, and Weaknesses) to assess external environmental factors and internal dynamics of rural areas in China.

Results. The digital economy plays a vital role in closing socio-economic gaps between urban and rural areas in China. The implementation of technologies such as the Internet of Things (IoT) and artificial intelligence (AI) has enhanced agricultural productivity and improved the quality of life in rural regions. China's experience highlights the importance of adapting innovative technologies to local conditions and the need for long-term strategic planning to achieve sustainable development.

Conclusions. Rural revitalization of China through the digital economy shows prospects for sustainable development. Optimization of management processes based on digital technologies, improving infrastructure and activating local communities will help strengthen the national economy and overcome socio-economic gaps.

Keywords: strategic management, digital economy, rural revitalization, China, digital technologies, agriculture

For citation: Wang Guangyu. Strategic management of rural revitalization in China under the concept of the digital economy: Past, present, and future. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2024;30(10):1254-1266. (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-10-1254-1266>

Введение

Китай, начавший путь к построению современной социалистической страны, уделяет особое внимание возрождению сельских районов как ключевому элементу достижения устойчивого развития. Документ Центрального правительства № 1 за 2021 г. гласит о том [1], что без возрождения сельских территорий будет невозможным возрождение нации. Важно сосредоточиться на решении проблем сельского хозяйства, сельских районов и сельских жителей, что является приоритетом государственной политики. Модернизацию сельских территорий через цифровые технологии рассматривают как стратегический ответ на вызовы цифровой эпохи, направленный на повышение уровня жизни и социально-экономическое развитие сельских регионов. Возрождение сельских районов представляет собой значимый этап в длительном процессе их преобразования

и развития, обладающий как историческим наследием [2], так и очевидными историческими вызовами [3]. Стратегия возрождения сельских районов направлена на повышение уровня их развития и решение проблем, возникших в процессе их роста [4].

Цифровая экономика, обеспечивающая интеграцию цифровых технологий в сельское хозяйство и другие ключевые сферы, играет огромную роль в снижении социально-экономических дисбалансов между городом и сельских территорий. Одним из ключевых инструментов служит создание «цифровых деревень», которые помогают преодолеть традиционные барьеры в доступе к информации и ресурсам [5]. Успешная реализация этой стратегии способствует укреплению национальной экономики и улучшению качества жизни в сельской местности.

Таким образом, использование цифровых технологий для возрождения сельских районов Китая становится важным направлением

Классификация определений и принципов ревитализации в трудах современных исследователей

Table 1. Classification of definitions and principles of revitalization in the works of modern researchers

Автор	Определение	Принципы
Глотова С. Б.	Ревитализация — термин, означающий процессы воссоздания, оживления и восстановления городского пространства	Раскрытие новых возможностей старых территорий и объектов
Демидова Е. В.	Ревитализация является трудоемким элементом, направленным на регенерацию социальной активности и гражданской ответственности	Фокус на социальной стороне пространства и регенерация социальной активности
Неизвестные авторы	Ревитализация сельских территорий начинается с диверсификации экономики, способствуя устойчивому развитию	Диверсификация экономической деятельности на нескольких уровнях
Новикова П., Шефер В. В.	Ревитализация, как устойчивая форма урбанизации, включает в себя междисциплинарное взаимодействие, физические, социальные и финансово-политические аспекты	Стратегическое управление через модели «снизу — вверх», «сверху — вниз» и гибридные модели
Малеева Т. В., Афанасьев К. С.	Ревитализация как процесс возрождения местных сообществ в условиях депопуляции и социально-экономического упадка	Возрождение общественной низовой активности и местного бизнеса
Черкасова О. В.	Ревитализация сельских территорий направлена на повышение занятости, улучшение условий жизни и устойчивое управление природными ресурсами	Сбалансированное территориальное развитие и использование инноваций и технологий

Источник: составлено автором по материалам [7; 6; 8; 9; 10; 11].

государственной политики, направленной на сокращение социально-экономических разрывов и устойчивое развитие сельских территорий.

Ревитализация сельских территорий в рамках концепции цифровой экономики Китая

В последние десятилетия Китай продемонстрировал существенный экономический рост, что привело к значительным преобразованиям как в городских, так и в сельских районах. Однако, несмотря на этот прогресс, сельские территории продолжают сталкиваться с рядом социально-экономических вызовов. В условиях стремительного развития цифровой экономики Китай предпринимает шаги для оживления сельских территорий через внедрение цифровых технологий, что стало значимым аспектом государственной политики. Реализация стратегии возрождения сельских районов, как важнейшее решение и установка XIX Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (КПК), является важной исторической задачей по построению умеренно процветающего общества и всестороннего строительства современной социалистической страны.

В этой связи главным в настоящем исследовании выступает понятие «ревитализация». Чтобы дать определение данного понятия, обратимся к истории происхожде-

ния этого термина в контексте исследований сельских районов Китая. Ревитализация (от лат. re — «возобновление», vita — «жизнь») буквально означает «оживление» или «возвращение жизни» [6]. Изначально этот термин использовали в медицине, но в последние несколько лет его все больше применяют по отношению к городской среде и сельским районам. В контексте настоящего исследования можно утверждать, что ревитализация подразумевает оживление той или иной сельской территории.

Анализ приведенных терминов в таблице 1 позволяет нам вывести ключевые компоненты ревитализации:

- социальная активность — возрождение и активизация местных сообществ, регенерация социальной активности и гражданской ответственности;
- экономическая диверсификация — расширение и разнообразие экономической деятельности, что способствует устойчивому развитию;
- инновации и технологии — внедрение цифровых технологий и инноваций для оживления территорий;
- управление и стратегия — разработка стратегий, включающих в себя анализ складывающейся ситуации, формулировку целей и принципов, создание концептуальных предложений и моделей управления.

Итак, в контексте нашего исследования *ревитализация* — это стратегический процесс оживления и обновления сельских районов,

направленный на восстановление и повышение их социально-экономической активности посредством внедрения цифровых технологий. Данный процесс включает в себя диверсификацию сельской экономики, улучшение инфраструктуры, активизацию местных сообществ и внедрение инновационных управленческих моделей. Цель ревитализации — достижение устойчивого развития сельских территорий, улучшение качества жизни населения и интеграция этих территорий в общенациональную цифровую экономику.

Наряду с вышеизложенным, цифровая экономика представляет собой систему, основанную на использовании цифровых технологий для повышения эффективности и инноваций в различных секторах экономики. В Китае цифровую экономику рассматривают как ключевой инструмент для преодоления социально-экономических разрывов между городом и сельскими районами. Согласно докладу McKinsey & Company [12], цифровая экономика Китая в 2022 г. составила 41 % от валового внутреннего продукта (ВВП) страны, что подтверждает ее значимость и потенциал для дальнейшего развития.

Ревитализация через цифровые технологии

Ревитализация сельских территорий Китая с использованием цифровых технологий включает в себя внедрение интернета вещей (IoT), больших данных, искусственного интеллекта (AI) и блокчейна, что трансформирует ключевые секторы: сельское хозяйство, здравоохранение и образование. Примером служит программа «Интернет+ сельское хозяйство» [13], способствующая повышению урожайности и снижению затрат благодаря использованию датчиков и дронов.

Цифровизация также помогает решать социальные проблемы, такие как доступ к образованию и медицинской помощи. Внедрение телемедицины сократило время ожидания медицинской помощи в сельских районах на 30 % [14]. Проект «Таобао-деревни» [15] — еще один пример успешной цифровой трансформации, позволивший сельским жителям продавать продукцию онлайн, что стимулировало экономический рост и создание рабочих мест [16]. По данным AliResearch [17], количество онлайн-магазинов в сельских районах Таобао увеличилось с 70 000 до 660 000 с 2014

по 2018 г., что продемонстрировало значительный экономический эффект.

Се Куньчао обращает внимание на важность цифровизации экономики для развития регионов Китая, анализируя, каким образом высокотехнологичные предприятия могут стать драйверами регионального развития, формируя стратегические приоритеты на основе ресурсов предприятий и привлекательности рыночного сегмента [18]. Ван Юйшань исследует стратегическое управление инновационным развитием регионов, сравнивая опыт России и Китая и указывая на значимость партнерства, координации научных и образовательных ресурсов для долгосрочного экономического и социального развития регионов [19].

Таким образом, цифровизация сельских районов Китая — комплексный процесс, требующий сотрудничества между государством, бизнесом и местными сообществами для сокращения социально-экономических разрывов и обеспечения устойчивого развития. Далее рассмотрим вопросы ревитализации сельских районов Китая с позиции стратегического управления.

Понятие «стратегическое управление» возникло в 70-х гг. XX в., отражая эволюцию управленческих методов в условиях изменяющегося рынка. Впервые термин использовали И. Ансофф [20] и А. Чандлер [21], работы которых оказали значительное влияние на теорию управления. Стратегическое управление стало актуальным вследствие появления новых задач, вызванных внутренними и внешними изменениями. Например, в США и Японии расширение деятельности компаний привело к усложнению управленческих процессов, а нестабильность внешней среды усилила потребность в адаптации.

И. Ансофф пишет о важности долгосрочного планирования и анализа внешней среды. М. Портер [22] акцентирует внимание на конкурентных силах, Г. Минцберг [23] рассматривает управление как серию решений, а П. Друкер [24] делает акцент на значимости миссии и целей. Р. Румельт [25] и Дж. Куинн [26] выделяют адаптацию стратегии к изменяющимся условиям, а Г. Хэмел [27] и Д. Тис [28] считают важными инновации и динамические способности. Л. С. Шеховцева [29] предлагает комплексный подход, включающий в себя анализ внутренних и внешних факторов, использование разных форм управления

и проактивное поведение для устойчивого развития региона.

Академик Российской академии наук (РАН) В. Л. Квинт дает следующее определение стратегического управления: «Стратегическое управление — это процесс формирования и функционирования системы, обеспечивающей разработку и долгосрочную реализацию стратегии, в соответствии с конкурентными преимуществами, приоритетами и целями» [30, с. 14]. В. Л. Квинт также выделяет несколько ключевых аспектов стратегии:

- стратегия как система поиска и развития доктрины — комплексная система, которая обеспечивает долгосрочный успех при ее полной реализации;
- результат системного анализа и прогнозов — стратегия формируется на основе анализа текущей среды и прогнозов будущих условий;
- формализованная стратегия — включает в себя миссию, видение, приоритеты и долгосрочные цели, которые должны быть реализованы через стратегический план с постоянным мониторингом;
- путеводитель через хаос будущего — стратегия помогает определить приоритеты и цели, несмотря на неопределенность, с учетом ограничений в ресурсах.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что стратегия — это не просто план действий, а комплексный процесс, который включает в себя анализ, прогнозирование, формализацию, реализацию и обеспечивает достижение долгосрочного успеха в условиях неопределенности. Таким образом, стратегия ревитализации — комплекс мероприятий и действий, направленных на восстановление и развитие сельских районов, обеспечивающий долгосрочный успех и устойчивое развитие при последовательной и полной реализации.

Методология стратегического управления академика В. Л. Квинта, успешно применяемая для создания стратегий на разных уровнях [31], помогает лучше понять процессы планирования и реализации для трансформации сельских районов. Его подход объединяет философские основы, системный анализ и интуитивное предвидение, указывая на важность долгосрочного видения, дисциплины и адаптивности к неопределенностям. В. Л. Квинт считает, что успешные стратеги должны предвидеть долгосрочные тенденции и быстро адап-

тироваться к изменениям. Ключевые элементы стратегии — интуиция, системный анализ, адаптивность, управление рисками и учет культурных факторов — помогают сбалансировать долгосрочные цели и гибкость [32].

В. Л. Квинт подробно описывает OTSW-анализ (Opportunities, Threats, Strengths, Weaknesses), который является адаптацией SWOT-анализа, разработанного А. С. Хамфри. Основное отличие заключается в том, что OTSW-анализ начинается с оценки возможностей и угроз внешней среды, а затем переходит к внутренним факторам. Это делает его более точным для формирования стратегического видения и приоритетов [30, с. 76].

В рамках настоящего исследования проведем OTSW-анализ, который нашел отражение на рисунке 1.

OTSW-анализ показывает, что возможности цифровизации сельских районов Китая заключаются в технологических достижениях, поддержке государства и доступе к глобальным рынкам. Однако угрозы, такие как цифровой разрыв и экономическое неравенство, могут замедлить развитие. Сильными сторонами можно считать богатое культурное наследие, сельскохозяйственную базу и местные инициативы. Вместе с тем слабая инфраструктура, дефицит цифровых навыков и непоследовательная реализация политики могут ограничить успешную цифровизацию.

В контексте определения стратегического управления, по В. Л. Квинту, объектом стратегирования в нашем случае выступает сельский район Китая. Следует учитывать местные условия и возможности, сохраняя связь с общегосударственными приоритетами. Стратегия разрабатывается на основе анализа внутренней и внешней среды, в том числе ресурсов и инновационных достижений. Иерархическая модель выбора стратегии помогает оценивать социально-экономический эффект и сценарии для принятия оптимальных решений. Постоянный мониторинг и адаптация стратегии обеспечивают гибкость и эффективность в изменяющихся условиях.

Система стратегического управления В. Л. Квинта включает в себя несколько ключевых элементов. Основная миссия — создание устойчивых сельских сообществ через внедрение цифровых технологий, с видением интеграции сельских районов в национальную и глобальную цифровую

Рис. 1. Матрица анализа OTSW (возможностей, угроз, сильных и слабых сторон) стратегического управления возрождением сельских районов в Китае в рамках концепции цифровой экономики

Fig. 1. OTSW (opportunities, threats, strengths and weaknesses) analysis matrix for strategic management of rural revitalization in China within the framework of the digital economy concept

Источник: составлено автором согласно [30].

экономику. Как пишет И. В. Новикова [31], внедрение цифровых технологий открывает возможности для инновационного управления сельским хозяйством и улучшения инфраструктуры. Применение сенсоров, дронов и автоматизации способствует повышению урожайности и эффективности производства. Целеполагание фокусируется на улучшении качества жизни, увеличении доходов и создании рабочих мест через развитие цифровой экономики. В целевые программы входят обучение цифровым навыкам и развитие инфраструктуры. Реализация стратегии предполагает разработку тактических планов и мониторинг с учетом местных условий и потребностей фермеров, что делает внедрение IoT и AI более эффективным.

Цифровая трансформация сельских районов Китая включает в себя применение сетевых технологий и информатизации для развития сельского хозяйства и повышения информационных навыков фермеров. В 2019 г. правительство Китая представило План стратегии развития цифровой деревни [33], который предусматривает:

– к 2020 г. — достижение начального уровня цифрового развития и увеличение проникновения интернета;

– к 2025 г. — существенный прогресс в цифровизации, сокращение цифрового разрыва и создание центров сельской электронной коммерции;

– к 2035 г. — значительное развитие цифровых деревень, повышение цифровой грамотности и модернизация сельского хозяйства.

Цифровая экономика становится ключевой движущей силой повышения эффективности сельского хозяйства, интеграции сельских и городских районов, а также увеличения уровня потребления фермеров.

В таблице 2 представлен структурированный обзор стратегического управления ревитализацией сельских районов Китая в контексте цифровой экономики, объединяющий период от начала модернизационных реформ до современности и предполагаемых будущих направлений. В таблице 2 выделены три ключевых временных периода (прошлое, настоящее и будущее), а также главные аспекты, влияющие на развитие сельских районов в цифровую эпоху.

На рисунке 2 дана схема, иллюстрирующая механизм управления внутренними связями для достижения результатов в цифровой экономике. На схеме показаны основные

ВАН ГУАНЬЮЙ. Стратегическое управление ревитализацией сельских районов Китая в рамках концепции цифровой экономики: прошлое, настоящее и будущее

Краткий обзор стратегического управления ревитализацией сельских районов Китая в рамках концепции цифровой экономики: прошлое, настоящее и будущее

Table 2. A brief overview of strategic management of rural revitalization of China within the digital economy concept: Past, present and future

Прошлое. Ранние этапы и предпосылки		Настоящее. Современные стратегии и достижения		Будущее. Перспективы и вызовы	
Исторический контекст	Цифровые инициативы	Основные стратегии	Ключевые достижения	Будущие направления	Возможные вызовы
В 1978 г. Китай начал реформы и открытую политику, что стало первым шагом к модернизации сельских районов. В 2000-х гг. началась активная реализация программ по улучшению инфраструктуры в сельских районах, таких как Новая социалистическая деревня	В 2004 г. введена программа «Золотая деревня», направленная на развитие информационных технологий (ИКТ) в сельских районах. В 2010-х гг. появились первые успешные примеры внедрения интернет-платформ для сельского хозяйства, что улучшило доступ к рынкам и информации для фермеров	Программа «Стратегия ревитализации сельских районов» 2017 г., нацеленная на интеграцию цифровых технологий для экономического и социального развития сельских районов. Развитие инфраструктуры 5G и интернета вещей (IoT) для сельского хозяйства, что улучшит управление ресурсами и повысит продуктивность	Финансовые субсидии и гранты на развитие цифровой инфраструктуры в сельских районах. Образовательные программы для фермеров и местных предпринимателей, направленные на повышение цифровой грамотности и навыков использования новых технологий	Углубление интеграции цифровых технологий в сельское хозяйство через использование искусственного интеллекта и машинного обучения для прогнозирования урожаев и управления климатическими рисками. Развитие устойчивых энергетических решений, таких как солнечная и ветровая энергия, для обеспечения энергетической независимости сельских районов	Неравномерное распределение цифровых технологий и доступ к ним между разными регионами страны. Необходимость в постоянной модернизации инфраструктуры и обучения населения для эффективного использования новых технологий. Социальные и культурные барьеры, связанные с восприятием цифровых инноваций в традиционных сельских сообществах

Источник: составлено автором.

компоненты, необходимые для эффективного управления и достижения результатов. Данная схема отражает главные идеи стратегического управления, описанные Квинтом. Она начинается с цифровой экономики как основы, внедряющей различные технологии и платформы. Механизм, управляемый внутренними силами, представляет собой стратегические действия и инициативы, которые приводят к преобразованиям. Их кульминация — желаемые результаты возрождения сельских районов и повышение качества жизни.

Стратегические рамки отражены следующими способами:

- интеграция инноваций — упор на интеллектуальные устройства и технологии соответствует принципу В. Л. Квинта по использованию инноваций для получения стратегических преимуществ;
- системный подход — использование цифровых платформ и инфраструктуры указывает на важность системного и целостного подхода к стратегии;
- операционная эффективность — точное земледелие и повышение качества и

безопасности продукции отражают акцент В. Л. Квинта на операционной эффективности и стратегическом управлении ресурсами;

- устойчивость и воздействие на общество — защита окружающей среды и улучшение услуг для сельского населения отражают долгосрочное воздействие на общество и устойчивость, на которые обращает внимание Квинт.

Организуя эти компоненты в целостную интеллектуальную карту, диаграмма иллюстрирует комплексную стратегию, которая включает в себя технологическую интеграцию, системное планирование, операционную эффективность и влияние на общество. Все из них являются ключевыми принципами стратегического мышления и философии управления академика Квинта. С учетом вышеизложенного и руководствуясь концепцией стратегирования В. Л. Квинта, как видно на рисунке 3, можно выделить главные этапы стратегического управления ревитализацией сельских районов Китая в рамках цифровой экономики.

Во-первых, стратегия ревитализации направлена на восстановление и развитие

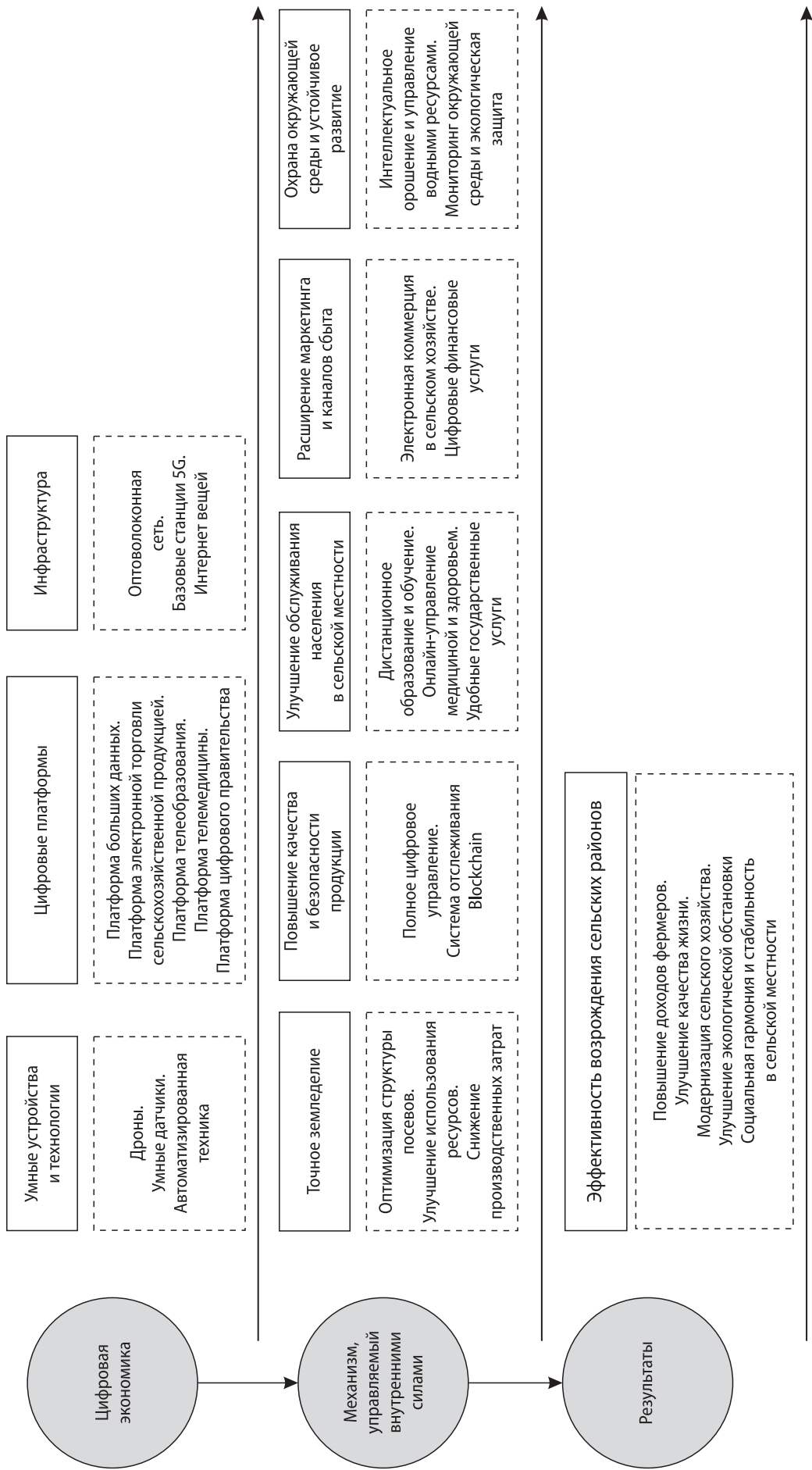

Рис. 2. Карта мышления для долгосрочного стратегического управления
Fig. 2. Thinking map for long-term strategic management

Источник: составлено автором на основе [30].

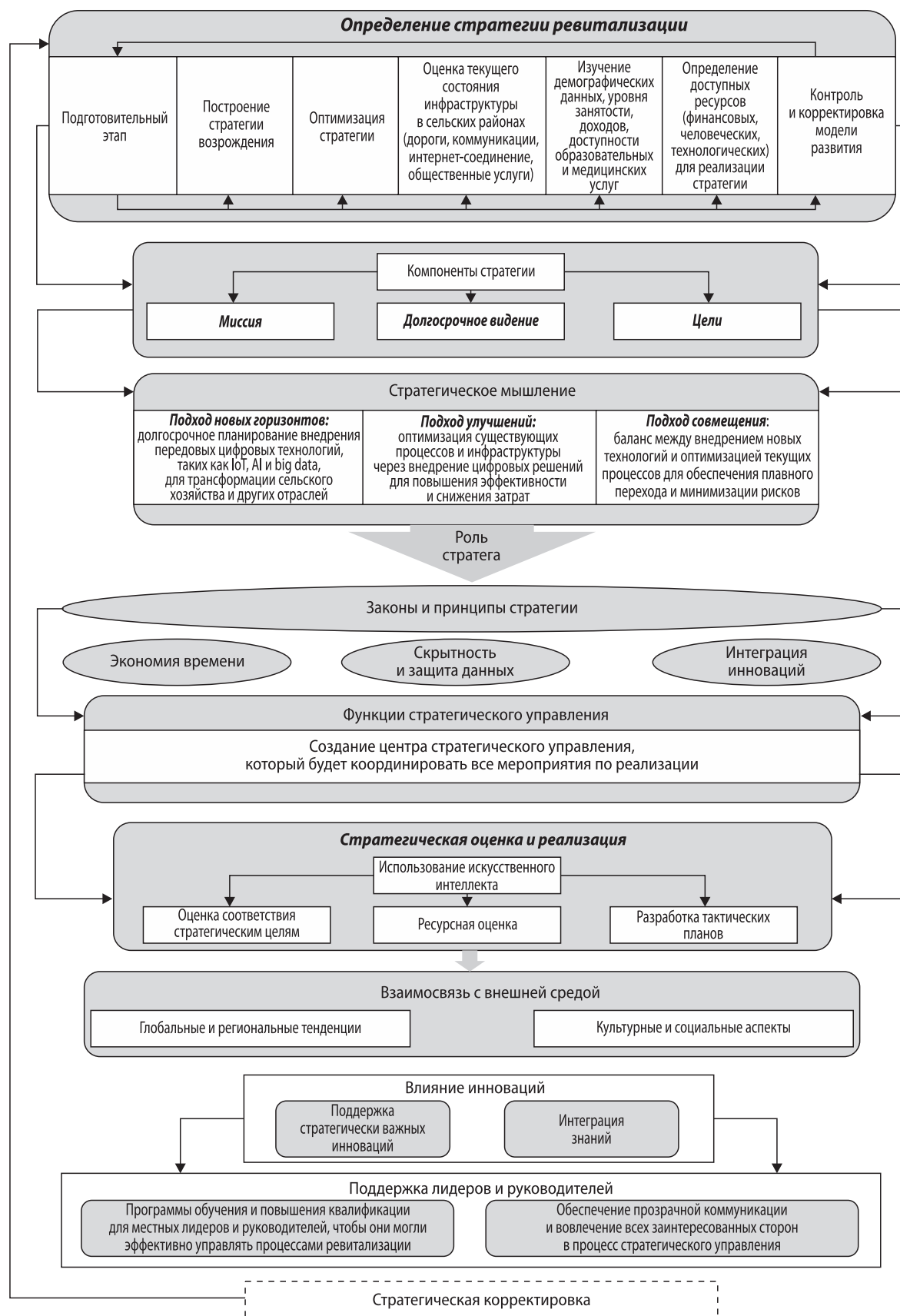

Рис. 3. Стратегическое управление ревитализацией сельских районов Китая в рамках концепции цифровой экономики, основанной на концепции В. Л. Квинта

Fig. 3. Strategic management of rural revitalization in China within the digital economy concept based on the concept of V. L. Kvint

Источник: составлено автором на основе [30].

сельских районов для долгосрочного успеха и устойчивого развития. Во-вторых, формируются основные компоненты стратегии: миссия (повышение качества жизни через цифровые технологии), долгосрочное видение (создание умных сельских поселений с устойчивым экономическим ростом) и цели (улучшение инфраструктуры, доступ к образованию и медицине, поддержка предпринимательства и создание рабочих мест). Третьим этапом служит стратегическое мышление, которое включает в себя долгосрочное планирование внедрения цифровых технологий, оптимизацию существующих процессов и баланс между новыми технологиями и их интеграцией с текущими системами. Четвертый этап отражает роль стратега, который должен обладать способностью предвидеть развитие в будущем технологий и их влияние на сельские районы, а также умением адаптировать мировые практики к местным условиям, проявляя мудрость и дисциплину в принятии взвешенных решений, основанных на глубоком анализе и прогнозировании.

Пятый этап включает в себя законы и принципы стратегии, в том числе экономию времени, скрытность и защиту данных, интеграцию инноваций, направленные на быстрое внедрение и адаптацию цифровых технологий, обеспечение кибербезопасности и постоянный мониторинг инновационных решений. Шестой этап посвящен функциям стратегического управления, включая формирование и функционирование системы управления, управление рисками, оценку инфраструктуры и ресурсов, разработку тактических планов по этапному внедрению технологий и проектов. Седьмой этап рассматривает взаимосвязь с внешней средой, учитывая глобальные и региональные тен-

денции, а также культурные и социальные аспекты сельских районов при внедрении новых технологий и подходов.

Восьмой этап акцентирует внимание на поддержке стратегически важных инноваций и интеграции знаний, направленных на обеспечение конкурентных преимуществ и улучшение качества жизни. Наконец, девятый этап фокусируется на поддержке лидеров и руководителей через программы обучения и повышения квалификации, обеспечение прозрачной коммуникации и вовлечение всех заинтересованных сторон в процесс стратегического управления. Завершающий этап — стратегическая корректировка, которая рассмотрена как один из элементов и результатов эффективного стратегического контроля и мониторинга. Она направлена на совершенствование стратегического планирования и стратегии.

Выводы

Ревитализация сельских территорий Китая в рамках цифровой экономики включает в себя внедрение современных технологий для повышения экономического и социального благополучия. Выделены ключевые компоненты: социальная активность, экономическая диверсификация, инновации, технологии, управление и стратегия. Проекты, такие как «Интернет+ сельское хозяйство» и «Таобао-деревни», демонстрируют, каким образом цифровизация сокращает социально-экономические разрывы. Методология В. Л. Квинта помогает разработать эффективные стратегии для трансформации сельских районов. Будущее ревитализации зависит от внедрения технологий и учета региональных и культурных особенностей для устойчивого развития.

Список источников

1. Мнения Центрального комитета Коммунистической партии Китая и Государственного совета о всестороннем содействии возрождению сельских районов и ускорении модернизации сельского хозяйства и сельских районов // Центральный портал народного правительства КНР (сеть правительства Китая). URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2021/content_5591 (дата обращения: 17.06.2024). (На кит.).
2. Го Юаньчжи, Лю Яньсуй. Процесс развития сельских районов в Китае и путь возрождения сельских районов // Географический журнал. 2021. Т. 76. № 6. С. 1408–1421. (На кит.).
3. Чжан Хайпэн, Гао Лянлян, Янь Кун. Теоретическое происхождение, основные инновации и пути реализации стратегической идеи возрождения сельских районов // Сельская экономика Китая. 2018. № 11. С. 2–16. (На кит.).
4. Хэ Сюэфэн. Несколько вопросов, касающихся осуществления стратегии возрождения сельских районов // Журнал Нанкинского сельскохозяйственного университета (издание по общественным наукам). 2018. Т. 18. № 3. С. 19–26.
5. Чжао Чэнвэй, Сюй Чжуцин. Механизм, проблемы и стратегии цифрового сельского строительства на пороге качественного развития // Цюши. 2021. Т. 48. № 5. С. 44–52. (На кит.).

6. Барабанов А. А. Социально-культурные и семантические принципы ревитализации индустриального наследия // *Эко-потенциал*. 2013. № 3-4. С. 236–247.
7. Глотова С. Б. К вопросу о способности конвертируемых промышленных объектов соответствовать критериям современной жилой архитектуры // *Архитектура и современные информационные технологии: междунар. электрон. науч.-образов. журнал*. 2010. № 3. С. 4. URL: <https://marhi.ru/AMIT/2010/3kvart10/glotova/glotova.pdf> (дата обращения: 17.06.2024).
8. Демидова Е. В. Реабилитация промышленных территорий как части городского пространства // *Академический вестник УралНИИпроект РААСН*. 2013. № 1. С. 8–13.
9. Морозова Н. С., Муравьева Н. А. Ревитализация сельских территорий: диверсификационный подход // *Социально-экономические явления и процессы*. 2014. Т. 9. № 12. С. 174–179.
10. Новикова П., Шефер В. В. Формирование стратегии при ревитализации депрессивной городской среды // *Экономика строительства*. 2023. № 2. С. 99–107.
11. Журавлев Д. М. Теоретические и методологические основы стратегирования социально-экономического развития региона: дис. ... д-ра экон. наук. М., 2020. 308 с.
12. Woetzel J., Seong J., Wang K. W., Manyika J., Chui M., Wong W. Digital China: Powering the economy to global competitiveness. Washington, DC: McKinsey & Company, 2017. 24 p. URL: https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/industries/technology%20media%20and%20telecommunications/high%20tech/our%20insights/digital%20china%20powering%20the%20economy%20to%20global%20competitiveness/mgi_digital-china_executive-summary_dec-2017.pdf (дата обращения: 17.06.2024).
13. Internet plus agriculture: A new engine for rural economic growth in the People's Republic of China. Mandaluyong City: Asian Development Bank, 2018. 94 p. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/455091/internet-plus-agriculture-prc.pdf> (дата обращения: 17.06.2024).
14. The role of ICT during the COVID-19 pandemic. Washington, DC: The World Bank, 2023. 28 p. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/01f96f8b40cf2c5844e29d9aa10b5ee9-0070012023/original/PN6-Role-of-ICT.pdf> (дата обращения: 17.06.2024).
15. E-commerce development: Experience from China. Washington, DC: The World Bank, 2019. 34 p. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/823771574361853775/pdf/Overview.pdf> (дата обращения: 17.06.2024).
16. Alibaba Group fiscal year 2022 annual report. Hangzhou: Alibaba Group, 2022. 388 p. URL: <https://static.alibabagroup.com/reports/fy2022/ar/ebook/en/index.html> (дата обращения: 14.07.2024).
17. Динамическая информация // AliResearch. URL: <http://www.aliresearch.com> (дата обращения: 14.07.2024). (На кит.).
18. Се Куньчао. Стратегические приоритеты развития предприятия в региональной цифровой экономике Китая: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2024. 28 с.
19. Ван Юйшань. Стратегическое планирование инновационного развития регионов России и Китая: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2023. 28 с.
20. Ансофф И. Стратегическое управление / пер. с англ. М.: Экономика, 1989. 519 с.
21. Chandler A. D., Jr. Strategy and structure: Chapters in the history of the American industrial enterprise. Cambridge, MA: The MIT Press, 1962. 463 p.
22. Портер М. Э. Конкурентная стратегия: методика анализа отраслей и конкурентов / пер. с англ. Н. Минервин. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 452 с.
23. Минцберг Г., Альстрэнд Б., Лэмпел Дж. Школы стратегий. Стратегическое сафари: экскурсия по дебрям стратегий менеджмента / пер. с англ. Д. Раевская, Л. Царук. СПб.: Питер, 2000. 336 с.
24. Друкер П. Ф. Практика менеджмента / пер. с англ. И. Веригина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. 299 с.
25. Румельт Р. Хорошая стратегия, плохая стратегия. В чем отличие и почему это важно / пер. с англ. О. Медведь. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 434 с.
26. Куинн Дж. Б. Стратегии изменений: логическая инкрементальность / пер. с англ. М.: Экономика, 1982. 320 с.
27. Хэмел Г. (при участии Б. Брина). Будущее менеджмента / пер. с англ. В. Мишучков. СПб.: BestBusinessBooks, 2013. 276 с.
28. Тис Д. Динамические способности и стратегическое управление: организация для инноваций и роста / пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2011. 304 с.
29. Шеховцева Л. С. Концептуальные основы стратегического управления развитием региона // *Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета*. 2006. Т. 9. № 4. С. 690–693.
30. Квинт В. Л. Концепция стратегирования: монография. 2-е изд. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2022. 170 с.
31. Новикова И. В. Стратегическое управление трудовыми ресурсами: учебник. М.: Кнорус, 2023. 178 с.
32. Квинт В. Л., Новикова И. В., Алимуратов М. К., Сасаев Н. И. Стратегирование технологического суверенитета национальной экономики // *Управленческое консультирование*. 2022. № 9. С. 57–67. DOI: 10.22394/1726-1139-2022-9-57-67

33. набросок стратегии развития цифровых деревень // Центральный портал народного правительства КНР (сеть правительства Китая). 2019. 16 мая. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2019-05/16/content_5392269.htm (дата обращения: 17.06.2024). (На кит.).

References

1. Opinions of the CPC Central Committee and the State Council on comprehensively promoting rural revitalization and accelerating agricultural and rural modernization. Central Portal of the People's Government of the PRC (China Government Network). URL: https://www.gov.cn/zhengce/2021-02/21/content_5588098.htm (accessed on 21.02.2021). (In Chin.).
2. Guo Y., Liu Y. The process of rural development in China and the path of rural revitalization. *Di li xue bao = Journal of Geographical Science*. 2021;76(6):1408-1421. (In Chin.).
3. Zhang H., Gao L., Yan K. Strategic thinking on rural revitalization strategy: Theoretical origin, main innovation and realization path. *Zhong guo nong cun jing ji = Chinese Rural Economics*. 2018;(11):2-16. (In Chin.).
4. He X. Several issues on implementing the rural revitalization strategy. *Zhong guo xiang cun fa xian = Journal of Nanjing Agricultural University (Social Sciences Edition)*. 2018;18(3):19-26. (In Chin.).
5. Zhao C., Xu Z. Mechanisms, problems and strategies for digital rural construction from the perspective of high-quality development. *Qiu shi xue kan = Qiushi Academic Journal*. 2021;48(5):44-52. (In Chin.).
6. Barabanov A.A. Socio-cultural, and semantic principles of the revitalization of the industrial heritage. *Eko-potentsial*. 2013;(3-4):236-247. (In Russ.).
7. Glotova S.B. Revisited the ability of conversed industrial objects to conform the criterions of modern residential architecture. *Arkitektura i sovremennye informatsionnye tekhnologii = Architecture and Modern Information Technologies*. 2010;(3):4. URL: <https://marhi.ru/AMIT/2010/3kvart10/glotova/glotova.pdf> (accessed on 17.06.2024). (In Russ.).
8. Demidova E.V. The rehabilitation of industrial territories as parts of the city space. *Akademicheskii vestnik UralNIiproekt RAASN*. 2013;(1):8-13. (In Russ.).
9. Morozova N.S., Muravyeva N.A. Revitalization of rural territories: Diversification approach. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy = Social and Economic Phenomena and Processes*. 2014;9(12):174-179. (In Russ.).
10. Novikova P., Shefer V.V. Formation of a strategy for the revitalization of a depressed urban environment. *Ekonomika stroitel'stva = Economics of Construction*. 2023;(2):99-107. (In Russ.).
11. Zhuravlev D.M. Theoretical and methodological foundations of strategizing the socio-economic development of the region. Doct. econ. sci. diss. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 2020. 308 p. (In Russ.).
12. Woetzel J., Seong J., Wang K.W., Manyika J., Chui M., Wong W. Digital China: Powering the economy to global competitiveness. Washington, DC: McKinsey & Company; 2017. 24 p. URL: https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/industries/technology%20media%20and%20telecommunications/high%20tech/our%20insights/digital%20china%20powering%20the%20economy%20to%20global%20competitiveness/mgi_digital-china_executive-summary_dec-2017.pdf (accessed on 17.06.2024).
13. Internet plus agriculture: A new engine for rural economic growth in the People's Republic of China. Mandaluyong City: Asian Development Bank, 2018. 94 p. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/455091/internet-plus-agriculture-prc.pdf> (accessed on 17.06.2024).
14. The role of ICT during the COVID-19 pandemic. Washington, DC: The World Bank; 2023. 28 p. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/01f96f8b40cf2c5844e29d9aa10b5ee9-0070012023/original/PN6-Role-of-ICT.pdf> (accessed on 17.06.2024).
15. E-commerce development: Experience from China. Washington, DC: The World Bank; 2019. 34 p. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/823771574361853775/pdf/Overview.pdf> (accessed on 17.06.2024).
16. Alibaba Group fiscal year 2022 annual report. Hangzhou: Alibaba Group; 2022. 388 p. URL: <https://static.alibabagroup.com/reports/fy2022/ar/ebook/en/index.html> (accessed on 14.07.2024).
17. Dynamic information. AliResearch. URL: <http://www.aliresearch.com> (accessed on 14.07.2024). (In Chin.).
18. Xie KunChao. Strategic priorities for enterprise development in China's regional digital economy. Cand. econ. sci. diss. Synopsis. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 2024. 28 p. (In Russ.).
19. Wang Yushan. Strategic planning of innovative development of regions of Russia and China. Cand. econ. sci. diss. Synopsis. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 2023. 28 p. (In Russ.).
20. Ansoff I. Strategic management. New York, NY: Halsted Press; 1979. 236 p. (Russ. ed.: Ansoff I. Strategicheskoe upravlenie. Moscow: Ekonomika; 1989. 519 p.).
21. Chandler A.D., Jr. Strategy and structure: Chapters in the history of the American industrial enterprise. Cambridge, MA: The MIT Press; 1962. 463 p.

22. Porter M.E. Competitive strategy: Techniques for analyzing industries and competitors. New York, NY: The Free Press; 1998. 397 p. (Russ. ed.: Porter M.E. Konkurentnaya strategiya: metodika analiza otraslei i konkurentov. Moscow: Alpina Business Books; 2007. 452 p.).
23. Mintzberg H., Ahlstrand B., Lampel J. Strategy safari: A guided tour through the wilds of strategic management. New York, NY: The Free Press; 1998. 416 p. (Russ. ed.: Mintzberg H., Ahlstrand B., Lampel J. Shkoly strategii. Strategicheskoe safari: ekskursiya po debryam strategii menedzhmenta. St. Petersburg: Piter; 2000. 336 p.).
24. Drucker P.F. The practice of management. New York, NY: Harper & Brothers; 1954. 416 p. (Russ. ed.: Drucker P.F. Praktika menedzhmenta. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2015. 299 p.).
25. Rumelt R. Good strategy bad strategy: The difference and why it matters. New York, NY: Crown Business; 2011. 336 p. (Russ. ed.: Rumelt R. Khoroshaya strategiya, plokhaya strategiya. V chem otliche i pochemu eto vazhno. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2014. 434 p.).
26. Quinn J.B. Strategies for change: Logical incrementalism. Chicago, IL: R.D. Irwin; 1980. 222 p. (Russ. ed.: Quinn J.B. Strategii izmenenii: logicheskaya inkremental'nost'. Moscow: Ekonomika; 1982. 320 p.).
27. Hamel G. (with B. Breen). The future of management. Boston, MA: Harvard Business Review Press; 2007. 288 p. (Russ. ed.: Hamel G. (with B. Breen). Budushchee menedzhmenta. St. Petersburg: BestBusinessBooks; 2013. 280 p.).
28. Teece D.J. Dynamic capabilities and strategic management: Organizing for innovation and growth. Oxford: Oxford University Press; 2011. 286 p. (Russ. ed.: Teece D. Dinamicheskie sposobnosti i strategicheskoe upravlenie: organizatsiya dlya innovatsii i rosta. Moscow: Alpina Publisher; 2011. 304 p.).
29. Shekhovtseva L.S. Conceptual foundations of strategic management of regional development. *Vestnik MGTU. Trudy Murmanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Vestnik of MSTU. Scientific Journal of Murmansk State Technical University*. 2006;9(4):690-693. (In Russ.).
30. Kvint V.L. The concept of strategizing. 2nd ed. Kemerovo: Kemerovo State University; 2022. 170 p. (In Russ.).
31. Novikova I.V. Strategic human resource management. Moscow: KnoRus; 2023. 178 p. (In Russ.).
32. Kvint V.L., Novikova I.V., Alimuradov M.K., Sasaev N.I. Strategizing the national economy during a period of burgeoning technological sovereignty. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Administrative Consulting*. 2022;(9):57-67. (In Russ.). DOI: 10.22394/1726-1139-2022-9-57-67
33. Outline of a strategy for the development of digital villages. Central Portal of the People's Government of the PRC (China Government Network). May 16, 2019. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2019-05/16/content_5392269.htm (accessed on 17.06.2024). (In Chin.).

Сведения об авторе

Ван Гуаньюй
аспирант
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1

Поступила в редакцию 25.09.2024
Прошла рецензирование 17.10.2024
Подписана в печать 05.11.2024

Information about the author

Wang Guangyu
postgraduate student
Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie gory, Moscow 119991, Russia

Received 25.09.2024
Revised 17.10.2024
Accepted 05.11.2024

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.
Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

УДК 338.2
<http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-10-1267-1273>

Государственная политика в сфере цифровизации как инструмент стимулирования экономического роста

Андрей Владимирович Кениг

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия,
1590904@mail.ru

Аннотация

Цель. Сформировать подход к управлению процессом цифровизации экономики с использованием элементов системного подхода в рамках реализации государственной политики в сфере регулирования применения информационно-коммуникационных технологий.

Задачи. Выявить периодизацию и определить элементы государственной политики в сфере информационно-коммуникационных технологий, корректное применение которых позволяет обеспечить максимальный эффект от реализуемых мероприятий и получить достоверные данные о прогрессе достижения стратегических целей в сфере развития цифровой экономики.

Методология. Вопросы адаптации государственной политики в сфере разработки и применения информационно-коммуникационных технологий к целям, поставленным в рамках принятых документов стратегического планирования и современным вызовам, исследованы на основе системного, риск-ориентированного, логико-структурного подходов научного познания. Использованы также общенаучные методы анализа, синтеза и классификации.

Результаты. Применение системного подхода к реализации государственной политики в сфере разработки и использования информационно-коммуникационных технологий позволяет обеспечить управление цифровизацией различных сфер деятельности России как единой системой, включающей в себя организационно-распорядительные и координирующие органы. Действия таких органов должны быть направлены на разработку и реализацию стратегий, концепций программ в сфере цифровизации, формирование сбалансированной системы нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы цифровизации, контроль исполнителей, отвечающих за исполнение мероприятий, развитие системы мониторинга и контроля достижения поставленных целей на основе сбора данных о выполнении целевых показателей. Системный подход дает возможность сформировать многоуровневую систему целей и показателей с использованием методологии SMART, позволяющую оценить прогресс их достижения в ходе реализации мероприятий на базе объективных данных мониторинга; разрабатывать мероприятия, направленные на достижение ряда целей.

Выводы. В процессе исследования установлено несовершенство целеполагания в изученной предметной области. Различные стратегии и иные документы, ориентированные на развитие информатизации и цифровизации в Российской Федерации (РФ), лишь декларируют достижение целей, связанных со стимулированием экономического роста. Корректное формирование системы целей и показателей реализации государственной политики в сфере цифровизации на базе системного подхода позволит осуществлять мониторинг достижения целей и анализ эффективности проводимых мероприятий, оценивать влияние государственной политики на экономическую систему на основе получаемых данных статистики.

Ключевые слова: цифровизация, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), цифровая экономика, государственная политика, информационное общество, экономический рост

Для цитирования: Кениг А. В. Государственная политика в сфере цифровизации как инструмент стимулирования экономического роста // *Экономика и управление*. 2024. Т. 30. № 10. С. 1267–1273. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-10-1267-1273>

© Кениг А. В., 2024

State policy on digitalization as a tool for stimulating economic growth

Andrey V. Kenig

St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia, 1590904@mail.ru

Abstract

Aim. This study aims to develop an approach to managing the digitalization process in the economy by applying elements of a systemic approach to state policy in regulating the use of information and communication technologies.

Objectives. The work seeks to identify key phases in the development of state policy on information and communication technologies and determine policy elements that, when correctly applied, maximize the impact of implemented measures and provide reliable data on progress toward strategic goals in digital economy development.

Methods. The issues of adapting state policy in development and application of information and communication technologies to the goals set within the adopted strategic planning documents and modern challenges are studied based on a systemic, risk-oriented, and logical-structural approaches to scientific knowledge. General scientific methods of analysis, synthesis and classification are also used.

Results. The use of a systems approach to the implementation of state policy in the field of development and use of information and communication technologies allows for the management of digitalization of various fields of activity in Russia as a single system that includes organizational, administrative and coordinating bodies. The actions of such bodies are aimed at development and implementation of strategies, concepts of the programs in the field of digitalization, formation of a balanced system of normative legal acts governing digitalization issues, control of performers responsible for the implementation of activities, development of a system of monitoring and control over the achievement of goals based on the collection of data on the implementation of target indicators. A systems approach enables to form a multi-level system of goals and indicators using the SMART methodology, which can be used to assess the progress of their achievement during the implementation of activities based on objective monitoring data; develop activities aimed at achieving a number of goals.

Conclusions. The study identifies shortcomings in goal-setting within the examined subject field. Various strategies and other documents aimed at the development of informatization and digitalization in Russia only declare the achievement of goals related to stimulating economic growth. Correct formation of the system of goals and indicators for the implementation of state policy in the field of digitalization based on a systems approach will allow monitoring the achievement of goals and analyzing the effectiveness of the measures taken, assessing the impact of state policy on the economic system based on statistical data obtained.

Keywords: digitalization, information and communication technologies (ICT), digital economy, state policy, information society, economic growth

For citation: Kenig A.V. State policy on digitalization as a tool for stimulating economic growth. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2024;30(10):1267-1273. (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-10-1267-1273>

Введение

В течение последних десятилетий научно-технический прогресс оказывает все более возрастающее влияние на экономическую систему [1]. Возникновение новых и стремительное развитие существующих информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ), наряду с новыми возможностями, порождают дополнительные проблемы, а также способствуют реализации рисков, проявление которых ранее было невозможным ввиду отсутствия соответствующих условий и факторов.

Активное проникновение ИКТ во все сферы деятельности экономических субъектов достигло такого масштаба [2; 3; 4], что становится критически важным полноценное участие государства в управлении процессом их дальнейшего развития и использования путем определения приоритетов исследований и разработок, стимулирования развития наиболее значимых технологий, нормативного регулирования отношений, возникающих в ходе обращения с данными в цифровом виде и информацией, развития и эксплуатации информационно-коммуникационной инфраструктуры, разработки

и применения программного обеспечения, в том числе в целях импортозамещения.

В современной России формирование и реализация политики в сфере ИКТ осуществляется через принятие и организацию исполнения комплекса государственных стратегий и программ, которые необходимо развивать и трансформировать с учетом появления новых технологических, социально-экономических и общественно-политических факторов.

Формирование основ государственной политики в сфере ИКТ

Государственная политика управления развитием сферы ИКТ с начала 90-х гг. XX в. по настоящее время претерпела значительные изменения. В соответствии с решением Президента РФ от 23 ноября 1995 г. № Пр-1694 разработана Концепция формирования и развития информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов, которая объединила в себе ряд действующих в указанный период нормативных актов, регулирующих отдельные вопросы информационного развития страны.

На начальном этапе главной целью было формирование единого информационного пространства России. Достижение этой цели планировали осуществить путем формирования основ правового регулирования в сфере информатизации, создания базовой информационно-телекоммуникационной и организационно-регулирующей инфраструктуры для обеспечения доступа граждан к информации о деятельности органов власти различных уровней и взаимодействия органов государственной власти и граждан. Концепция предполагала, что за счет внедрения цифровых технологий произойдет в том числе повышение эффективности общественного производства. Вместе с тем в Концепции не было указано, какие именно параметры эффективности приняты для определения эффекта от ее реализации, не определено, за счет появления либо трансформации каких факторов должна увеличиться эффективность общественного производства.

Фактически в данном документе, который носил пионерный характер, сделан акцент на удовлетворении в первую очередь потребностей страны в получении современных инструментов, технологий управления го-

сударством на цифровой основе и развитой информационно-телекоммуникационной инфраструктуры с созданием ведомственных информационных ресурсов. Это следует из формулировки задач, решение которых направлено на реализацию Концепции. Иные аспекты, связанные с развитием экономической системы России, в данном документе не рассмотрены.

На рубеже 2000-х гг. Правительством РФ утвержден очередной документ государственной политики в сфере ИКТ, в частности Федеральная целевая программа (ФЦП) «Электронная Россия (2002–2010)», на основании постановления от 28 января 2002 г. № 65. В первом варианте Программы, принятом в 2002 г., обоснование не содержало в четком виде оценки влияния цифровизации на рост российской экономики. Вместе с тем указана ключевая роль применения ИКТ в повышении конкурентоспособности экономики.

Описание решаемой проблемы включало в себя ряд обобщающих утверждений о существовании в указанный период факторов, препятствующих развитию отрасли ИКТ и внедрению цифровых технологий в различные сферы экономики. Среди таких факторов — несовершенство нормативной базы для регулирования вопросов, связанных с цифровизацией, ограниченные возможности ИКТ-инфраструктуры, недостаточное количество и низкая квалификация кадров в этой сфере, невысокий уровень проникновения ИКТ в процессы взаимодействия органов власти, граждан и субъектов бизнеса.

Целеполагание Программы осуществлялось на основе утверждения о том, что ее результатом должно стать в том числе повышение эффективности функционирования экономики за счет массового внедрения ИКТ. Характеристика ситуации, приведенная в редакции 2002 г., в целом повторяет описание проблемы в Концепции 1995 г. и не содержит оценки достигнутых результатов от реализации ее мероприятий. Это не позволяет оценить эффект от реализации государственной политики за предшествующие годы.

В числе приоритетных целей ФЦП «Электронная Россия» в редакции 2002 г. поставлена и такая цель, как «повышение эффективности функционирования экономики». Анализ запланированного эффекта от реализации мероприятий Программы не дает возможности достоверно оценить

масштаб их влияния на экономику. Задачи, которые решали в рамках этой Программы, предусматривали, как и ранее, совершенствование нормативной базы в сфере ИКТ, повышение эффективности взаимодействия органов власти с гражданами и между собой, развитие ИКТ-инфраструктуры и обеспечение массового доступа граждан к информационным ресурсам, развитие кадрового потенциала ИТ-отрасли.

К нововведениям следует отнести развитие электронной торговли, в основном через формирование информационных ресурсов поддержки государственных и муниципальных закупок. Логичным будет предположить, что эффект может быть достигнут и за счет снижения транзакционных издержек и трудозатрат субъектов бизнеса при взаимодействии с государством и между собой. Но необходимо учитывать расходы участников взаимодействия на приобретение и содержание ИКТ-инфраструктуры, включая программные средства. Какие-либо показатели, характеризующие влияние указанных факторов на субъекты экономической деятельности, в данной редакции Программы отсутствовали.

ФЦП «Электронная Россия» в редакции 2010 г. претерпела существенные изменения. В Программе приведено описание результатов реализации мероприятий за предыдущие годы. Анализ показывает, что в финале реализации Программа сведена к решению задачи по формированию электронного правительства, созданию и развитию инструментов и инфраструктуры взаимодействия органов государственной власти с субъектами бизнеса и гражданами. Задачи, направленные на достижение цели «повышения эффективности функционирования экономики», в рамках Программы не решались.

На завершающем этапе реализации Программы в 2010 г. комплекс решаемых задач направлен на развитие инфраструктуры поддержки государственного управления, развитие системы электронного правительства и создание условий для оказания государственных услуг в электронном виде. Одним из новых и важных направлений стало формирование региональных программ развития ИКТ. Цели, направленные на развитие экономики России в исследуемый период, в Программе не указаны.

На завершающем этапе реализации ФЦП «Электронная Россия» произошло принятие

ряда нормативных документов, определяющих дальнейшее развитие государственной политики в сфере ИКТ. В их числе — Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации, утвержденная Президентом РФ 7 февраля 2008 г. Одна из целей Стратегии — развитие экономической сферы жизни общества на основе использования ИКТ. Формулировка цели не дает понимания того, какое содержание заложено в понятие «развитие экономической сферы», каким образом реализация Стратегии должна была повлиять на экономику России.

Для достижения поставленных целей среди основных задач, которые напрямую можно отнести к содействию развитию экономики, указаны следующие: развитие экономики на базе использования ИКТ; поддержка отечественных производителей продукции и услуг в сфере информационных и телекоммуникационных технологий; содействие развитию международного сотрудничества в сфере информационных и телекоммуникационных технологий. Для решения этих задач государство приняло на себя обязательства по обеспечению нормативного регулирования сферы ИКТ, созданию условий для разработки и внедрения ИКТ, ввело ряд контрольных показателей развития информационного общества. К показателям развития сферы экономики можно отнести долю отечественных товаров и услуг в объеме внутреннего рынка ИКТ (более 50 %); рост объема инвестиций в использование ИКТ в национальной экономике по сравнению с 2007 г. (не менее чем в два с половиной раза); долю исследований и разработок в сфере ИКТ в общем объеме научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, осуществляемых за счет всех источников финансирования (к 2010 г. не менее 15 %, к 2015 г. — 30 %).

Утвержденные Правительством РФ показатели исполнения Стратегии характеризуют процесс развития отрасли ИКТ. Все три показателя связаны с подготовкой и выводом на рынок отечественных разработок, что подразумевает длительный срок реализации инновационных проектов. Результативность и эффективность их для экономики в целом труднопредсказуема. Можно утверждать, что Стратегия направлена на развитие отрасли ИКТ, а развитие экономики будет измеряться вкладом указанной отрасли в рост валового внутреннего продукта (ВВП).

Современная государственная политика в сфере ИКТ

Началом современного этапа развития государственной политики в сфере ИКТ можно считать утверждение в 2014 г. Государственной программы РФ «Информационное общество (2011–2020)» согласно постановлению Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313. В первой редакции Программы 2014 г. ее целью заявлено «повышение качества жизни граждан на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий».

Эта цель сформулирована в соответствии с приоритетами, которые определены Концепцией долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р; Стратегией развития информационного общества в России, утвержденной Президентом РФ 7 февраля 2008 г. № Пр-212; Стратегией инновационного развития РФ на период до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р, а также Стратегией развития отрасли информационных технологий в России на 2014–2020 гг. и на перспективу до 2025 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 1 ноября 2013 г. № 2036-р.

Достижение поставленной цели запланировано путем реализации основных задач в рамках таких приоритетов, как развитие отрасли ИКТ, информатизация важнейших отраслей экономики, расширение использования ИКТ при оказании государственных и муниципальных услуг, развитие региональной автоматизации, обеспечение доступа граждан к медиасреде. 39 показателей (индикаторов) Программы разделены на группы по следующим направлениям: общие индикаторы Программы (1–6), ИКТ-инфраструктура (7–16), формирование информационной среды (17–19), информационная безопасность (20–23), информационное государство (24–27), развитие телерадиовещания (28–39).

Анализ совокупности целей, показателей и направлений реализации Программы версии 2014 г. показывает, что в процессе целеполагания рассмотрены вопросы узконаправленного характера относительно развития отрасли ИКТ и продолжения развития инфраструктуры электронного правительства. Экономические аспекты госу-

дарственной политики информатизации в Программу на данном этапе не включены.

Существенное изменение содержания Программы осуществлено в 2022 г. Перечень целей, связанных с экономической сферой, откорректирован, в него включено достижение стопроцентной «цифровой зрелости» (это понятие не имеет однозначного толкования в нормативных документах) ключевых отраслей экономики. Соответственно, сформулирована задача по достижению этого показателя. Дополнительно предусмотрено значительное «увеличение вложений в отечественные решения в сфере информационных технологий». Достижение этой цели запланировано в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

В обоснование поставленных в Программе целей приведена аналитическая информация о росте отрасли ИКТ. Но аналитические данные, на основании которых можно сделать вывод об эффекте от реализации уже выполненных и планируемых мероприятий относительно экономики в целом, не отражены. Ранее постановлением Правительства РФ от 9 ноября 2021 г. № 1922 из Программы исключено Приложение 1, содержащее основные показатели (индикаторы) реализации Программы. Это не позволяет при подведении итогов ее осуществления определить, в какой мере достигнуты поставленные цели. В результате, по нашему мнению, Программа в современном ее варианте, в контексте вопросов о развитии экономики на основе цифровизации, представляет собой совокупность декларативных утверждений о намерениях.

В дополнение к принятым нормативным актам, регулирующим процесс реализации государственной политики в сфере цифровизации, Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. В ней данные в цифровом виде указаны в качестве ключевого фактора производства в современной экономике, формирование «цифровой экономики» включено в число национальных приоритетов.

Стратегией предусмотрена разработка Правительством РФ единого перечня показателей мониторинга и плана ее реализации, которые сегодня в виде нормативно-правового акта отсутствуют. Деятельность

по реализации Стратегии фрагментирована и распределена Правительством РФ по подведомственности между министерствами и ведомствами, которые разрабатывают и подают на утверждение в Правительство РФ ведомственные программы и стратегии по своим направлениям. В результате такого подхода разработаны и приняты десятки федеральных ведомственных и региональных программ, регулирующих государственную политику в сфере цифровизации, условно объединенных Стратегией, но не имеющих единого механизма управления.

Паспортом национального проекта национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» предусмотрено достижение таких целей, как:

1. Увеличение внутренних затрат на развитие цифровой экономики за счет всех источников (по доле в ВВП страны) не менее чем в три раза по сравнению с 2017 г.

2. Создание устойчивой и безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры высокоскоростной передачи, обработки и хранения больших объемов данных, доступной для всех организаций и домохозяйств.

3. Использование преимущественно отечественного программного обеспечения государственными органами, органами местного самоуправления и организациями.

Анализ содержания целей, основных и дополнительных показателей говорит о том, что национальный проект направлен в первую очередь на развитие отрасли ИКТ, информационной инфраструктуры и развитие цифровизации взаимодействия органов власти, субъектов бизнеса и граждан. Это было в приоритете при реализации предшествующих программ и стратегий. Оценка эффекта от использования ИКТ в ведущих отраслях российской экономики, как и ранее, не приведена.

Выводы

По итогам выполненного анализа содержания документов, регулирующих реализацию государственной политики в сфере цифровизации, можно заключить, что в процессе разработки и утверждения стратегий, концепций, программ назначение показателей (индикаторов) осуществляется некорректно, указанные в документах показатели не позволяют достоверно оценить достижение поставленных целей и измерить полученный

эффект роста либо развития экономики от реализации мероприятий цифровизации.

В ряде программ при формулировке цели указана такая характеристика, как «эффективность экономики». При этом не разъяснено, о каких параметрах эффективности идет речь. Упоминается и понятие «цифровая зрелость», не имеющее однозначной трактовки. Сформулированные таким образом цели носят абстрактный характер, который не позволяет корректно назначить показатели и оценить прогресс их достижения. Экономический эффект от реализации мероприятий сужен до вклада отрасли ИКТ в рост ВВП. Но остаются вне поля зрения при целеполагании эффекты от цифровизации, связанные с факторами производства, от развития которых зависит рост российской экономики в целом, что приобретает особое значение в кризисных условиях [5].

Приоритетами, как правило, являются инфраструктурные вопросы, нормативное регулирование, обеспечение деятельности органов власти и развитие отрасли ИКТ. Сложившаяся к настоящему времени ситуация не способствует обеспечению системности при реализации государственной политики развития экономики с использованием информационных технологий. В дополнение к данной ситуации укажем, что принятые на различном уровне и различными органами власти десятки стратегий, концепций, мероприятий не включены в единую систему, не имеют целей и показателей, сформированных в рамках единого подхода, что не дает возможности получить представление о происходящем в сфере цифровизации экономики в целом и обеспечить управляемость, целенаправленность, системность политики в рамках страны.

С учетом значительного объема выделяемых средств на реализацию мероприятий обеспечение их расходования с понятным эффектом для экономики становится одной из главных задач. Сегодня, по нашему мнению, целесообразно выполнить положения Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 относительно разработки единого плана реализации и принятия комплекса целевых показателей с использованием методологии SMART, позволяющих получить в любой момент понимание прогресса достижения целей и произвести оценку эффективности проводимых мероприятий.

Список источников

1. Вертакова Ю. В., Алпеева Е. А., Рябцева И. Ф. Прогресс и инновации: анализ системной взаимообусловленности: монография. М.: ИНФРА-М, 2013. 137 с.

2. Кениг А. В. Цифровая экономика и ее влияние на экономический рост: российские и глобальные тенденции // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2022. № 4. С. 10–14.

3. Кластеризация цифровой экономики: теория и практика: монография / И. В. Асланова, А. В. Бабкин, О. Г. Блажевич [и др.]. СПб.: Политех-Пресс, 2020. 807 с.

4. Публичное управление в условиях цифровой глобализации: монография / Авдеева И. Л., Головина Т. А., Парахина Л. В. [и др.]. Орел: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, 2020. 268 с.

5. Плотников В. А. Глобальные проблемы социально-экономического развития и нейтрализации рисков экономической безопасности периода экономического кризиса // Экономика и управление. 2009. № 3S6. С. 12–16.

References

1. Vertakova Yu.V., Alpeeva E.A., Ryabtseva I.F. Progress and innovation: An analysis of systemic interdependence. Moscow: INFRA-M; 2013. 137 p. (In Russ.).

2. Kenig A.V. Digital economy and its impact on economic growth: Russian and global trends. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii*. 2022;(4):10-14. (In Russ.).

3. Aslanova I.V., Babkin A.V., Blazhevich O.G., et al. Clustering of the digital economy: Theory and practice. St. Petersburg: Polytech-Press; 2020. 807 p. (In Russ.).

4. Avdeeva I.L., Golovina T.A., Parakhina L.V., et al. Public administration in the context of digital globalization. Orel: Central Russian Institute of Management –branch of RANEPA; 2020. 268 p. (In Russ.).

5. Plotnikov V.A. Global problems of socio-economic development and neutralization of economic security risks during the economic crisis. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2009;(3S6):12-16. (In Russ.).

Сведения об авторе

Андрей Владимирович Кениг
аспирант
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21

Поступила в редакцию 23.09.2024
Прошла рецензирование 15.10.2024
Подписана в печать 05.11.2024

Information about the author

Andrey V. Kenig
postgraduate student
St. Petersburg State University of Economics
21 Sadovaya st., St. Petersburg 191023, Russia

Received 23.09.2024
Revised 15.10.2024
Accepted 05.11.2024

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

УДК 657.6

<http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-10-1274-1289>

Основные тенденции и особенности аудита нефинансовой информации об устойчивом развитии как одного из перспективных видов управленческого аудита

Шамиль Юсупович Умавов

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия,
umavov88@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1043-9343>

Аннотация

Цель. Выявить особенности аудита нефинансовой информации об устойчивом развитии и определить ключевые тенденции в этой области.

Задачи. Исследовать тенденции аудита нефинансовой информации; провести сравнительный анализ финансовой и нефинансовой информации как объектов управленческого аудита; дать сравнительную характеристику аудита финансовой отчетности и нефинансовой информации; рассмотреть специфические методы, используемые при аудите нефинансовой информации об устойчивом развитии.

Методология. Методологической основой исследования послужили научные труды, посвященные главным тенденциям внешнего и внутреннего аудита, вопросам становления и развития управленческого аудита коммерческих организаций, теоретическим и практическим аспектам аудита нефинансовой информации об устойчивом развитии, используемым специфическим методам; публикации ведущих практиков об исследуемой проблеме, результаты монографических исследований, другие источники.

Результаты. В процессе исследования определено шесть ключевых тенденций, характерных для развития внешнего и внутреннего аудита, а также аудита нефинансовой информации в области устойчивого развития. Выявлено 11 особенностей аудита нефинансовой информации при исследовании различий между финансовой информацией и нефинансовой информацией как объектами управленческого аудита, а также сравнительного анализа аудита финансовой отчетности и нефинансовой информации по пятнадцати параметрам, который позволил выявить дополнительные особенности аудита нефинансовой информации. Среди особенностей — используемые методы и концепции, включающие в себя концепцию двойной существенности, концепцию оценки системы внутреннего контроля, методы бизнес-анализа, а также цифровой инструментарий и информационные ресурсы.

Выводы. На основании проведенного сравнения сделан вывод о шести ключевых тенденциях, которые характерны для аудита нефинансовой информации в области устойчивого развития, заключающихся в использовании цифровых технологий и цифровизации процессов аудита; высоком спросе на квалифицированных аудиторов; использовании аудиторских процедур, проводимых в удаленном формате; возрастании роли аудита нефинансовой информации в области устойчивого развития и нефинансовой отчетности; проведении аудита кибербезопасности в рамках аудита нефинансовой информации в области устойчивого развития и нефинансовой отчетности; развитии концепции двойной существенности, используемой для целей проведения аудита нефинансовой информации в области устойчивого развития и нефинансовой отчетности. Особенности аудита нефинансовой информации об устойчивом развитии проявляются в оказываемом виде аудиторских услуг (рассмотрении услуги как задания, что обеспечивает уверенность); применяемой нормативно-правовой базе; ориентации на более заинтересованных сторон по сравнению с аудитом бухгалтерской (финансовой) отчетности; высокой сложности и трудоемкости проведения аудита; ориентированности на оценку воздействия компании на окружающую среду и социальную сферу; возможности обеспечения при оказании услуги как разумной, так и ограниченной уверенности; использовании концепции двойной существенности при оказании данных услуг; широким применением профессионального суждения; использовании специфических методов при оказании услуги;

© Умавов Ш. Ю., 2024

формате итогового документа; используемых методах и концепциях. Понимание выделенных тенденций в области аудита нефинансовой информации в отношении устойчивого развития, а также выявленных особенностей способствует качественному проведению аудита нефинансовой информации, повышая степень уверенности заинтересованных сторон в нефинансовой информации.

Ключевые слова: *управленческий аудит, нефинансовая отчетность, аудит нефинансовой информации в области устойчивого развития, двойная существенность*

Для цитирования: Умавов Ш. Ю. Основные тенденции и особенности аудита нефинансовой информации об устойчивом развитии как одного из перспективных видов управленческого аудита // *Экономика и управление*. 2024. Т. 30. № 10. С. 1274–1289. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-10-1274-1289>

Key trends and features of non-financial information audit on sustainable development as a promising form of management audit

Shamil Yu. Umavov

Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia,
umavov88@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1043-9343>

Abstract

Aim. The work aimed to identify the features of non-financial information audit on sustainable development and determine the key trends in this field.

Objectives. It seeks to analyze trends in non-financial information audits, compare financial and non-financial information as management audit objects, differentiate audits of financial statements and non-financial information, and explore specific methodologies for auditing sustainable development data.

Methods. The research draws on scientific literature focused on external and internal audit trends, the development of management audits in commercial organizations, and the theoretical and practical aspects of non-financial information audits for sustainable development, and specific methods used. It incorporates works from leading practitioners, monographic studies, and other relevant sources.

Results. The study identified six key trends shaping the development of external and internal audits, as well as the non-financial audit in sustainable development. A comparative analysis of financial and non-financial data audits, conducted across 15 parameters, revealed 11 distinct characteristics of non-financial audits, and additional features of the audit of non-financial information were identified. These features included the use of specific methodologies, such as the double materiality concept, assessments of internal control systems, business analysis methods, and digital tools, and information resources.

Conclusions. The comparison enabled to make a conclusion about six key trends that are characteristic of the audit of non-financial information in the field of sustainable development, consisting in the use of digital technologies and digitalization of audit processes, high demand for qualified auditors, the use of audit remote procedures, an increasing role of the audit of non-financial information in the field of sustainable development and non-financial reporting, conducting a cybersecurity audit within an audit of non-financial information in the field of sustainable development and non-financial reporting, development of the double materiality concept used for the purposes of conducting an audit of non-financial information in sustainable development and non-financial reporting. The specific aspects of an audit of non-financial information on sustainable development are manifested in the type of audit services provided (consideration of the service as an assignment, which provides assurance), the applicable regulatory framework, focus on more interested parties compared to an audit of accounting (financial) statements, high complexity and labor intensity of the audit, focus on assessing the company impact on the environment and social matters, the possibility of ensuring both reasonable and limited assurance when providing the service, the use of double materiality concept when providing these services, widespread use of professional judgment, the use of specific methods when providing the service, the format of the final document, as well as the methods and concepts used. Understanding the identified trends in the field of audit of non-financial information in relation to sustainable development, as well as the identified features, contributes to the high-quality audit of non-financial information, thereby increasing the extent of confidence of stakeholders in non-financial information.

Keywords: *management audit, non-financial reporting, audit of non-financial information in the field of sustainable development, double materiality*

For citation: Umarov Sh.Yu. Key trends and features of non-financial information audit on sustainable development as a promising form of management audit. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2024;30(10):1274-1289. (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-10-1274-1289>

Происходящие фундаментальные изменения в предпринимательской среде, связанные с развитием цифровых и инновационных технологий, ориентацией бизнеса на устойчивое развитие, оказывают существенное влияние на аудиторскую деятельность. Аудит нефинансовой информации — новое направление в аудиторской деятельности. Его развитие во многом определено ключевыми тенденциями внешнего и внутреннего аудита. Он существенно отличается от традиционного аудита бухгалтерской (финансовой) отчетности, что обуславливает необходимость раскрытия его сущности и выявления свойственных ему особенностей в целях дальнейшего развития теоретических представлений о вышеуказанной категории и повышения качества оказания аудиторских услуг в этой области.

Определению особенностей аудита нефинансовой информации предшествовало исследование ключевых тенденций современного состояния и развития внешнего и внутреннего аудита, характерных и для управленческого аудита, включающего в себя и аудит нефинансовой информации. Вопросы, связанные с основными тенденциями и перспективами развития аудита нефинансовой отчетности, крайне актуальны и для научного сообщества, и для практиков. Их активно обсуждают ученые и практики на различных профессиональных площадках. Данная услуга появилась сравнительно недавно. В настоящее время большинство ученых и практиков рассматривают перспективы ее развития в контексте общих тенденций внешнего и внутреннего аудита. В ходе исследования нами выделено три группы научных работ.

Первая группа научных работ посвящена тенденциям развития аудиторской деятельности. В трудах К. К. Арабян главные тенденции аудиторской деятельности прослеживаются на основе эволюции парадигм в данной области и глубокого анализа рынка аудиторско-консалтинговых услуг [1; 2]. В научных статьях ряда ученых (среди них — И. Н. Богатая [3; 4], Е. М. Гутцайт [5],

Д. А. Лавров [4], В. Т. Чая [6]) раскрыта взаимосвязь тенденций аудита и развития его нормативно-правовой базы. В работах Н. Н. Хахоновой [7] приоритетные направления развития аудита исследованы сквозь призму противодействия корпоративному мошенничеству.

Следует выделить научные труды, посвященные исследованию такой важнейшей тенденции, как цифровизация в аудите. Эти аспекты раскрыты в работах Н. Д. Бровкиной [8], Ю. Н. Гузова [9; 10], Н. В. Генераловой [10], Н. А. Казаковой [8], М. В. Мельник [7; 11], Г. В. Соболевой [10], а также в трудах зарубежных ученых. Среди них — Д. Леонадио, Л. Молеро, Дж. К. Дж. д. Рид [12], Л. Фото, Дж. Лорензон [13], Р. Ситамраджу, А. Хецимович [14], Х. Шейх, М. У. Джохии, З. А. Махер [15] и др.

Вторая группа научных трудов и исследований посвящена раскрытию основных тенденций, характерных для внутреннего аудита. Заслуживают особого внимания труды Т. Т. К. Фан [16], Ф. И. Харисовой [17], Л. И. Хайруллиной [17], Мэн Ван [17], А. Д. Биримкуловой [18] и др. Ученые пишут о том, что услуги по предоставлению гарантий в отношении нефинансовой информации являются важнейшим направлением деятельности внутренних аудиторов. Тенденции внутреннего аудита систематически исследуют сотрудники Института внутренних аудиторов (далее — ИВА). В частности, ИВА в 2023 г. совместно с аудиторско-консалтинговой компанией «Технологии Доверия» (ТеДо) провел исследование текущего состояния и тенденций развития внутреннего аудита нефинансовых организаций в России [19]. Изучению тенденций развития внутреннего аудита, взаимосвязи его эффективности и устойчивого развития, а также его роли в разработке стратегии корпоративной социальной ответственности и формировании интегрированной отчетности посвящены труды Т. Т. К. Фан, М. И. Сидорова [20], В. Динева [21], Л. Энгельбрехт, Ю. Ясин, И. Омарджи [22], Н. Шамсуддин, Н. С. Бакар [23], Г. Юварадж, К. Дугас, М. Мухаммад [24] др.

В третьей группе научных трудов речь идет о методологических и методических проблемах аудита нефинансовой отчетности, об отдельных тенденциях в этой области. Ученые научной школы Финансового университета при Правительстве РФ, в частности Р. П. Булыга [25; 26], И. Д. Демина [27], И. В. Сафонова [25; 26], рассматривают данную услугу в рамках аудита бизнеса и тесной увязке с концепцией устойчивого развития. Ряд тенденций аудита нефинансовой отчетности охарактеризованы в научных статьях Е. М. Евстафьевой [28], Н. А. Каморджановой [29], С. Н. Коваленко [30], О. В. Колосовой [28], О. В. Леоновой [28], Н. А. Продановой [30], Т. Ю. Серебряковой [31], Е. В. Саталкиной [29], А. А. Саввиновой [29], монографических исследованиях [4; 32]. Проблемы и тенденции развития аудита нефинансовой отчетности освещены в статьях Э. Аппер-Иджо-Иджхеа, Ф. Гомес-Безарес, Х. Угарте [33], М. Цаннинг, Б. О'Коннор, Г. Георгакопулос [34] и др.

Обобщая положения, содержащиеся в упомянутых выше научных исследованиях, мы выявили шесть ключевых тенденций, характерных для аудита нефинансовой информации в области устойчивого развития. Первая тенденция связана с активным использованием цифровых технологий, которые применяют для визуализации финансовых и нефинансовых показателей компаний, при проведении процедур оценки аудиторских рисков, для разработки интерфейсов, импорта бухгалтерской информации и др. Как утверждают председатель Международного совета по стандартам аудита и заверениям (IAASB) Т. Зайденштейн и научный сотрудник Международного совета Д. Дэвис, четвертая промышленная революция уже наступила, изменяет мир вокруг нас и открывает значительные возможности для аудита и обеспечения достоверности [35]. Такая тенденция обусловлена активной интеграцией в аудиторскую деятельность инновационных инструментов. В их числе — аналитика больших данных, технология блокчейн, искусственный интеллект, роботизированная автоматизация процессов (RPA). Аналитика данных трансформирует аудиторские процедуры, обеспечивая более качественный анализ как финансовой, так и нефинансовой информации. Кроме того, эта технология позволяет аудиторам эффективнее изучать большие наборы данных, точнее выявлять тренды и аномалии, которые не-

возможно обнаружить традиционными методами, что является чрезвычайно актуальным при аудите нефинансовой информации. Инструменты искусственного интеллекта помогают автоматизировать повторяющиеся задачи, такие как ввод и согласование данных, позволяя аудиторам сосредоточиться на задачах более высокого уровня, в частности оценке и анализе рисков. Возможность аудита транзакций на основе блокчейна служит не просто технологическим сдвигом, а сменой парадигмы в поддержании и проверке финансовой целостности. Роботизированная автоматизация процессов не только повышает эффективность и точность, но и освобождает аудиторов от рутинных задач, позволяя им сосредоточиться на более стратегических и ценных действиях.

В современных условиях наблюдается переход к цифровым процессам аудита. С одной стороны, этот сдвиг имеет решающее значение для повышения эффективности, точности и способности управлять сложными наборами данных. С другой — влечет за собой комплексные изменения в методологии, рабочем процессе и, возможно, организационной культуре. Крупные аудиторско-консалтинговые фирмы в настоящее время используют при проведении аудита нефинансовой информации профессиональные многозадачные информационные системы.

Вторая тенденция заключается в высоком спросе на квалифицированных аудиторов. Несмотря на достижения в сфере цифровых и информационных технологий, человеческий фактор остается незаменимым. Квалифицированные аудиторы, способные интерпретировать данные, понимать сложные процессы и ориентироваться в нюансах организационной культуры, по-прежнему являются востребованными специалистами. Аудит нефинансовой информации и нефинансовой отчетности требует от аудиторов не только знаний в сфере цифровых технологий, но и глубоких знаний относительно управления рисками в области устойчивого развития.

Первая тенденция, рассмотренная выше, находится в тесной взаимосвязи с третьей тенденцией, заключающейся в активном внедрении удаленного аудита. Пандемия ускорила внедрение удаленного аудита. Теперь аудиторы используют виртуальные инструменты, что позволяет преодолевать географические барьеры и демонстрировать гибкость в деятельности. Удаленный аудит

применяет цифровые инструменты коммуникации и обмена данными для обеспечения тщательности и целостности, отражая традиционный процесс аудита с повышенной эффективностью и адаптируемостью. В условиях размещения нефинансовой информации и нефинансовой отчетности на сайтах крупных компаний появляется возможность проведения целого ряда аудиторских процедур в удаленном формате.

Четвертая тенденция связана с тем, что изменения в законодательстве, включая новые стандарты по аудиту нефинансовой отчетности, также играют решающую роль в оказании аудиторско-консалтинговых услуг. Наблюдается растущий спрос на специализированные аудиторские услуги. По мере того, как бизнес становится все более сложным и диверсифицированным, растет спрос на задания, обеспечивающие разумную или ограниченную уверенность и отвечающие отраслевым потребностям или нормативным требованиям. Эта тенденция дает аудиторским фирмам возможность расширения своих предложений и опыта в области кибербезопасности, использования цифровых технологий и устойчивого развития. Чтобы успешно ориентироваться в этих изменениях, внешние и внутренние аудиторы должны уделять приоритетное внимание непрерывному обучению и освоению не только новых технологий, но и методик аудита нефинансовой отчетности. Экологические, социальные и управленческие факторы (ESG) оказывают существенное влияние на бизнес-операции и требования к нефинансовой отчетности. Аудит нефинансовой отчетности становится все более важным и востребованным, поскольку заинтересованные стороны требуют прозрачности в аспекте раскрытия нефинансовой информации о воздействии компаний на окружающую среду, инициативы социальной ответственности и структуры управления. Это связано с ростом числа нефинансовых отчетов. Тем самым возрастает роль аудита нефинансовой информации и отчетности.

Пятая тенденция состоит в том, что в эпоху цифровых угроз аудит кибербезопасности стал важнейшим компонентом портфеля аудитов как в отношении финансовой информации, так и нефинансовой. Эти специализированные аудиты оценивают надежность цифровых средств защиты организации, выявляют уязвимости и обеспечивают соответствие изменяющимся правилам ки-

бербезопасности. Для аудиторских фирм предложение услуг по поддержке аудита кибербезопасности является необходимым, поскольку клиенты все чаще осознают значимость защиты своих цифровых активов.

Шестая тенденция связана с развитием концепции двойной существенности, используемой при аудите нефинансовой информации и нефинансовой отчетности и ориентированной на широкий круг заинтересованных сторон. Данная концепция направлена на обеспечение того, чтобы информация, которую раскрывает компания, учитывала как финансовые результаты, так и воздействие на людей и планету в целом, что особенно значимо, взаимосвязь между ними.

Выявленные тенденции необходимо учитывать аудиторско-консалтинговым организациям при оказании услуг в аспекте аудита нефинансовой информации в области устойчивого развития и нефинансовой отчетности как одного из перспективных видов управленческого аудита. Учет этих тенденций предполагает при оказании услуг по аудиту нефинансовой информации в области устойчивого развития использование цифровых технологий, цифровизацию процессов аудита; использование аудиторских процедур, проводимых в удаленном формате; расширение спектра аудиторско-консалтинговых услуг в отношении нефинансовой информации в области устойчивого развития; принятие мер по обеспечению кибербезопасности; применение концепции двойной существенности.

Качество аудита нефинансовой информации в области устойчивого развития во многом зависит от понимания аудитором особенностей такого вида аудиторских услуг. В этой связи исследуем данные особенности.

При проведении аудита нефинансовой информации об устойчивом развитии важным видится понимание отличий финансовой информации от нефинансовой. Рассмотрим нефинансовую информацию как объект управленческого аудита и различия между финансовой и нефинансовой информацией об устойчивом развитии, представленные в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, важной составляющей в нефинансовой информации об устойчивом развитии выступает нефинансовая отчетность. Особенности аудита нефинансовой информации во многом

Сравнительный анализ финансовой и нефинансовой информации как объекта управленческого аудита

Table 1. Comparative analysis of financial and non-financial information as an object of management audit

Элемент сравнения	Финансовая информация	Нефинансовая информация об устойчивом развитии
1. Определение	Совокупность финансовых показателей, используемых для принятия управленческих решений	Совокупность сведений и показателей, отражающих цели Общества, его стратегию, подходы к управлению, систему управления рисками, взаимодействие с заинтересованными лицами, во взаимосвязи с планируемым вкладом деятельности Общества в достижение в соответствии с концепцией ESG [36]
2. Виды отчетности, в которых раскрыт данный вид информации	Финансовая отчетность + Интегрированная отчетность в части раскрытия в ней финансовой информации	Нефинансовая отчетность + Интегрированная отчетность
3. Формы отчетности, в которых раскрыта информация в РФ	1. Бухгалтерская (финансовая) отчетность: – бухгалтерский баланс; – отчет о финансовых результатах и др. 2. Интегрированная отчетность	1. Нефинансовая отчетность: – отчет об устойчивом развитии; – годовой отчет; – экологический отчет; – социальный отчет и др. 2. Интегрированная отчетность
4. Показатели	Ключевые финансовые показатели эффективности деятельности	Ключевые нефинансовые показатели эффективности деятельности
5. Виды капитала как объекты управленческого аудита	В большей степени финансовый капитал, производственный, интеллектуальный	Финансовый, производственный, интеллектуальный, природный, социальный, человеческий
6. Направленность	1. Экономическая	1. Социальная. 2. Экологическая. 3. Управленческая
7. Временной период	В большей степени краткосрочный	Кратко-, средне- и долгосрочный
8. Вид аудиторской услуги	Аудит и обзорные проверки финансовой информации прошедших периодов	Прочие задания, обеспечивающие уверенность
9. Управленческий аудит в зависимости от вида аудируемой информации	Управленческий аудит финансовой информации	Управленческий аудит нефинансовой информации
10. Используемая концепция при раскрытии информации в отчетности	Концепция существенности	Концепция двойной существенности
11. Основные темы раскрытия информации при оценке существенности в РФ	1. Результаты и показатели, характеризующие экономические и финансовые ресурсы финансово-хозяйственной деятельности организации. 2. Изменения в законодательстве РФ, в соответствии с которым осуществляется финансово-хозяйственная деятельность организации и др.	1. Стратегия, бизнес-модель и основные риски. 2. Специфические особенности сектора, в котором осуществляется деятельность. 3. Интересы и ожидания заинтересованных сторон. 4. Воздействие деятельности Общества на окружающую среду, социальную сферу и экономику и др.

Источник: составлено автором.

обусловлены ее спецификой, проявляющейся, как свидетельствует таблица 1, в ее направленности, применении нефинансовых показателей, использовании концепции двойной существенности при ее формировании.

Следующая особенность — вид услуги при проведении аудита нефинансовой информации в области устойчивого развития, который рассматривают как задание, обеспечивающее уверенность. Такие задания с учетом соответствующей Концепции могут обеспечивать как разумную, так и ограниченную уверенность [37]. Указанные виды

уверенности обеспечены в отношении «оцениваемого предмета задания с использованием критериев в оцениваемом предмете задания предмета задания» [37]. Данные предметы могут существенно различаться. В частности, предметом задания могут выступать оценка реализации долгосрочной программы развития и выполнение ключевых показателей эффективности (КПЭ) за 2023 г. (далее — Отчет о реализации Программы и выполнении КПЭ). В данном случае уверенность выражена в том, что Отчет о реализации Программы и выполнении

Таблица 2

Сравнительная характеристика аудита финансовой отчетности и аудита нефинансовой информации

Table 2. Comparative characteristics of financial statement audit and non-financial information audit

Параметры сравнения	Аудит финансовой отчетности	Аудит нефинансовой информации
1. Понятие	Независимая проверка бухгалтерской (финансовой) отчетности аудируемого лица в целях выражения мнения о достоверности такой отчетности (ст. 1 ФЗ № 307-ФЗ)	Сопутствующая аудиту услуга, обеспечивающая или разумную уверенность, или ограниченную уверенность (приказ Минфина России от 9 марта 2017 г. № 33н)
2. Используемая нормативно-правовая база	Нормативно-правовая база, регулирующая аудит финансовой отчетности	Нормативно-правовая база, регулирующая аудит нефинансовой отчетности
3. Используемые стандарты	Международные стандарты аудита (МСА)	Международные задания, обеспечивающие уверенность (МСЗОУ)
4. Пользователи	Широкий круг заинтересованных сторон, главным образом инвесторы	Более широкий круг заинтересованных сторон по сравнению с финансовыми аудитам
5. Объект	Финансовая отчетность и ее части	Нефинансовая информация и ее части
6. Субъекты	Аудиторы	Практикующий специалист
7. Аудируемые аспекты	Сосредоточены на финансовых и операционных аспектах	Фокусируются на оценке воздействия компании на окружающую среду и социальную сферу
8. Оценка соблюдения нормативных актов	Оценка соблюдения требований законодательства в области формирования финансовой отчетности	Аудиты устойчивого развития включают в себя и оценку соблюдения организацией стандартов и принципов устойчивого развития, а также ее усилий по управлению рисками и чувствительностью к устойчивому развитию
9. Сложность и трудоемкость проведения	Менее сложный и трудоемкий	Более сложный и трудоемкий, требующий владения специальными навыками (например, знаний и опыта в таких областях, как изменение климата и углеродная нейтральность)
10. Применение профессиональных суждений	Профессиональное суждение применяется	Профессиональные суждения применяют более широко
11. Используемая концепция существенности	Концепция существенности	Концепция двойной существенности
12. Обеспечиваемая уверенность	Разумная уверенность	Разумная либо ограниченная уверенность
13. Контроль со стороны регулирующих органов	Большой	Меньший
14. Используемый инструментарий	Традиционный инструментарий, используемый при аудите финансовой отчетности	1. Оценка двойной существенности. 2. Оценка системы внутреннего контроля. 3. Инструментарий бизнес-анализа. 4. Цифровой инструментарий, включая информационные ресурсы
15. Итоговый документ	Аудиторское заключение	Заключение или отчет

Источник: составлено автором.

КПЭ подготовлен во всех существенных отношениях в соответствии с применимыми актами по вопросам подготовки Отчета о реализации Программы и выполнении КПЭ, не содержит существенных искажений [38].

В Российской Федерации (РФ) аудиторско-консалтинговые фирмы, ученые и практики используют термин «аудит нефинансовой информации». Для целей настоящего исследования, применяя термин «аудит в отношении нефинансовой информации», мы рассматриваем его как задание, обеспечивающее уверенность, оказываемое в соответствии

с Международным стандартом, обеспечивающим уверенность (далее — МСЗОУ) 3000 и другими МСЗОУ этой группы.

В ходе исследования нами проведен сравнительный анализ аудита финансовой отчетности и нефинансовой информации по пятнадцати параметрам. Этот анализ позволил выявить особенности аудита нефинансовой информации, отраженные в таблице 2.

Таким образом, особенности аудита нефинансовой информации в области устойчивого развития обусловлены особенностями, характерными для объекта проверки

(особенностями раскрытия нефинансовой информации, использования концепции двойной существенности при формировании данной информации, раскрытия ESG-аспектов и др.).

На основании проведенного сравнения можно заключить, что к особенностям аудита нефинансовой информации относятся оказываемый вид аудиторских услуг (рассмотрение услуги как задания, обеспечивающее уверенность), нормативно-правовая база, применяемая при аудите нефинансовой информации в области устойчивого развития, ориентация на более широкий круг заинтересованных сторон по сравнению с аудитом бухгалтерской (финансовой) отчетности, высокая сложность и трудоемкость проведения аудита, ориентированность на оценку воздействия компании на окружающую среду и социальную сферу, возможности обеспечения при оказании услуги как разумной, так и ограниченной уверенности, использование концепции двойной существенности при оказании данных услуг, широкое применение профессионального суждения, использование специфических методов при оказании услуги; формируемый итоговый документ, а также используемые методы и концепции. Рассмотрим данные методы и концепции подробнее.

Концепция двойной существенности играет важную роль в раскрытии нефинансовой информации и формировании нефинансовой отчетности. Понимание и правильное применение двойной существенности способствует повышению надежности и прозрачности отчетности об устойчивом развитии организаций.

Как справедливо пишет Х. Граф-Эдингер, консультант по корпоративной климатической стратегии, «проведение объективной оценки существенности имеет решающее значение для отчетности в области устойчивого развития, которая должна включать актуальную и достоверную информацию обо всех воздействиях, рисках и возможностях (IRO) по экологическим, социальным и управленческим вопросам, которые считаются существенными с точки зрения существенности воздействия или финансовой существенности, или и того, и другого» [39]. Процесс оценки двойной существенности не только необходим для соблюдения правил ESG, но и предлагает стратегические преимущества для компаний. Приняв стратегический подход к процессу оценки

двойной существенности, компании могут выявить возможности для повышения показателей устойчивости, укрепления отношений с заинтересованными сторонами и в итоге стимулирования роста бизнеса.

Внутренний контроль — значимый аспект деятельности любой организации, обеспечивающий эффективность процессов, снижение рисков и точность финансовой и нефинансовой отчетности. Аудитор должен иметь понимание обо всех компонентах системы внутреннего контроля (контрольной среде, процессе оценки рисков, контрольных действиях, информационной системе и коммуникациях, процессе мониторинга), относящихся к вопросам устойчивого развития и подготовке нефинансовой информации об устойчивом развитии. Под системой внутреннего контроля понимают «комплекс процессов и процедур, которые организация разрабатывает, внедряет и поддерживает для обеспечения разумной уверенности в достижении целей организации в отношении хозяйственной деятельности, направленных на устойчивое развитие, достоверности отчетности в области устойчивого развития, эффективности операций, а также соблюдения применимых законов и нормативных актов, связанных с вопросами устойчивого развития» [40].

При проведении аудита нефинансовой отчетности особая роль отведена аналитическим процедурам с использованием методов бизнес-анализа. Обзор главных методов, используемых при аудите нефинансовой отчетности, представлен в таблице 3.

Бизнес-анализ играет огромную роль при проведении аудита нефинансовой информации об устойчивом развитии, поскольку он позволяет идентифицировать уязвимые места в системе управления компанией, провести анализ рисков и выработать рекомендации по их устранению. Кроме того, по результатам бизнес-анализа менеджмент компании может внести необходимые изменения в стратегию развития компании и разработать план действий для их реализации.

Крупнейшие аудиторско-консалтинговые компании адаптируются к новым цифровым реалиям. Для повышения конкурентоспособности на рынке аудиторских услуг создают и внедряют в процесс оказания этих услуг новые инструменты на базе цифровых технологий. К их числу можно отнести аналитику больших данных, технологию блокчейн,

Обзор основных методов бизнес-анализа, используемых при аудите нефинансовой отчетности

Table 3. Overview of the main business analysis methods used in the audit of non-financial statements

Методы	Краткое описание
1. Сбалансированная система показателей	Позволяет определить цели, релевантные показатели и целевые результаты, вытекающие из видения и стратегии организации
2. Бенчмаркинг и анализ рынка	Обеспечивает организацию актуальной и полезной информацией, на основе которой принимают управленческие решения
3. Анализ возможностей бизнеса	Позволяет оценить возможности посредством анализа эффективности бизнеса или связанных с ним рисков. Эта информация может служить основой для формирования «дорожной карты» по устойчивому развитию бизнеса
4. Оценка	Оценку используют аудиторы и другие заинтересованные лица для определения стоимости и трудозатрат, необходимых для выполнения планируемых действий в области устойчивого развития
5. Финансовый анализ	Используют для понимания финансовых аспектов ESG-деятельности и принятия на основе этого управленческих решений
6. Интервью	Систематический подход, предназначенный для выявления необходимой в рамках проведения аудита нефинансовой отчетности информации посредством беседы с респондентами, постановки подходящих вопросов и документирования ответов
7. Анализ и управление рисками	Выявляет области неопределенности, способные негативно повлиять на ценность, анализирует и оценивает эти неопределенности, а также разрабатывает пути работы с рисками и управляет ими
8. Анализ заинтересованных сторон	Предполагает определение заинтересованных сторон, которые могут быть затронуты предлагаемой инициативой или имеют общую бизнес-потребность
9. SWOT-анализ	SWOT-анализ используют для оценки преимуществ, слабых мест, возможностей и угроз для внутренних и внешних условий организации

Источник: составлено на основе [41].

искусственный интеллект, роботизированную автоматизацию процессов (RPA), программное обеспечение и др. При проведении удаленного аудита могут быть использованы применяемые клиентом платформы, необходимые при размещении нефинансовой информации. Обзор программного обеспечения представлен в таблице 4.

Как видно из таблицы 4, основными разработчиками на рынке компьютерных программ выступают зарубежные компании, в России эта сфера деятельности только набирает обороты. В результате исследования информации в сети Интернет «выделены шесть основных информационных ресурсов, на которых может размещаться нефинансовая информация об устойчивом развитии экономических субъектов, включая:

1. Официальный сайт экономического субъекта.
2. Официальный сайт Российского союза промышленников и предпринимателей.
3. Сайты рейтинговых агентств (RAEX, «Эксперт РА», Национальное рейтинговое агентство (НРА), РА АК & М, и др.).
4. Сайты специализированных информационных агентств («Интерфакс — ЦРКИ», АНО «АЗИПИ», АО «СКРИН», АО «АЭИ «ПРАЙМ», ЗАО «АК & М»).

5. Цифровой сервис сопоставления нефинансовой информации российских компаний (esg-disclosure.ru).

6. Цифровая платформа — Атлас экосистемы ESG и др.» [42].

Информация, раскрываемая на этих ресурсах, может быть полезна при аудите нефинансовой отчетности. Остановимся подробнее на некоторых информационных ресурсах, используемых при раскрытии нефинансовой информации.

В соответствии с Методическими рекомендациями по подготовке отчетности об устойчивом развитии коммерческим организациям, формирующим отчетность об устойчивом развитии, рекомендовано ее размещать на своих официальных сайтах в виде отдельного документа [43]. Как правило, раскрытие нефинансовой информации об устойчивом развитии осуществляют в разделе «Инвесторам и акционерам». В нем компании размещают различные виды нефинансовой отчетности, свидетельства о присвоении ESG-рейтингов, ежегодные анкеты об успехах в области устойчивого развития и другую нефинансовую информацию.

Информационная платформа РСПП служит аналогом государственного информационного ресурса бухгалтерской (финансовой)

Обзор программного обеспечения (ПО), используемого для определения двойной существенности, формирования нефинансовой информации и ESG-аудита

Table 4. Overview of software used to determine double materiality, generate non-financial information and environmental, social and governance audit

Компания	ПО для оценки двойной существенности	ПО для формирования ESG-отчетов	ПО для проведения аудита
1. Крупнейшие производители программного обеспечения, в том числе по устойчивому развитию для коммерческих организаций и аудиторско-консалтинговых компаний			
1.1 SAP	–	+	+
1.2 Oracle	–	+	+
1.3 IBM	–	+	+
1.4 Microsoft	–	+	+
1.5 G2 Grid®	–	+	–
2. Аудиторско-консалтинговые и консалтинговые компании, использующие программное обеспечение для оптимизации формирования отчетности в области устойчивого развития и ее аудита			
2.1 ESGFLO	–	+	+
2.2 Novata	+	+	–
2.3 Projective Group	+	+	–
2.4 IRIS CARBON	–	+	–
2.5 Greenomy	–	+	–
2.6 Holtara	–	+	–
2.7 Black Sun Global	–	+	+
2.8 KPMG	–	–	+
2.9 Quentic	+	+	+
2.10 Solidflow	+	+	–
2.11 EcoAct	+	+	–
2.12 Auditboard	+	+	+
2.13 ИА «Интерфакс»	–	+	–

Источник: составлено автором.

отчетности (ГИР БО). С ростом значимости ESG-отчетности и ее аудита значительно возросло и количество рейтинговых агентств, раскрывающих ESG-показатели компаний. Рейтинговые агентства, как поставщики нефинансовых данных, в последнее время стали центральными игроками в оценке показателей устойчивого развития компаний. Они собирают информацию из разных источников, разрабатывают собственные методы и формируют отчеты.

Как показывает практика, каждое рейтинговое агентство самостоятельно выбирает методологию, набор критериев и, опираясь на них, оценивает деятельность компаний с точки зрения соответствия ESG-принципам. В результате исследования в таблице 5 представлен обзор информационных платформ раскрытия нефинансовой информации об устойчивом развитии.

Как следует из таблицы 5, все рейтинговые агентства проводят комплексные

исследования и присваивают компаниям рейтинги устойчивого развития. Лидером в разработке и предоставлении пользователям «информационных продуктов» выступает Национальное рейтинговое агентство. При расчете ESG-рейтинга агентства используют такие источники, как анкетирование, анализ устойчивого развития, анализ корпоративной социальной ответственности (КСО), информацию СМИ, специализированные рейтинговые сайты, официальные сайты проверяемых компаний и т. д.

Нефинансовая информация об устойчивом развитии коммерческих организаций может быть размещена и на сайтах специализированных информационных агентств. Наиболее популярным, доступным в использовании, информативным, по нашему мнению, является сайт информационного агентства «Интерфакс-ЦРКИ». В целях раскрытия нефинансовой информации об устойчивом развитии им разработана компьютерная

УМАВОВ Ш. Ю. Основные тенденции и особенности аудита нефинансовой информации об устойчивом развитии как одного из перспективных видов управленческого аудита

Обзор информационных платформ раскрытия нефинансовой информации об устойчивом развитии

Table 5. Overview of information platforms for disclosing non-financial information on sustainable development

Российские рейтинговые агентства	Инструменты устойчивого развития	ESG-рейтинг	ESG-рэнкинг	ESG-индексы	Верификация
Национальное рейтинговое агентство (НРА)	+	+	+	–	+
Национальные кредитные рейтинги (НКР)	+	+	–	–	–
Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП)	+	+	–	+	–
Рейтинговое агентство АК & М	+	+	–	–	–
Аналитическое кредитное рейтинговое агентство (АКРА)	+	+	–	–	+
Эксперт РА (RAEX)	+	+	+	–	–

Источник: составлено автором.

программа, облегчающая подготовку ESG-отчетности.

Кроме того, пользуются популярностью разработанная интерактивная платформа «Атлас экосистемы ESG» и запущенный в России первый публичный цифровой сервис сопоставления нефинансовой информации российских компаний (esg-disclosure.ru) [44].

Таким образом, на основании проведенного исследования нами выделено шесть ключевых тенденций, характерных для аудита нефинансовой информации в области устойчивого развития и нефинансовой отчетности:

- применение цифровых технологий и цифровизации процессов аудита;
- высокий спрос на квалифицированных аудиторов;
- использование аудиторских процедур, проводимых в удаленном формате;
- возрастание роли аудита нефинансовой информации в области устойчивого развития и нефинансовой отчетности;
- проведение аудита кибербезопасности в рамках аудита нефинансовой информации в области устойчивого развития и нефинансовой отчетности;
- развитие концепции двойной существенности, используемой для целей проведения аудита нефинансовой информации в области

устойчивого развития и нефинансовой отчетности.

В процессе исследования выявлены особенности аудита нефинансовой информации об устойчивом развитии, заключающиеся в следующем: 1) оказываемом виде аудиторских услуг (рассмотрении услуги как задания, что обеспечивает уверенность); 2) используемой нормативно-правовой базе; 3) ориентации на более заинтересованных сторон по сравнению с аудитом бухгалтерской (финансовой) отчетности; 4) высокой сложности и трудоемкости проведения аудита; 5) ориентированности на оценку воздействия компании на окружающую среду и социальную сферу; 6) возможности обеспечения в ходе оказания услуги как разумной, так и ограниченной уверенности; 7) использовании концепции двойной существенности при оказании данных услуг; 8) широком применении профессионального суждения; 9) использовании специфических методов при оказании услуги; 10) формируемом итоговом документе; 11) используемых методах и концепциях. Учет основных тенденций и особенностей в случаях проведения аудита нефинансовой информации в отношении устойчивого развития позволит повысить качество оказываемых аудиторских услуг при минимизации временных и трудовых затрат на их оказание.

Список источников

1. Арабян К. К., Стадник С. А. Характеристика рынка аудиторско-консалтинговых услуг // Аудитор. 2024. Т. 10. № 5. С. 10–16. DOI: 10.12737/1998-0701-2024-10-5-10-16

2. Арабян К. К. Эволюция парадигм в аудите // Аудитор. 2019. Т. 5. № 3. С. 10–15. DOI: 10.12737/article_5c88ec268fc165.37992080

3. Богатая И. Н., Лавров Д. А., Евстафьева А. А. Развитие концептуальных основ аудиторской деятельности на основе компромиссной модели взаимодействия аудиторских и консалтинговых услуг // Аудит. 2024. № 1. С. 17–23.
4. Богатая И. Н., Лавров Д. А., Евстафьева Е. М., Корсакова Е. В. Развитие методологии и методики формирования интегрированной отчетности и ее аудита в нефтегазовом комплексе: монография. М.: Русайнс, 2023. 286 с.
5. Гутцайт Е. М. Обязательный аудит, инициативный аудит, иные формы подтверждения отчетности: ситуация и перспективы // Аудитор. 2023. Т. 9. № 1. С. 10–18. DOI: 10.12737/1998-0701-2023-9-1-10-18
6. Чая В. Т., Винидиктов Е. С. Некоторые правовые аспекты развития аудиторской деятельности в Российской Федерации // Аудит. 2022. № 4. С. 47–49.
7. Хахонова Н. Н. Противодействие корпоративному мошенничеству и основные направления развития аудита // Аудит. 2023. № 3. С. 9–13.
8. Казакова Н. А., Бровкина Н. Д. Информационные технологии в аудиторской деятельности // Аудитор. 2020. Т. 6. № 4. С. 24–29. DOI: 10.12737/1998-0701-2020-24-29
9. Гузов Ю. Н. Направления цифровизации учета и аудита // Аудит. 2021. № 4. С. 11–16.
10. Генералова Н. В., Гузов Ю. Н., Соболева Г. В. Цифровизация учета и аудита: эволюция технологий, российский опыт и перспективы развития // Финансы и бизнес. 2021. Т. 17. № 4. С. 63–80. DOI: 10.31085/1814-4802-2021-17-4-112-63-80
11. Казакова Н. А., Мельник М. В., Дудорова Е. В. Перспективы внедрения аналитики больших данных в аудиторскую профессию // Аудитор. 2021. Т. 7. № 3. С. 40–47. DOI: 10.12737/1998-0701-2021-7-3-40-47
12. Leocádio D., Malheiro L., Reis J. C. G. Auditors in the digital age: A systematic review of the literature // Digital Transformation and Society. 2024. DOI: 10.1108/DTS-02-2024-0014
13. Fotoh L., Lorentzon J. Audit digitalization and its consequences on the audit expectation gap: A critical perspective // Accounting Horizons. 2023. Vol. 37. No. 1. P. 43–69. DOI: 10.2308/HORIZONS-2021-027
14. Seethamraju R., Hecimovic A. Adoption of artificial intelligence in auditing: An exploratory study // Australian Journal of Management. 2023. Vol. 48. No. 4. P. 780–800. DOI: 10.1177/03128962221108440
15. Beyond traditional audits: The implications of information technology on auditing / Н. Shaikh, М. U. Jokhio, Z. A. Maher et al. // International Journal of Engineering and Technology. 2018. Vol. 7. No. 2. P. 5–11. DOI: 10.14419/ijet.v7i2.34.13897
16. Фан Т. Т. К. Трансформация внутреннего аудита – эффективный способ увеличения вклада в устойчивое развитие хозяйствующего субъекта // Экономика и управление: проблемы, решения. 2021. Т. 2. № 2. С. 114–119. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2021.02.02.020
17. Харисова Ф. И., Хайруллина Л. И., Ван М. Аспекты внутреннего аудита организаций в Китае на основе концепции ESG // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 2. С. 311–316.
18. Биримкулова А. Д. Роль внутреннего аудита в обеспечении устойчивого развития экономики // Вестник Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики имени Ж. Абдрахманова. 2023. № 31. С. 138–143.
19. Исследование текущего состояния и тенденций развития внутреннего аудита нефинансовых организаций в России: совместное исследование ИВА и ТеДо // Институт внутренних аудиторов. 2023. 44 с. URL: <https://data.tedo.ru/publications/iaa-tedo-research.pdf> (дата обращения: 30.06.2024).
20. Phan T. T. Q., Sidorova M. I. The relationship between internal audit and sustainable development: Quantitative study // Knowledge, man and civilization (ISCKMC 2022) / eds. D. K. Bataev, S. A. Gapurov, A. D. Osmaev [et al.]. (Grozny, June 08-10, 2022). London: European Proceedings, 2022. P. 838–851. (European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Vol. 129). DOI: 10.15405/epsbs.2022.12.109
21. Dineva V. The role of internal audit in corporate social responsibility strategies // Economic Alternatives. 2019. No. 2. P. 287–295. URL: https://www.unwe.bg/uploads/Alternatives/11_Dineva_Alternatives_en_2_2019.pdf (дата обращения: 30.06.2024).
22. Engelbrecht L., Yasseen Y., Omarjee I. The role of the internal audit function in integrated reporting: A developing economy perspective // Meditari Accountancy Research. 2018. Vol. 26. No. 4. P. 657–674. DOI: 10.1108/MEDAR-10-2017-0226
23. Shamsuddin N., Bakar N. S. Influence of the internal audit function towards Zakat performance // International Journal of Islamic Economics and Finance Research. 2021. Vol. 4. No. 1. P. 77–93. DOI: 10.53840/ijiefer50
24. Ganesan Y., Kanthan G., Mushtaq M., Yeap J. A. L. The moderating role of internal audit function on the relationship between board of director characteristics and business performance in Malaysia // Global Business and Management Research: An International Journal. 2018. Vol. 10. No. 1. P. 356–378. URL: <https://www.researchgate.net/profile/Muhammad-Mushtaq-24/>

- publication/331859644_The_Moderating_Role_of_Internal_Audit_Function_on_the_Relationship_Between_Board_of_Director_Characteristics_and_Business_Performance_in_Malaysia/links/5c907bfb45851564fae6dbc9/The-Moderating-Role-of-Internal-Audit-Function-on-the-Relationship-Between-Board-of-Director-Characteristics-and-Business-Performance-in-Malaysia.pdf (дата обращения: 30.06.2024).
25. Булыга Р. П., Сафонова И. В. Аудит бизнеса в формате ESG: диалектика развития базовых категорий верификации // Учет. Анализ. Аудит. 2022. Т. 9. № 4. С. 6–20. DOI: 10.26794/2408-9303-2022-9-4-6-20
26. Булыга Р. П., Сафонова И. В. Аудит бизнеса в формате ESG: развитие методологии верификации корпоративной отчетности // Учет. Анализ. Аудит. 2022. Т. 9. № 5. С. 6–21. DOI: 10.26794/2408-9303-2022-9-5-6-21
27. Демина И. Д., Курбонов А. Г. Аудит бизнеса в контексте устойчивого развития предприятия // Бухгалтерский учет и налогообложение в бюджетных организациях. 2023. № 11. С. 32–38.
28. Analysis of the information verification model in non-financial reporting of oil and gas companies / O. Kolosova, O. Leonova, I. Bogataya [et al.] // E3S Web of Conferences. 2023. Vol. 419. Article 01019. DOI: 10.1051/e3sconf/202341901019
29. Каморджанова Н. А., Саталкина Е. В., Саввинова А. А. Интегрированная отчетность: история, верификация, перспективы // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2023. № 5. С. 33–44. DOI: 10.25198/2077-7175-2023-5-33
30. Проданова Н. А., Коваленко С. Н. Развитие ESG-аудита в новых реалиях // Бухгалтерский учет и налогообложение в бюджетных организациях. 2023. № 5. С. 34–40.
31. Серебрякова Т. Ю. Нефинансовая отчетность и контроль соответствия // Учет. Анализ. Аудит. 2023. Т. 10. № 3. С. 33–44. DOI: 10.26794/2408-9303-2023-10-3-33-44
32. Актуальные методы формирования, анализа и контроля отчетности системообразующих корпоративных структур: монография / Н. А. Каморджанова, И. Н. Богатая, Г. Г. Дерзаева [и др.]. М.: Русайнс, 2022. 280 с.
33. Goicoechea E., Gómez-Bezares F., Ugarte J. Integrated reporting assurance: Perceptions of auditors and users in Spain // Sustainability. 2019. Vol. 11. No. 3. Article 713. DOI: 10.3390/su11030713
34. Canning M., O'Dwyer B., Georgakopoulos G. Processes of auditability in sustainability assurance – the case of materiality construction // Accounting and business research. 2019. Vol. 49. No. 1. P. 1–27. DOI: 10.1080/00014788.2018.1442208
35. The International Auditing and Assurance Standards Board (IAASB) sets high-quality international standards for auditing, assurance, and quality management that strengthen public confidence in the global profession // International Auditing and Assurance Standards Board (IAASB). URL: <https://www.iaasb.org/> (дата обращения: 29.06.2024).
36. О рекомендациях по раскрытию публичными акционерными обществами нефинансовой информации, связанной с деятельностью таких обществ: информационное письмо Банка России от 12 июля 2021 г. № ИН-06-28/49 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_390868/?ysclid=m2iry5wlfj625815572 (дата обращения: 30.06.2024).
37. Международная концепция заданий, обеспечивающих уверенность // Министерство финансов РФ: офиц. сайт. 2019. 15 февраля. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=116634 (дата обращения: 30.06.2024).
38. Сборник примерных форм заключений и отчетов, составленных в соответствии с Международными стандартами аудита (версия 8/2024) // Саморегулируемая организация аудиторов Ассоциация «Содружество». URL: <https://sroaas.ru/pc/actions/akt-sbornik-msa082024/> (дата обращения: 30.06.2024).
39. Graf-Ediger H. Understanding double materiality for the CSRD. First Climate. 2024. 07 June. URL: <https://www.firstclimate.com/post/understanding-double-materiality-for-the-csrd?lang=en> (дата обращения: 30.06.2024).
40. Understanding International Standard on Sustainability Assurance 5000 // International Auditing and Assurance Standards Board (IAASB). URL: <https://www.iaasb.org/focus-areas/understanding-international-standard-sustainability-assurance-5000> (дата обращения: 30.06.2024).
41. ВАВОК: руководство к своду знаний по бизнес-анализу. Версия 3.0. М.: Олимп-Бизнес, 2022. 514 с.
42. Формирование, анализ и использование учетной и отчетной информации при устойчивом развитии экономического субъекта: монография / под ред. Н. В. Малиновской, Т. М. Мезенцевой. М.: КноРус, 2024. 224 с.
43. Об утверждении методических рекомендаций по подготовке отчетности об устойчивом развитии: приказ Министерства экономического развития РФ от 1 ноября 2023 г. № 764 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_461485/85b1667f38594be0b3f7b63b93cb9bdbd0d1e4a5/ (дата обращения: 04.07.2024).

44. Цифровая карта экосистемы ESG // Атлас экосистемы ESG. URL: <https://atlas.esg-a.ru/> (дата обращения: 04.07.2024).

References

1. Arabyan K.K., Stadnik S.A. Characteristics of the market for audit and consulting services. *Auditor*. 2024;10(5):10-16. (In Russ.). DOI: 10.12737/1998-0701-2024-10-5-10-16
2. Arabyan K.K. The evolution of paradigms in audit. *Auditor*. 2019;5(3):10-15. (In Russ.). DOI: 10.12737/article_5c88ec268fc165.37992080
3. Bogataya I.N., Lavrov D.A., Evstafeva A.A. Development of the conceptual foundations of audit activity based on a compromise model of interaction between audit and consulting services. *Audit = The Audit Magazine*. 2024;(1):17-23. (In Russ.).
4. Bogataya I.N., Lavrov D.A., Evstafeva A.A., Korsakova E.V. Development of methodology and techniques for the formation of integrated reporting and its audit in the oil and gas complex. Moscow: RuScience; 2023. 286 p. (In Russ.).
5. Guttsayt E. Mandatory audit, initiative audit, other forms of reporting confirmation: Situation and prospects. *Auditor*. 2023;9(1):10-18. (In Russ.). DOI: 10.12737/1998-0701-2023-9-1-10-18
6. Chaya V.T., Vinidiktov E.S. Some legal aspects of the development of auditing activities in the Russian Federation. *Audit = The Audit Magazine*. 2022;(4):47-49. (In Russ.).
7. Khakhonova N.N. Countering corporate fraud and the main directions of audit development. *Audit = The Audit Magazine*. 2023;(3):9-13. (In Russ.).
8. Kazakova N.A., Brovkina N.D. Information technology in auditing. *Auditor*. 2020;6(4): 24-29. (In Russ.). DOI: 10.12737/1998-0701-2020-24-29
9. Guзов Yu.N. Directions of digitalization of accounting and audit. *Audit = The Audit Magazine*. 2021;(4):11-16. (In Russ.).
10. Generalova N.V., Guзов Yu.N., Soboleva G.V. Digitalization of accounting and auditing: Technology evolution, Russian experience and development prospects. *Finansy i biznes = Finance and Business*. 2021;17(4):63-80. (In Russ.). DOI: 10.31085/1814-4802-2021-17-4-112-63-80
11. Kazakova N.A., Mel'nik M.V., Dudorova E.V. Prospects for implementing Big Data analytics into the auditing profession. *Auditor*. 2021;7(3):40-47. (In Russ.). DOI: 10.12737/1998-0701-2021-7-3-40-47
12. Leocádio D., Malheiro L., Reis J.C.G. Auditors in the digital age: A systematic review of the literature. *Digital Transformation and Society*. 2024. DOI: 10.1108/DTS-02-2024-0014
13. Fotoh L., Lorentzon J. Audit digitalization and its consequences on the audit expectation gap: A critical perspective. *Accounting Horizons*. 2023;37(1):43-69. DOI: 10.2308/HORIZONS-2021-027
14. Seethamraju R., Hecimovic A. Adoption of artificial intelligence in auditing: An exploratory study. *Australian Journal of Management*. 2023;48(4):780-800. DOI: 10.1177/03128962221108440
15. Shaikh H., Jokhio M.U., Maher Z.A., et al. Beyond traditional audits: The implications of information technology on auditing. *International Journal of Engineering and Technology*. 2018;7(2):5-11. DOI: 10.14419/ijet.v7i2.34.13897
16. Phan T.T.Q. Transformation of the internal audit is an effective way to increase the contribution to the sustainable development of a business entity. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya = Economics and Management: Problems, Solutions*. 2021;2(2):114-119. (In Russ.). DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2021.02.02.020
17. Harisova F.I., Khayrullina L.I., Wang M. Aspects of internal audit of organizations in China based on the ESG concept. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = The Review of Economy, the Law and Sociology*. 2024;(2):311-316. (In Russ.).
18. Birimkulova A.D. The role of internal audit in sustainable development of the economy. *Vestnik Akademii gosudarstvennogo upravleniya pri Prezidente Kyrgyzskoi Respubliki imeni Zh. Abdrakhmanova = Vestnik of the Academy of Public Administration under the President of the Kyrgyz Republic named after Zh. Abdrakhmanov*. 2023;(31):138-143. (In Russ.).
19. Research of the current state and development trends of internal audit of non-financial organizations in Russia: A joint study by IIA and TeTr. St. Petersburg: Institute of Internal Auditors; 2024. 44 p. URL: <https://data.tedo.ru/publications/iaa-tedo-research.pdf> (accessed on 30.06.2024). (In Russ.).
20. Phan T.T.Q., Sidorova M.I. The relationship between internal audit and sustainable development: Quantitative study. In: Bataev D.K., Gapurov S.A., A. D. Osmaev A.D., et al., eds. Int. sci. Congr. "Knowledge, man and civilization (ISCKMC 2022). (Grozny, June 08-10, 2022). London: European Proceedings; 2022:838-851. (European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Vol. 129). DOI: 10.15405/epsbs.2022.12.109

21. Dineva V. The role of internal audit in corporate social responsibility strategies. *Economic Alternatives*. 2019;(2):287-295. URL: https://www.unwe.bg/uploads/Alternatives/11_Dineva_Alternatives_en_2_2019.pdf (accessed on 30.06.2024).
22. Engelbrecht L., Yasseen Y., Omarjee I. The role of the internal audit function in integrated reporting: A developing economy perspective. *Meditari Accountancy Research*. 2018;26(4): 657-674. DOI: 10.1108/MEDAR-10-2017-0226
23. Shamsuddin N., Bakar N.S. Influence of the internal audit function towards Zakat performance. *International Journal of Islamic Economics and Finance Research*. 2021;4(1):77-93. DOI: 10.53840/ijiefer50
24. Ganesan Y., Kanthan G., Mushtaq M., Yeap J.A.L. The moderating role of internal audit function on the relationship between board of director characteristics and business performance in Malaysia. *Global Business and Management Research: An International Journal*. 2018;10(1):356-378. URL: https://www.researchgate.net/profile/Muhammad-Mushtaq-24/publication/331859644_The_Moderating_Role_of_Internal_Audit_Function_on_the_Relationship_Between_Board_of_Director_Characteristics_and_Business_Performance_in_Malaysia/links/5c907bfb45851564fae6dbc9/The-Moderating-Role-of-Internal-Audit-Function-on-the-Relationship-Between-Board-of-Director-Characteristics-and-Business-Performance-in-Malaysia.pdf (accessed on 30.06.2024).
25. Bulyga R.P., Safonova I.V. Business audit in a framework of ESG: Dialectic of basic categories of verification development. *Uchet. Analiz. Audit = Accounting. Analysis. Auditing*. 2022;9(4):6-20. (In Russ.). DOI: 10.26794/2408-9303-2022-9-4-6-20
26. Bulyga R.P., Safonova I.V. Business audit in ESG format: Up-growth of the corporate reporting verification methodology. *Uchet. Analiz. Audit = Accounting. Analysis. Auditing*. 2022;9(5):6-22. (In Russ.). DOI: 10.26794/2408-9303-2022-9-5-6-21
27. Demina I.D., Kurbonov A.G. Business audit in the context of sustainable enterprise development. *Bukhgalterskii uchet i nalogooblozhenie v byudzhetykh organizatsiyakh = Accounting and Tax Assessment in Budget Organisations*. 2023;(11):32-38. (In Russ.).
28. Kolosova O., Leonova O., Bogataya I., et al. Analysis of the information verification model in non-financial reporting of oil and gas companies. *E3S Web of Conferences*. 2023;419:01019. DOI: 10.1051/e3sconf/202341901019
29. Kamordzhanova N.A., Satalkina E.V., Savvinova A.A. Integrated reporting: History, verification, prospects. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii = Intellect. Innovation. Investments*. 2023;(5):33-44. (In Russ.). DOI: 10.25198/2077-7175-2023-5-33
30. Prodanova N.A., Kovalenko S.N. Development of ESG audit in new realities. *Bukhgalterskii uchet i nalogooblozhenie v byudzhetykh organizatsiyakh = Accounting and Tax Assessment in Budget Organisations*. 2023;(5):34-40. (In Russ.).
31. Serebryakova T.Yu. Non-financial reporting and compliance control. *Uchet. Analiz. Audit = Accounting. Analysis. Auditing*. 2023;10(3):33-44. (In Russ.). DOI: 10.26794/2408-9303-2023-10-3-33-44
32. Kamordzhanova N.A., Bogataya I.N., Derzaeva G.G., et al. Current methods of formation, analysis and control of reporting of systemically important corporate structures. Moscow: RuScience; 2022. 280 p. (In Russ.).
33. Goicoechea E., Gómez-Bezares F., Ugarte J. Integrated reporting assurance: Perceptions of auditors and users in Spain. *Sustainability*. 2019;11(3):713. DOI: 10.3390/su11030713
34. Canning M., O'Dwyer B., Georgakopoulos G. Processes of auditability in sustainability assurance — the case of materiality construction. *Accounting and Business Research*. 2019;49(1):1-27. DOI: 10.1080/00014788.2018.1442208
35. The International Auditing and Assurance Standards Board (IAASB) sets high-quality international standards for auditing, assurance, and quality management that strengthen public confidence in the global profession. International Auditing and Assurance Standards Board (IAASB). URL: <https://www.iaasb.org/> (accessed on 29.06.2024).
36. On recommendations for disclosure by public joint-stock companies of non-financial information related to the activities of such companies. Information letter of the Bank of Russia dated July 12, 2021 No. IN-06-28/49. Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_390868/?ysclid=m2iry5wlfj625815572 (accessed on 30.06.2024). (In Russ.).
37. International concept of assurance tasks. Official website of the Ministry of Finance of the Russian Federation. Feb. 15, 2019. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=116634 (accessed on 30.06.2024). (In Russ.).
38. Collection of sample forms of opinions and reports prepared in accordance with International Standards on Auditing (version 8/2024). Self-Regulatory Organization of Auditors Association "Commonwealth". URL: <https://sroaas.ru/pc/actions/akt-sbornik-msa082024/> (accessed on 30.06.2024). (In Russ.).
39. Graf-Ediger H. Understanding double materiality for the CSRD. First Climate. Jun. 07, 2024. URL: <https://www.firstclimate.com/post/understanding-double-materiality-for-the-csrd?lang=en> (accessed on 30.06.2024).

40. Understanding International Standard on Sustainability Assurance 5000. International Auditing and Assurance Standards Board (IAASB). URL: <https://www.iaasb.org/focus-areas/understanding-international-standard-sustainability-assurance-5000> (accessed on 30.06.2024).

41. BABOK: A guide to the business analysis body of knowledge. Version 3.0. Moscow: Olymp-Business; 2022. 514 p. (In Russ.).

42. Malinovskaya N.V., Mezentseva T.M., eds. Formation, analysis and use of accounting and reporting information in the sustainable development of an economic entity. Moscow: KnoRus; 2024. 224 p. (In Russ.).

43. On approval of methodological recommendations for the preparation of sustainable development reports. Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation dated November 1, 2023 No. 764. Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_461485/85b1667f38594be0b3f7b63b93cb9bdbd0d1e4a5/ (accessed on 04.07.2024). (In Russ.).

44. Digital map of the ESG ecosystem. Atlas of the ESG ecosystem. URL: <https://atlas.esg-a.ru/> (accessed on 04.07.2024). (In Russ.).

Сведения об авторе

Шамиль Юсупович Умавов

соискатель кафедры бухгалтерского учета
Ростовский государственный экономический
университет (РИНХ)
344002, Ростов-на-Дону, Большая Садовая ул.,
д. 69/47

Поступила в редакцию 25.09.2024
Прошла рецензирование 21.10.2024
Подписана в печать 05.11.2024

Information about the author

Shamil Yu. Umavov

applicant of the Accounting Department
Rostov State University of Economics (RINH)
69/47 Bolshaya Sadovaya st., Rostov-on-Don
344002, Russia

Received 25.09.2024
Revised 21.10.2024
Accepted 05.11.2024

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов,
связанных с публикацией данной статьи.
Conflict of interest: the author declares no conflict of interest
related to the publication of this article.

УДК 316.443

<http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-10-1290-1298>

Востребованность компетенций работников в условиях цифровизации услуг

Наталья Ильясовна Шмидт

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, shmidtnei@tatneft.ru

Аннотация

Цель. Исследовать востребованные компетенции на современном рынке труда в условиях цифровизации, а также определить необходимость изменений в образовательных программах для подготовки специалистов, способных адаптироваться к динамично изменяющимся требованиям.

Задачи. Проанализировать влияние услуг цифровизации на рынок труда и изменения в профессиональных требованиях; изучить роль гибких навыков и их значимости для успешной профессиональной деятельности; оценить актуальность образовательных программ в аспекте требований цифровой экономики; выявить ключевые компетенции, необходимые для успешной адаптации специалистов к новым условиям труда.

Методология. Исследование проведено с использованием формально-логического подхода. Применена комбинированная методология, включающая в себя анализ существующих исследований и данных, собранных президентской платформой «Россия — страна возможностей» и Министерством науки и высшего образования РФ; кейс-стадии на примере ведущих компаний ПАО «Газпром», ОАО «РЖД» и ПАО «Сбербанк» для изучения востребованных компетенций, в сочетании с основными методологическими подходами экономической теории. Определены приоритетные направления развития цифровых инноваций в образовательной сфере. Методологический подход включает в себя изучение компетентностного подхода, цифрового профилирования студентов и их профессионального роста.

Результаты. Выявлены ключевые компетенции, востребованные на современном рынке труда: партнерство, лидерство, эмоциональный интеллект, саморазвитие, адаптивность и цифровые навыки. Установлено, что гибкие навыки становятся более значимыми для работодателей в условиях цифровизации, чем узкоспециализированные знания. Обнаружены разногласия между ожиданиями работодателей, университетов и студентов относительно важности ряда навыков. Внедрение цифровых технологий в качестве услуг в образовательную и профессиональную практику через призму социального капитала значительно повысило эффективность процесса оценки и управления профессиональным развитием студентов.

Выводы. Цифровизация требует от образовательных учреждений пересмотра подходов к подготовке специалистов, с акцентом внимания на гибких и цифровых компетенциях, в том числе для успешной адаптации к будущим требованиям рынка труда. Цифровой паспорт студентов служит значимым инструментом для интеграции учебного процесса и практической деятельности, создавая основу для более точной оценки и развития социального капитала студентов, что способствует улучшению процессов отбора и сопровождения профессионального роста.

Ключевые слова: компетенции, компетентностный подход, студенты, профессиональный рост, база данных, портфолио, социальный капитал, услуги цифровизации

Для цитирования: Шмидт Н. И. Востребованность компетенций работников в условиях цифровизации услуг // *Экономика и управление*. 2024. Т. 30. № 10. С. 1290–1298. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-10-1290-1298>

© Шмидт Н. И., 2024

Demand for employee competencies in the context of digitalization of services

Natalya I. Shmidt

Kazan (Volga Region) Federal University Kazan, Russia, shmidtni@tatneft.ru

Abstract

Aim. This study aims to explore the competencies currently in demand in labor market under the influence of digitalization and to assess the need for adjustments in educational programs to train specialists capable of adapting to rapidly evolving requirements.

Objectives. The work analyzes how digitalization services impact the labor market and professional requirements. It investigates the importance of adaptable skills for professional success, evaluates the relevance of educational programs in meeting the needs of the digital economy, and identifies key competencies necessary for specialists to successfully adjust in new working conditions.

Methods. The study was conducted using a formal logical approach. A combined methodology was applied, including an analysis of existing studies and data collected by the presidential platform "Russia – Land of Opportunity" and the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation; case studies of leading companies Gazprom, Russian Railways, and Sberbank to analyze in-demand competencies, in combination with the main methodological approaches of economic theory. Priority fields for the development of digital innovations in the educational sphere were identified. The methodological approach includes the study of the competency-based approach, digital profiling of students and their professional growth.

Results. Key competencies in demand in the modern labor market are identified, namely partnership, leadership, emotional intelligence, self-development, adaptability, and digital skills. It has been established that adaptable skills are becoming more important for employers in the context of digitalization than highly specialized knowledge. Discrepancies were revealed between the expectations of employers, universities and students regarding the importance of a number of skills. The introduction of digital technologies as services in educational and professional practice in terms of social capital has significantly increased the efficiency of the process of assessing and managing students' professional development.

Conclusions. Digitalization requires educational institutions to review their approaches to training specialists, with an emphasis on flexible and digital competencies, including for successful adaptation to future labor market requirements. The digital student passport serves as a significant tool for integrating the educational process and practical activities, creating a basis for a more accurate assessment and development of students' social capital, which helps improve the selection processes and support for professional growth.

Keywords: competencies, competency-based approach, students, professional growth, database, portfolio, social capital, digitalization services

For citation: Shmidt N.I. Demand for employee competencies in the context of digitalization. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2024;30(10):1290-1298. (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-10-1290-1298>

Процесс трансформации рынка труда и динамические изменения, происходящие в области информационных технологий, существенно усложняют задачу прогнозирования востребованных профессий будущего. Современные технологии, такие как автоматизация, искусственный интеллект и большие данные, изменяют характер труда, что требует переосмысления традиционных представлений о профессиональных компетенциях. Прогнозирование новых профессий становится все более сложной задачей вследствие высокой скорости появления новых технологий и изменений в требованиях

к навыкам. В этом контексте важно обратить внимание на то, что спрос на узкоспециализированных профессионалов, которые не обладают необходимыми цифровыми и кросс-функциональными компетенциями, будет снижаться, поскольку формирование новых профессий происходит быстро и требует от специалистов широкого спектра знаний и навыков, включая цифровую грамотность и способность к адаптации [1, с. 387; 2].

Цифровизация образования становится ключевым фактором в подготовке кадров для будущего. Модернизация учебных программ в высших и среднеспециальных

образовательных учреждениях должна быть направлена на тесное взаимодействие с работодателями, чтобы обеспечивать актуальность образовательных программ в соответствии с требованиями цифровой экономики. Важными задачами являются не только передача узкоспециализированных знаний, но и формирование компетенций, связанных с критическим мышлением, креативностью, умением работать с большими данными и аналитическими инструментами, что позволит будущим специалистам успешно адаптироваться к стремительно изменяющимся условиям труда [3, с. 1095].

На современном рынке труда растет значимость так называемых гибких навыков (soft skills), которые в условиях цифровизации становятся наиболее значимыми для обеспечения конкурентоспособности специалистов. Гибкие навыки включают в себя такие компетенции, как эмоциональный интеллект, лидерство, коммуникативные способности, креативное мышление и способность к командной работе [4, р. 150; 5]. Эти навыки оказываются более важными для работодателей, поскольку они позволяют сотрудникам адаптироваться к новым условиям, быстро осваивать новые технологии и эффективно взаимодействовать в цифровой среде [6, с. 332].

Таким образом, цифровая трансформация требует от образовательных учреждений перестройки подходов к подготовке специалистов, которые должны обладать не только узкопрофильными знаниями, но и широким спектром навыков, включая гибкие и цифровые компетенции. Это обеспечивает их готовность к выполнению сложных и междисциплинарных задач, которые будут актуальны в будущем.

Для выявления наиболее востребованных компетенций нами проведен анализ исследований, организованных президентской платформой «Россия — страна возможностей» и Министерством науки и высшего образования РФ в рамках проекта «Оценка и развитие управленческих компетенций в российских образовательных организациях», а также изучено совместное исследование ПАО «Сбербанк» и The Boston Consulting Group (BCG). В ходе исследования на примере таких ведущих компаний, как ПАО «Газпром», ОАО «РЖД» и ПАО «Сбербанк», охарактеризованы ключевые компетенции, востребованные на современном рынке труда.

Результаты исследования платформы «Россия — страна возможностей» показали, что важнейшими компетенциями, по мнению опрошенных, являются партнерство, лидерство и эмоциональный интеллект. Выявлено, что существует разногласие между ожиданиями работодателей, университетов и студентов относительно значимости определенных навыков [7]. BCG разработала «Целевую модель компетенций 2025», объединяющую когнитивные, социальные и цифровые навыки под девизом «Эволюционируй или вымрешь».

ПАО «Сбербанк» на основе исследования выделило ключевые компетенции для успешной работы: саморазвитие, организованность, принятие решений, предпринимательские навыки, решение нестандартных задач, адаптивность, коммуникация, межкультурные компетенции, эмоциональный интеллект и цифровые навыки [8]. Для ПАО «Газпром нефть» важны аналитическое мышление, инновационность, способность анализировать данные, коммуникабельность и стрессоустойчивость [9]. В ОАО «РЖД» ключевыми компетенциями считают компетентность, клиентоориентированность, корпоративность, безопасность, креативность и лидерство [10].

Проведенный анализ показал, что каждая компания имеет уникальный перечень необходимых навыков и компетенций. Например, ПАО «Татнефть» ценит готовность сотрудников к обучению, участие в производственной деятельности, лидерские качества, аналитические способности, командную работу и инициативность [11]. В целом компании считают студентов ключевым ресурсом для своего развития, уделяя внимание их обучению и развитию. Проблема дефицита квалифицированных кадров на важных должностях требует значительных усилий по подбору персонала с нужными компетенциями [12, р. 51].

Итак, в настоящее время именно компетентностный подход представляет собой один из главных современных методов, используемых в процессе подбора новых сотрудников среди студентов. Этот подход основан на четко структурированной системе идентификации и оценки компетенций кандидатов, что позволяет выстроить целостную стратегию отбора и найма персонала. Компетентностный подход предполагает акцент на профессиональных и личностных качествах, которые соответствуют требованиям

организации и способствуют достижению ее целей [13, с. 38; 14, р. 370].

Ранее управление персоналом преимущественно базировалось на анализе функциональных задач и профессиональных обязанностей, закрепленных в должностных инструкциях. Такой подход был эффективен в условиях стабильных и предсказуемых бизнес-сред, однако современные вызовы требуют более гибких и динамичных методов [15, р. 65]. Современные руководители полагают, что простой анализ задач и обязанностей уже не обеспечивает адекватной оценки потенциала сотрудников. Возникает необходимость дополнения традиционных подходов моделями компетенций, которые включают в себя как профессиональные знания и навыки, так и личностные качества, поведенческие характеристики и способности к адаптации в изменяющихся условиях.

Выявление и развитие ключевых компетенций сотрудников играет важнейшую роль в достижении высоких производственных результатов и устойчивого экономического роста организации. Компетентностные модели позволяют компаниям точнее прогнозировать потребности в кадрах, способствуют эффективному планированию обучения и развития персонала, а также обеспечивают лучшее соответствие сотрудников стратегическим целям предприятия. В условиях глобальной конкуренции и технологических изменений приведенный подход становится важнейшим инструментом для повышения конкурентоспособности и адаптивности организации в быстро изменяющемся мире.

Обучение и развитие студентов необходимы для повышения их компетенций, которые приносят пользу компании. Для этого используют HR-технологии: создание молодежных организаций, стажировки, участие в проектах, хакатоны и другие мероприятия. Однако, несмотря на усилия, студенты с уникальными навыками не всегда трудоустраиваются в компанию, и при частом повторении таких случаев это может негативно сказаться на бизнесе в будущем.

Для предотвращения подобных проблем необходимо реализовать следующие меры: обеспечение тщательно спланированного участия организации на протяжении периода обучения студента, что способствует формированию его личности и профессиональных навыков; оценка и развитие компетенций студента через мероприятия, организуемые предприятием, что позво-

ляет интегрировать теоретические знания с практическими навыками; постепенная адаптация студента в корпоративную среду в процессе обучения, достигаемая за счет эффективной организации стажировок и практической подготовки; разработка индивидуального карьерного маршрута на основании оцененных компетенций студента и его профессиональной подготовки, что обеспечит успешное трудоустройство по завершении обучения.

Руководители стремятся привлекать компетентных студентов, так как они создают качественный продукт за меньшую плату. В ПАО «Татнефть» управление персоналом нацелено не только на отбор студентов с нужными компетенциями, но и на развитие их навыков для профессионального роста внутри компании. С развитием цифровизации и увеличением объема данных, необходимых для оценки компетенций, критически важно создать централизованную цифровую базу данных, которая бы эффективно хранила и обрабатывала информацию о студентах. Такая система позволит не только упрощать сбор данных, но и автоматизировать процесс анализа компетенций, обеспечивая прозрачное и оперативное взаимодействие между образовательными учреждениями и работодателями.

Цифровые платформы для управления данными студентов могут интегрировать информацию о навыках, успеваемости, практическом опыте и участии в проектах, что позволяет работодателям быстрее находить подходящих кандидатов. В свою очередь, образовательные учреждения могут использовать эти данные для более точного формирования образовательных программ, соответствующих требованиям рынка труда. Оптимизация системы через цифровые решения способствует привлечению и удержанию талантливых студентов, поскольку она позволяет разрабатывать персонализированные карьерные маршруты и улучшает процессы подбора. Это не только усиливает кадровый потенциал организаций, но и стимулирует инновационное развитие в отраслях, в которых необходимы гибкие и быстро адаптирующиеся специалисты.

Кроме того, рейтинговый подход можно рассматривать как комплексный инструмент для оценки уровня социального капитала на уровне фирмы, региона или страны. Данный подход основан на агрегировании разнообразных социологических

и статистических показателей в рамках единой структуры, отражающей интенсивность формирования социального капитала и эффективность его использования [16, с. 188].

Для оценки компетенций и создания базы данных о студентах компания ПАО «Татнефть» внедрила модуль «Цифровой паспорт (портфолио) студента» на платформе ELMA365. ELMA365 является современной российской цифровой платформой, позволяющей быстро разрабатывать и внедрять интерфейсы и бизнес-процессы с минимальным объемом программирования. Благодаря этому «Цифровой паспорт (портфолио) студента» введен в эксплуатацию всего за два месяца, от этапа сбора требований до запуска MVP. Сегодня систему уже используют для работы со студентами, которые проходят практику в 2024 г.

ELMA365 представляет собой микросервисное решение, разработанное с применением технологий Golang, NodeJS и Angular. В качестве баз данных используют PostgreSQL и MongoDB, для обмена данными — RabbitMQ, а кэширование быстрых данных обеспечено через Redis. Контейнеризация выполняется с помощью Docker, при этом оркестрация управляется Kubernetes. Файлы хранятся в объектном хранилище, построенном на базе S3-протокола [17, с. 1299].

«Цифровой паспорт (портфолио) студента» — это масштабная база данных, рассчитанная на более 200 пользователей и ежегодно обрабатывающая информацию о свыше 1 000 студентах, участвующих в деятельности компании. Модуль собирает и анализирует данные обо всех студентах, взаимодействующих с предприятиями и подразделениями ПАО «Татнефть». К главным принципам работы системы относятся доступность, гибкость, взаимодействие и безопасность, а также правило о том, что каждый студент, контактирующий с компанией, оставляет свой цифровой след [18].

Модуль «Цифровой паспорт (портфолио) студента» позволяет создавать базу данных для всех студентов, участвующих в деятельности компании, в режиме реального времени пополнять их портфолио, проводить оценочные мероприятия и получать актуальные данные для аналитики. Он включает в себя разделы «Профиль», «Образовательные учреждения», «Практика», «Оценка практики», «Отчеты» и «Аналитика». Система функционирует по методологии, при которой представители учебных заведений вно-

сят информацию о потребности студентов в практике, включая тему работы, выбранное предприятие, отдел и контактные данные.

Студенты проходят практическое обучение на предприятиях, выбранных в соответствии с темой их курсовой работы или выпускной квалификационной работы. В дальнейшем руководителя практики назначают от структурного подразделения этого предприятия. Администратор со стороны ПАО «Татнефть», учитывая потребности студента, направляет запрос в соответствующее подразделение о возможности предоставления места для прохождения практики. При положительном решении предприятия о принятии студента на практику администратор ПАО «Татнефть» вносит эту информацию в систему.

В системе настроена коммуникация между представителем учебного заведения и администратором ПАО «Татнефть», ответственным за организацию практики. Представитель образовательного учреждения может посмотреть в системе сведения о том, что студент принят на практику, и при необходимости актуализировать данные, и после этого система автоматически уведомит администратора ПАО «Татнефть» об изменениях. Все этапы процесса автоматизированы, с отправкой информационных сообщений на каждом из них. При положительном или отрицательном решении об организации практики система отправляет соответствующее уведомление на электронную почту студента.

В случае положительного решения о зачислении на практику студент получает информационное сообщение, содержащее контактные данные руководителя, подтверждение даты и места проведения практики, информацию о подразделении, указания по прохождению инструктажей, подписанию соглашения о неразглашении конфиденциальной информации, а также прикрепленный «маршрутный лист» с обязательными правилами компании. За десять дней до начала практики система автоматически отправляет руководителю напоминание с кратким руководством по оценке способностей студента.

Ежедневно с момента начала практической подготовки система отправляет руководителю уведомления, напоминающие о необходимости заполнения комментариев в оценочном листе студента о его поведенческих характеристиках для последующей

итоговой оценки по результатам прохождения практики. В последний день практики система повторно информирует руководителей о необходимости заполнения оценочного листа студента по итогам практики, и руководитель осуществляет оценку в рамках системы в соответствии с установленными критериями, просматривая ранее внесенные комментарии.

По завершении практики руководитель оценивает студента путем присвоения баллов от 0 до 5 по каждому параметру в соответствующие ячейки, сравнивая наблюдаемые им личностные качества и компетенции студента с описанием индикаторов по уровням, что позволяет вынести объективное решение. Итоговая оценка формируется на основе определения каждого оцениваемого параметра, раскрывающего содержание и личностные особенности студента. Во время оценки руководитель видит свои ежедневные комментарии и заполняет параметры оценки и комментарии к ней. После внесения руководителями оценок система сообщает студенту результаты прохождения практики.

Система обеспечивает ежедневный контроль за процессом прохождения практики студентами. Благодаря встроенному блоку отчетов и аналитики, она позволяет отслеживать и анализировать ежедневное количество учащихся, проходящих практику и требующих оценки, или проводить аналитику за определенный период.

В дальнейшем развитии модуля системы планируется создание ряда цифровых приложений: «Успеваемость», «Наука», «Спорт», «Творчество», «Волонтерство». Эти приложения позволят всесторонне оценить компетенции студентов на базе их академических успехов, научных достижений, спортивных и творческих активностей, участия в волонтерских проектах. Значимым аспектом станет автоматизированная фиксация всех результатов обуче-

ния и участия студентов в мероприятиях, организуемых ПАО «Татнефть», на протяжении периода обучения, что создаст прочную основу для дальнейшего трудоустройства в компании.

Внедрение системы «Цифровой паспорт (портфолио) студента» на платформе ELMA365 значительно повысило эффективность процесса оценки и управления профессиональным развитием студентов. Цифровой паспорт позволяет в режиме реального времени отслеживать динамику развития компетенций и гибких навыков, он стал важным инструментом для интеграции учебного процесса. В результате цифровизация образовательных процессов через призму социального капитала дала возможность более объективно оценивать профессиональные качества студентов, способствуя их лучшей подготовке к современным условиям рынка труда.

Интеграция цифровых технологий позволит аккумулировать большие массивы данных о деятельности студентов, что в долгосрочной перспективе предоставит возможность проводить комплексный и объективный анализ их активности. Это обеспечит выявление наиболее талантливых и перспективных студентов. В итоге можно строить персонализированные траектории их развития и карьерные маршруты в ПАО «Татнефть».

Внедрение продвинутых аналитических инструментов для обработки накопленных данных позволит оптимизировать процессы отбора, подготовки и найма высококвалифицированных специалистов. Цифровизация данного процесса не только ускорит и упростит идентификацию талантливой молодежи, но и поможет учитывать их компетенции, вовлеченность и потенциал развития, что будет способствовать эффективному привлечению специалистов, максимально соответствующих требованиям компании.

Список источников

1. Шмидт Н. И. Система управления талантливыми работниками на нефтегазодобывающем предприятии // VIII Международный молодежный симпозиум по управлению, экономике и финансам — ISMEF 2019 (Казань, 28–29 ноября 2019 г.). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2019. Т. 2. С. 387–390. URL: https://dspace.kpfu.ru/xmlui/viewer?file=158876;ISMEF2019_Vol2__387_390.pdf&sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 24.09.2024).
2. 2018 Deloitte global human capital trends: The rise of the social enterprise. London: Deloitte, 2018. 104 p. URL: <https://www.ecgi.global/sites/default/files/2018-deloitte-global-human-capital-trends.pdf> (дата обращения: 24.09.2024).

3. Забелина О. В., Майорова А. В., Матвеева Е. А. Трудовые установки российской молодежи и государственное содействие развитию и реализации ее трудового потенциала // Экономика труда. 2019. Т. 6. № 3. С. 1093–1102. DOI: 10.18334/et.6.3.41176
4. Мильнер Б. З., Евенко Л. И., Рапопорт В. С. Системный подход к организации управления. М.: Экономика, 1983. 224 с.
5. Шмидт Н. И., Демьянова О. В., Нурыяхметова С. М., Луконин Р. Д. Взаимосвязь мотивации персонала и текучести кадров на нефтегазодобывающем предприятии // Достижения, проблемы и перспективы развития нефтегазовой отрасли: сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. Алметьевск: Алметьевский государственный нефтяной институт, 2020. С. 328–332.
6. Сальная Л. К. Soft skills в компетентностной модели выпускника вуза // Наука. Образование. Культура: сб. ст. по материалам III Междунар. науч. конф. преподавателей, молодых ученых, аспирантов и студентов вузов / под ред. Л. Н. Соколовой. Новочеркасск: Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова. 2016. С. 331–334.
7. Жуковский И. Исследование профиля надпрофессиональных компетенций молодых специалистов // Национальная система квалификаций России: сетевое издание. 2022. № 1-2. URL: journal.nark.ru/articles/proekty-i-partnery/issledovanie-profilya-nadprofessionalnykh-kompetentsiy-molodykh-spetsialistov/ (дата обращения: 24.09.2024).
8. Компетенция // СберУниверситет. URL: <https://sberuniversity.ru/edutech-club/lab/glossary/932/> (дата обращения: 24.09.2024).
9. Программа стажировки в ПАО «Газпром нефть» // ПАО «Газпром нефть». URL: https://career.gazprom-neft.ru/graduates/intelligence-cup/Practice_robots_GPN.pdf (дата обращения: 24.09.2024).
10. Отчетность компании // ОАО «РЖД». URL: <https://company.rzd.ru/ru/9471> (дата обращения: 24.09.2024).
11. Ценности компании // ПАО «Татнефть». URL: https://www.tatneft.ru/o-kompanii/corporate_governance/personnel_management/values (дата обращения: 24.09.2024).
12. Weber T., Hurley J., Mandl I., Bisello M., Vacas-Soriano C. Labour market change: Trends and policy approaches towards flexibilisation. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2020. 76 p. URL: <https://www.bollettinoadapt.it/wp-content/uploads/2020/04/ef19034en.pdf> (дата обращения: 24.09.2024).
13. Рыбкина М. В., Кангро М. В., Пирогова Е. В. Развитие рынка труда в условиях становления цифровой экономики // Вестник университета. 2019. № 11. С. 36–41. DOI: 10.26425/1816-4277-2019-11-36-41
14. Kianto A., Ritala P., Spender J.-C., Vanhala M. The interaction of intellectual capital assets and knowledge management practices in organizational value creation // Journal of Intellectual Capital. 2014. Vol. 15. No. 3. P. 362–375. DOI: 10.1108/JIC-05-2014-0059
15. Kuek S. C., Paradi-Guilford C. M., Fayomi T., Imaizumi S., Ipeirotis P. The global opportunity in online outsourcing. Washington, D.C.: World Bank Group, 2015. 68 p. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/138371468000900555/pdf/ACS14228-ESW-white-cover-P149016-Box391478B-PUBLIC-World-Bank-Global-OO-Study-WB-Rpt-FinalS.pdf> (дата обращения: 24.09.2024).
16. Шмидт Н. И. Оценка эффективности формирования и использования социального капитала // Отечественная наука и практика в контексте глобальных перемен: инновационные решения, цифровые подходы, междисциплинарность и приоритетные направления: сб. науч. ст. по итогам Междунар. межвузовской науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 13–14 сентября 2024 г.). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского центра системного анализа, 2024. С. 186–189.
17. Шмидт Н. И., Лапицкая А. А., Сарычева Ю. А. Компетентностный подход к оценке социального капитала на примере внедрения электронной базы данных «цифровой паспорт (портфолио) студента» // Kazan Digital Week: Междунар. форум. Казань: Научный центр безопасности жизнедеятельности, 2024. Ч. 1. С. 1298–1304.
18. Шмидт Н. И., Демьянова О. В. Развитие социального капитала в условиях цифровизации // Российский экономический интернет-журнал. 2024. № 3. URL: <https://www.e-rej.ru/upload/iblock/bcc/vw3q3l1r767redhlfky2zvvhf3heaseix.pdf> (дата обращения: 24.09.2024).

References

1. Shmidt N.I. Talent management system in an oil and gas producing company. In: Proc. 8th Int. symp. on management, economics and finance – ISMEF 2019 (Kazan, November 28-29, 2019). Vol. 2. Kazan: Kazan University Publ.; 2019:387-390. URL: <https://dspace.kpfu.ru/>

- xmlui/viewer?file=158876;ISMEF2019_Vol2__387_390.pdf&sequence=1&isAllowed=y (accessed on 24.09.2024). (In Russ.).
2. 2018 Deloitte global human capital trends: The rise of the social enterprise. London: Deloitte; 2018. 104 p. URL: <https://www.ecgi.global/sites/default/files/2018-deloitte-global-human-capital-trends.pdf> (accessed on 24.09.2024).
 3. Zabelina O.V., Mayorova A.V., Matveeva E.A. Labour attitudes of Russian youth and state assistance to the development and realization of its labor potential. *Ekonomika truda = Russian Journal of Labor Economics*. 2019;6(3):1093-1102. (In Russ.). DOI: 10.18334/et.6.3.41176
 4. Milner B.Z., Evenko L.I., Rapoport V.S. A systematic approach to the organization of management. Moscow: Ekonomika; 2018. 224 p. (In Russ.).
 5. Shmidt N.I., Demyanova O.V., Nuryakhmetova S.M., Lukonin R.D. The relationship between staff motivation and staff turnover at an oil and gas producing enterprise. In: Achievements, problems and development prospects of the oil and gas industry. Proc. 7th Int. sci.-pract. conf. Almet'yevsk: Almet'yevsk State Oil Institute; 2020:328-332. (In Russ.).
 6. Sal'naya L.K. Soft skills in the competency model of a university graduate. In: Sokolova L.N., ed. Science. Education. Culture. Proc. 3rd Int. sci. conf. of teachers, young scientists, postgraduates and university students. Novocherkassk: Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI); 2016:331-334. (In Russ.).
 7. Zhukovskii I. Study of the profile of transprofessional competencies of young specialists. *Natsional'naya sistema kvalifikatsii Rossii*. 2022;(1-2). URL: journal.nark.ru/articles/proekty-i-partnery/issledovanie-proflya-nadprofessionalnykh-kompetentsiy-molodykh-spet-sialistov/ (accessed on 24.09.2024).
 8. Competence. SberUniversitet. URL: <https://sberuniversity.ru/edutech-club/lab/glossary/932/> (accessed on 24.09.2024). (In Russ.).
 9. Internship program at PJSC Gazprom Neft. PJSC Gazprom Neft. URL: https://career.gazprom-neft.ru/graduates/intelligence-cup/Practice_robots_GPN.pdf (accessed on 24.09.2024). (In Russ.).
 10. Results and reporting. Russian Railways. URL: <https://company.rzd.ru/ru/9471> (accessed on 24.09.2024). (In Russ.).
 11. Values of the company. PJSC TatNeft. URL: https://www.tatneft.ru/o-kompanii/corporate_governance/personnel_management/values (accessed on 24.09.2024). (In Russ.).
 12. Weber T., Hurley J., Mandl I., Bisello M., Vacas-Soriano C. Labour market change: Trends and policy approaches towards flexibilisation. Luxembourg: Publications Office of the European Union; 2020. 76 p. URL: <https://www.bollettinoadapt.it/wp-content/uploads/2020/04/ef19034en.pdf> (accessed on 24.09.2024).
 13. Rybkina M.V., Kangro M.V., Pirogova E.V. Development of the labor market in the conditions of formation of the digital economy. *Vestnik universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya)*. 2019;(11):36-41. (In Russ.). DOI: 10.26425/1816-4277-2019-11-36-41
 14. Kianto A., Ritala P., Spender J.-C., Vanhala M. The interaction of intellectual capital assets and knowledge management practices in organizational value creation. *Journal of Intellectual Capital*. 2014;15(3):362-375. DOI: 10.1108/JIC-05-2014-0059
 15. Kuek S.C., Paradi-Guilford C.M., Fayomi T., Imaizumi S., Ipeirotis P. The global opportunity in online outsourcing. Washington, DC: The World Bank; 2015. 68 p. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/138371468000900555/pdf/ACS14228-ESW-white-cover-P149016-Box391478B-PUBLIC-World-Bank-Global-OO-Study-WB-Rpt-FinalS.pdf> (accessed on 24.09.2024).
 16. Shmidt N.I. Evaluation of the effectiveness of the formation and use of social capital. In: Domestic science and practice in the context of global changes: Innovative solutions, digital approaches, interdisciplinarity and priority areas. Proc. Int. interuniv. sci.-pract. conf. (St. Petersburg, September 13-14, 2024). St. Petersburg: St. Petersburg Center for Systems Analysis; 2024:186-189. (In Russ.).
 17. Shmidt N.I., Lapitskaya A.A., Sarycheva Yu.A. Competence-based approach to assessing social capital using the example of implementing an electronic database "digital passport (portfolio) of a student". In: Int. forum "Kazan Digital Week". Pt. 1. Kazan: Scientific Center for Life Safety; 2024:1298-1304. (In Russ.).
 18. Shmidt N.I., Demyanova O.V. Development of social capital in the context of digitalization. *Rossiiskii ekonomicheskii internet-zhurnal = Russian Economic Online Journal*. 2024;(3). URL: <https://www.e-rej.ru/upload/iblock/bcc/vw3q3l1r767redhlfky2zvvhf3heaseix.pdf> (accessed on 24.09.2024). (In Russ.).

Сведения об авторе

Наталья Ильясовна Шмидт
аспирант Института управления, экономики
и финансов
Казанский (Приволжский) федеральный
университет
420012, Казань, Бутлерова ул., д. 4

Поступила в редакцию 26.09.2024
Прошла рецензирование 16.10.2024
Подписана в печать 05.11.2024

Information about the author

Natalya I. Shmidt
postgraduate student of the Institute
of Management, Economics and Finance
Kazan (Volga Region) Federal University
4 Butlerova st., Kazan 420012, Russia

Received 26.09.2024
Revised 16.10.2024
Accepted 05.11.2024

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов,
связанных с публикацией данной статьи.
Conflict of interest: the author declares no conflict of interest
related to the publication of this article.

Основные условия и требования к оформлению рукописей научных статей, представляемых в РНЖ «Экономика и управление»

Журнал издается Санкт-Петербургским университетом технологий управления и экономики (СПбУТУиЭ) под научно-методическим руководством Отделения общественных наук Российской академии наук с 1995 г.

Российский научный журнал «Экономика и управление» входит в перечень изданий, публикации в которых учитываются экспертными советами по экономике, а также управлению, вычислительной технике и информатике Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства науки и высшего образования РФ при защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук. Российский научный журнал «Экономика и управление», согласно решению ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ от 21 декабря 2023 г. № 3-пл/1 «О категорировании Перечня рецензируемых научных изданий», вошел в категорию К2.

Для публикации в журнале «Экономика и управление» принимаются статьи на русском языке, содержащие описание актуальных фундаментальных технологий, результаты научных и научно-методических работ, посвященных проблемам социально-экономического развития, а также отражающие исследования в области экономики, управления, менеджмента и маркетинга. Предлагаемый материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, тематически соответствовать профилю журнала.

Обязательные требования к содержанию статей, предназначенных для публикации в журнале «Экономика и управление»

Чтобы статья успешно прошла научное рецензирование и была принята для публикации в журнале, она должна иметь следующую структуру:

1. Актуальность проблемы, ее сущность и общественно-научная значимость.
2. Освещение данной проблемы и опыта ее решения в зарубежной и отечественной литературе, анализ законодательства и нормативно-правовой базы (если это в русле авторского замысла).
3. Критический анализ имеющихся в литературе, экономической и управленческой практике подходов к решению проблемы.
4. Научно обоснованные предложения автора относительно решения проблемы (систематизированное изложение авторской идеи (идей): методов, концептуальных положений, моделей, методик и др., направленных на разрешение проблемы). Эти взгляды должны быть аргументированы и обоснованы, по возможности подтверждены расчетами, фактами, статистикой и др. При необходимости в качестве элементов обоснования приводят формулы, таблицы, графики и др.
5. Краткие выводы, резюмирующие проведенные исследования, отражающие основные их результаты.
6. Научная и практическая значимость материала статьи с изложением рекомендаций (как, где авторские предложения могут быть использованы, что для этого следует сделать) и теоретического развития авторских идей в дальнейшем.

Основные требования к сдаче в издательство рукописей, предназначенных для публикации в журнале «Экономика и управление»

1. Статья должна содержать:
 - 1.1. Аннотацию (расширенную; в аннотации должны быть отражены цель, задачи, методология, результаты, выводы).
 - 1.2. Ключевые слова (от 5 до 7 слов), разделенные запятой.
 - 1.3. Сведения об авторе: место работы каждого автора (если таковое имеется) в именительном падеже, его должность и регалии, контактную информацию (почтовый адрес, e-mail).
2. Оформление статьи:
 - 2.1. Объем статьи должен составлять от 0,4 до 1 а. л. (1 а. л. — 40 000 знаков, считая пробелы).
 - 2.2. В верхнем правом углу первой страницы статьи должна содержаться информация об авторе: Ф.И.О. (полностью), должность, название организации и ее структурного подразделения, адрес. Ученая степень, ученое звание, почетное звание (если таковые имеются).
 - 2.3. Шрифт — Times New Roman, кегль — 14 пунктов. Поля: 2,5 — левое и по 2 см — остальные, печать текста на одной стороне листа, оборот листа — пустой. Страницы должны быть пронумерованы.
 - 2.4. Список литературы должен содержать библиографические сведения обо всех публикациях, упоминающихся в статье, расположенные в порядке упоминания в квадратных скобках, и не должен включать в себя работы, на которые в тексте отсутствуют ссылки. Все ссылки в статье должны быть затекстовыми (расположенными в конце статьи), с указанием в основном тексте порядкового номера источника и упоминаемых страниц. В списке литературы для каждого источника необходимо указывать страницы: в случаях ссылки на публикацию в журнале, газете, сборнике (периодическом издании) — интервал страниц, а в случаях ссылки на монографию, учебник, книгу — общее количество страниц в этом издании.
3. Иллюстративный материал:
 - 3.1. Рисунки, диаграммы, таблицы и графики должны быть вставлены в текст статьи на соответствующие им места.
 - 3.2. Если иллюстрации отрисованы авторами самостоятельно в формате Word или Excel, то не следует заверстывать их в другие программы!
 - 3.3. Остальные иллюстрации также следует присылать только в исходном формате:
 - отсканированные с разрешением на 300 dpi иллюстрации в формате .tif либо .jpg вставляют в текст статьи на соответствующие им места и дополнительно отправляют отдельными файлами, не вставленными в текст;
 - иллюстрации из сети Интернет вставляют в текст статьи и дополнительно присылают отдельными файлами в формате, в котором скачаны.
 - 3.4. Размер исходного изображения должен быть не меньше публикуемого.
 - 3.5. Рекомендованное количество иллюстраций в одной статье — не более трех.

Статью представляют в электронном виде (по электронной почте или на носителе информации) в формате Microsoft Word.

Для получения полной информации о требованиях к публикации следует обратиться в издательство.

Адрес электронной почты издательства СПбУТУиЭ: izdat-ime@yandex.ru

Тел.: +7 (812) 449-08-33

Basic conditions and requirements for research articles submitted to the Russian scientific journal "Economics and Management"

The journal has been published by the St. Petersburg University of Management and Economics Technologies (UMTE) under the scientific and methodological guidance of the Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences since 1995.

The Russian scientific journal "Economics and management" is included in the list of publications in which publications are taken into account by expert councils on economics, as well as management, computer engineering and informatics of the Higher Attestation commission (HAC) of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation when defending dissertations for the degrees of candidate and doctor of Sciences. The Russian scientific journal "Economics and management", according to the decision of the Higher Attestation commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated December 21, 2023 no. 3-нн/1 "on categorization of the list of peer-reviewed scientific publications", entered category K2.

Articles in Russian containing descriptions of current fundamental technologies, the results of scientific and methodological works devoted to the problems of socio-economic development, as well as reflecting research in the field of economics, administration, management and marketing are accepted for publication in the journal "Economics and Management". The proposed material must be original, not previously published in other printed publications, thematically correspond to the profile of the journal.

The Basic Requirements to script submissions for publisher of Economics and Management

1. Contents

- Summary should contain the aim, tasks, methods and results of research. Please find the Summary Guidance on Economics and Management web-site
- List of key words should contain 5 to 7 items separated by semicolon
- Information about the author should contain job position, regalia and location using subjective case together with personal details and contact information

2. Layout

- Size should be not less than 0.4 and not more than 1 author's list
- Personal information should be placed in the top right corner of the front page starting with the name, position, regalia, company name with full address, etc.
- Please use the Times New Roman size 14 with 2.5 cm border on the left and 2 cm on the right, top and bottom sides
- List of references should contain bibliography on all publications mentioned in the article. Please use square brackets for numbers in the order of their appearance in the article. The sources not mentioned in the article should not be used in this list. All the references should be positioned at the very end of the article using numbers shown in square brackets with detailed position in the text. In case you refer to magazine, newspaper or digest you should indicate the page number (s) and the full number of pages in case of monograph, textbook or any other publication

3. Graphics

- All the pictures, diagrams, tables and schedules should be positioned exactly in place they are being mentioned in the article
- Please use .doc or .exe formats in case illustrations were made by the author personally in the same format
- For all the other illustrations please use the original format
- Illustrations scanned in .tif or .jpg using 300 dpi apart from being placed in the text should be sent separately in attached file
- Illustrations copied from Internet should be placed in the text as well as sent separately in attached file using original format
- The picture in the article should be of the same size as it is shown in original source
- Recommended amount of pictures and illustrations should not exceed three items

Please send all the articles printed on A4 paper format together with electronic version using Microsoft Word. Both versions should be identical.

Contact Details: Tel.: +7 (812) 449-08-33

E-mail: izdat-ime@yandex.ru

70%

50%

80%

15%

10%

20%

60%

17%

50%

-40%

-30%

Economics and Management

Экономика и управление

РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ | RUSSIAN SCIENTIFIC JOURNAL

РНЖ «Экономика и управление» издается Санкт-Петербургским университетом технологий управления и экономики под научно-методическим руководством Отделения общественных наук РАН с 1995 года. Журнал является одним из ведущих российских научных изданий, в котором публикуются результаты оригинальных теоретических и прикладных исследований по актуальным проблемам экономики и управления.

Ėkonomika i upravlenie

ISSN 1998-1627

9 771998 162780

Журнал «Экономика и управление»

включен в следующие базы научных журналов:

- База российских научных журналов на платформе e-library (РИНЦ)
- Перечень российских рецензируемых научных журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (ВАК), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

ПОДПИСКА ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ

Индекс в каталоге
АО «Почта России»:
П1922

Индекс в подписном
печатном каталоге ГК
«Урал-Пресс»: 29996

Электронная
подписка:
www.elibrary.ru

По вопросам приобретения обращаться в издательство: (812) 449 08 33